

• kot Fedot

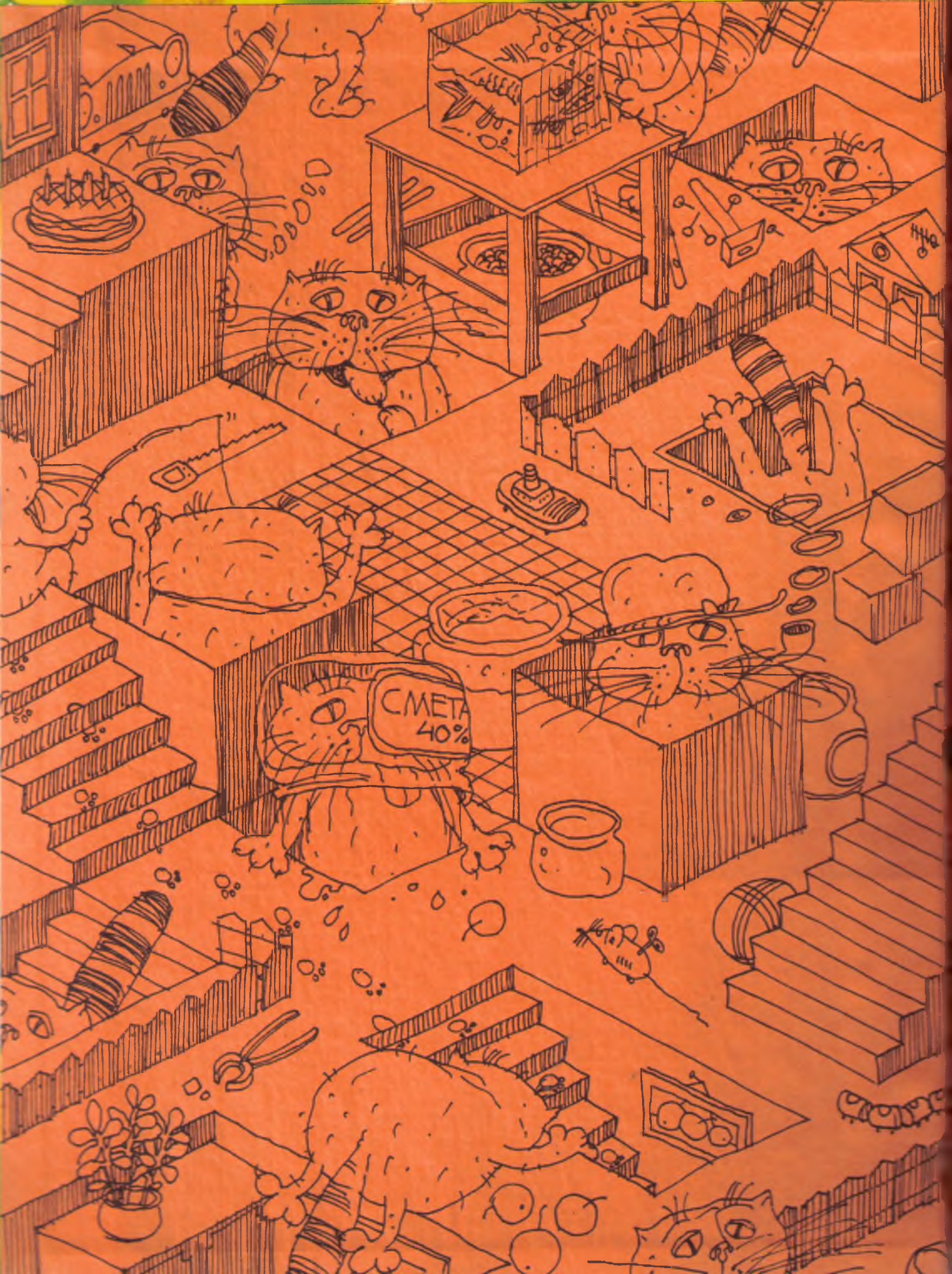

ПРОДАКШН •

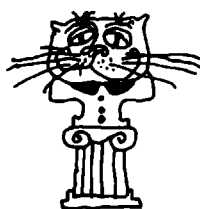
Андрей Тру

Жюки Мауси
ДЕТЕКТИВ
из Чапареля

ЛАУРЕАТЫ
ПРЕМИИ
КОТА ФЕДОТА

**«КОТ ФЕДОТ ПРОДАКШН» КОМПАНИ
ОСНОВАНА КОТОМ ФЕДОТОМ СОВМЕСТНО
С ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «НЮАНС» (ЯРОСЛАВЛЬ),
ГАЗЕТОЙ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»
И ЯРОСЛАВСКИМ ПОЛИГРАФКОМБИНАТОМ В 1993 ГОДУ
С ЦЕЛЮ ОТЛОВА САМЫХ ЛУЧШИХ И САМЫХ ХОРОШИХ ДЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ И ПИСАТЕЛЬНИЦ И ВОПЛОЩЕНИЯ
НА БУМАГЕ ИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В КНИЖНОЙ СЕРИИ
«КОТ ФЕДОТ ПРОДАКШН».**

**А ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ КОТУ ФЕДОТУ БЫЛО С КЕМ ПОСОВЕТОВАТЬСЯ
ПО ЛИТЕРАТУРНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ ВОПРОСАМ, БЫЛ СОЗДАН
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ В СОСТАВЕ:**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВСЁ

КОТ ФЕДОТ («КОТ ФЕДОТ ПРОДАКШН» КОМПАНИ)

ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗА ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ

ИГОРЬ ВИРАБОВ («КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»)

МИХАИЛ КИТАЙНЕР (ИЗДАТЕЛЬСТВО «НЮАНС»)

ЯКОВ КОГАН (ЯРОСЛАВСКИЙ ПОЛИГРАФКОМБИНАТ)

ВЛАДИМИР МАМОНТОВ («КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»)

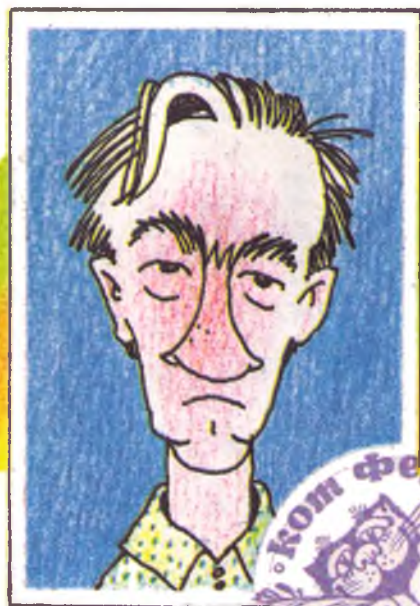
АНДРЕЙ ПАНКРАТОВ («КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»)

ВЯЧЕСЛАВ ПИЛИПЕЦ (ИЗДАТЕЛЬСТВО «НЮАНС»)

НИКОЛАЙ ШАДУРОВ (ИЗДАТЕЛЬСТВО «НЮАНС»)

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Ком Федот
PRODUCTION

Андрей Тру

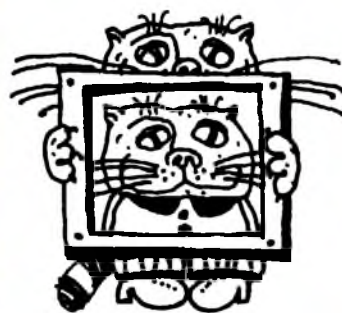
У ПИСАТЕЛЯ АНДРЕЯ ТРУ НЕТ УСОВ, КОГТЕЙ И ХВОСТА. ОН НЕ ЛЮБИТ СМЕТАНУ, ВАЛЕРЬЯНКУ И СЫРУЮ РЫБУ. ОН НЕ ГУЛЯЕТ ПО КРЫШАМ, НЕ ДЕРЕТСЯ С СОБАКАМИ И НЕ ОХОТИТСЯ ЗА ВОРОБЬЯМИ. НО, НЕСМОТРЯ НА ЭТО, ОН СТАЛ ЛАУРЕАТОМ ПРЕМИИ ИМЕНИ МЕНЯ, ЧТО ОСОБЕННО ПРИЯТНО.

САМОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ, ЧТО ВСЕ НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ ВЫДУМАЛ ЭТОТ ЛАУРЕАТ, ПРОИСХОДИЛИ НА САМОМ ДЕЛЕ И В МОЕМ ПРИСУТСТВИИ. ДАЮ ХВОСТ НА ОТСЕЧЕНИЕ!

ФЕДОТ

ВСЕ РИСУНКИ
В ЭТОЙ КНИГЕ
ПРИДУМАЛ
И НАРИСОВАЛ

НИКОЛАЙ
КОШКИН

Андреа Три

Хрюки Мауси
ДЕТЕКТИВ
из ЧАПАРЕНА

Повести-сказки

• ИДАНС •
ЯРОСЛАВЛЬ
1994

ББК 82.3

Т 80

Трушкин А.

Т 80 Хрюки Мауси — детектив из Чаппареля. Повести-сказки. — Ярославль: Ньюанс, 1994. — 216 с.: ил.

В первую книгу молодого писателя Андрея Тру вошли четыре увлекательные и динамичные по сюжету повести: «Хрюки Мауси — детектив из Чаппареля», «Приключения маленького поросёнка Инвентарный Номер 17819», «Казя-Базя, Тилёпа и другие хрюши», «Сага о леммингах». С необычными и веселыми персонажами этих повестей будет интересно познакомиться и детям, и взрослым.

Т 4803010201 — 5
НЮАНС — 94 Без объявл.

ББК 82.3

ISBN 5-88610-010-5

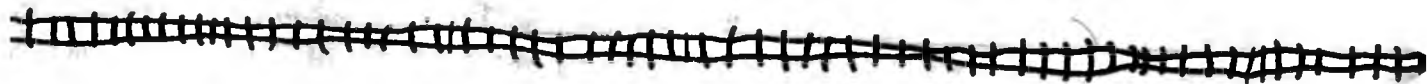
© А. А. Трушкин, 1994.

© Серия «Кот Федот Production» — «Ньюанс», 1994.

© Составление, оформление, иллюстрации — «Ньюанс», 1994.

Хрюки Мауси
ДЕТЕКТИВ
из ЦАПАРЕЛЯ

ГЛАВА 1, в которой благородный грабитель почтовых поездов Билли Колючка решает, что ему предпочтительней,— умереть немедленно в Техасе или через сто пятьдесят лет в Нью-Мексико

Колючка Билли из Техаса и его конь Торнадо стояли на границе двух североамериканских штатов и напряжённо размышляли.

Билли, щурясь от едкого дыма, попыхивал своей сигарой, Торнадо выкал, отгоняя надоедливых мух, судебный исполнитель и взвод регулярной кавалерии перекликались неподалёку в зарослях кактусов, распуская причудливые следы, оставленные самым знаменитым в истории Техаса преступником.

Шестнадцать пятиконечных звёзд, отличительную метку Билли, — пометку на каждый ограбленный поезд, стало быть, по четыре на каждое колесо Торнадо, — знал весь штат.

— Не надо иллюзий, — пробормотал Колючка Билли. — Они идут строго по моему следу. Ставлю свои шпоры против шкуры старого осла — у него даже приготовлена крепкая верёвка, чтобы вздёрнуть меня на ближайшем дереве.

Тот факт, что ближайшее дерево в этой пустынной местности можно было бы найти, пожалуй, миль за сто от Билли, самого Билли почему-то это успокаивал.

«Смерть!» — только такой вердикт, согласно тexasским законам, могли вынести присяжные за неоднократное и злостное нарушение хода почтовых поездов по территории штата и последующие за этим опоздания по расписанию. (А Билли Колючка никогда не мог отказать себе в удовольствии поболтать с машинистами после ограбления!)

Параграфы закона соседнего штата Нью-Мексико, касающиеся Билли, были гораздо мягче — сто пятьдесят лет тюрьмы со строгой изоляцией в «одиночке».

Уютная камера, вежливый персонал, газета «Нью-мексиканская криминальная хроника» по утрам против неласковых рук шерифа Техаса и пенковой верёвки: выбор напрашивался однозначный.

Но Билли Колючка и его конь Торнадо были патриотами своего штата. Самое жаркое солнце, самая острая перцовая похлёбка, самые пыльные дороги, самые горячие и брыкливые жеребцы — ну, скажите, кто по своей воле покинет этот рай?!

Здесь, в Техасе, Билли Колючка родился и рос. Здесь папа Билли впервые вложил в его руку шестизарядный кольт, что делает в человеке дырку больше его самого. Помнится, первой целью юного Билли была спелая тыква, позаимствованная с соседнего огорода. Билли навёл своё оружие на грозного пузатого противника, тщательно прицелился, — бах! — и от тыквы осталось одно воспоминание.

С тех пор тыквы с соседнего участка стали исчезать регулярно, равно, как и пули из патронташа Колючки-старшего.

Однажды отец застал Билли, любующимся вечерними звёздами сквозь продырявленный снайперской стрельбой развесистый кактус.

— Неплохо, сынок, — резюмировал он, трогая края дырок своим заскорузлым пальцем. — Однако пора, как и всем порядочным людям, заняться делом.

На следующее утро Билли Колючка остановил свой первый почтовый поезд. Грабитель вынул свой кольт, вежливо выстрелил в воздух, машинисты галантно придержали паровоз и нежно выгрузили из опечатанного вагона мешок с «капустой» — зелёными купюрами, с портретами строго поглядывающих на Билли президентов.

За первым делом последовало второе. Затем — целая серия новых ограблений. «Дела» шли, как по отутюженному сценарию: револьвер — улыбка — деньги. «Хэлло, Билли, как твой Торнадо?» «В порядке, Джо. А как твоя малышня?» «Ждём ещё двоих, чтобы составить бейсбольную команду» «Где «капуста»?» «В пятом вагоне».

Так продолжалось до тех пор, пока именитым налогоплательщикам не надоело, что почтовые поезда делают вынужденную остановку у дома Билли Колючки всё чаще и чаще, а их дочери любят по

~~Его~~ фотопортретами знаменитого грабителя (на которых некогда без-
~~застенчивый~~ фотограф сделал состояние, вдвое превышающее ту сумму, что
~~выручил~~ сам Колючка Билли за свои шестнадцать нападений на почтовый
~~ящик~~).

«Баста!» — решил шериф Техаса и поднял в ружьё регулярные войска.
Безяге Билли пришлось бы худо, если бы не таланты его верного друга
Торнадо: конь умел мчаться, как вихрь, скакать на двух копытах и даже
идти задом наперёд. Три знаменитых следопыта как-то заявили, что
позволят снять с себя скальп, если не распутают следы Торнадо и не
найдут Билли. И не нашли.

Тем не менее шериф Техаса (который раньше работал гувернёром в
школе, где воспитывались шестеро детей, так что терпения ему было не
хватать) оттеснил Билли к самой границе.

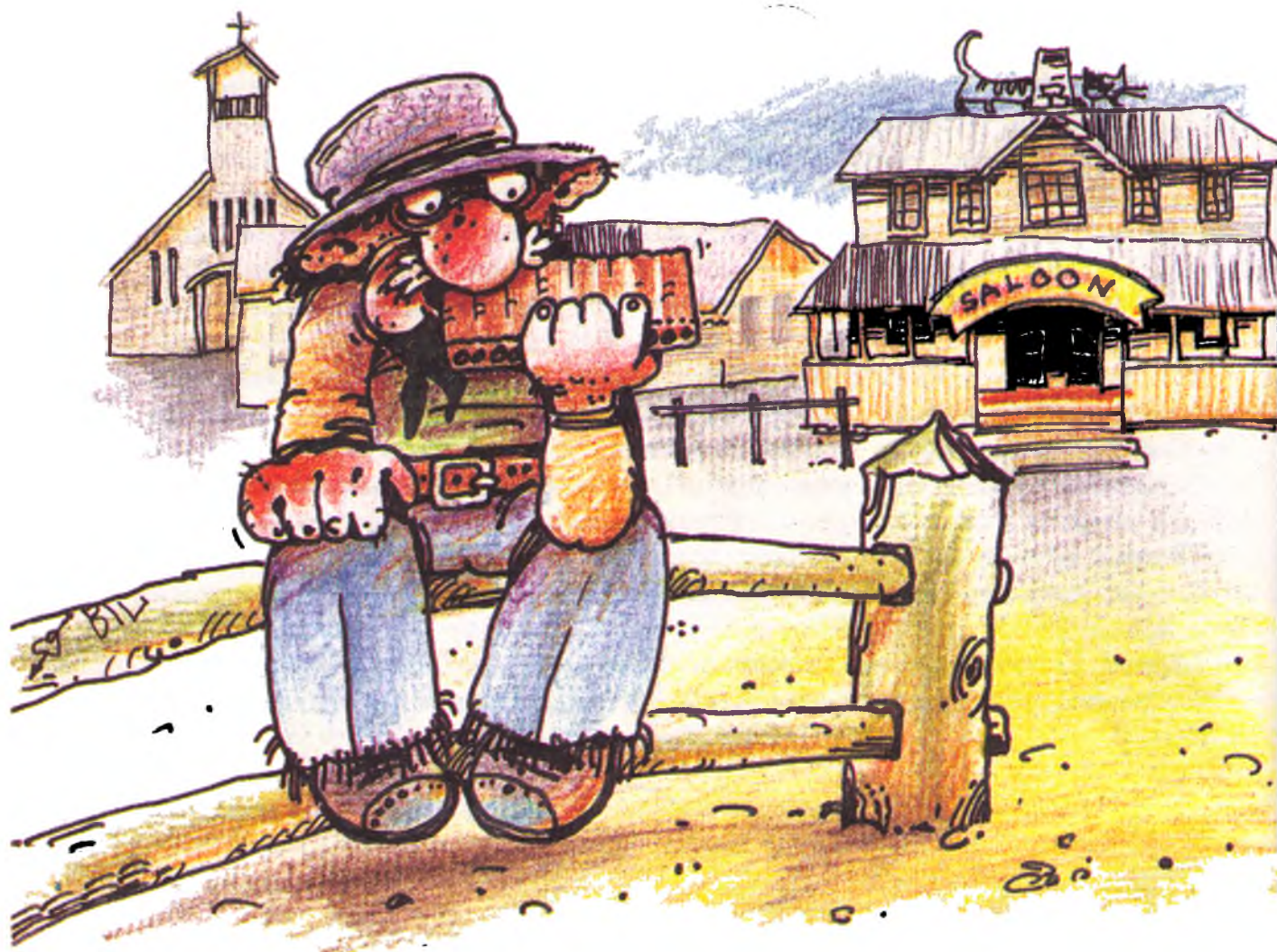
Вскоре он собственной персоной появился из кактусовых джунглей и
показал Билли шикарный моток колючей верёвки, свитой из хвостов
диких мустангов.

Билли, как нашкодивший школьник при виде директора, помчался
через границу.

Шериф улыбнулся, снял шляпу и помахал вслед беглецу:

— Билли, не подкачай там в Нью-Мексико! Помни, парень, что ты
из Техаса!

*ГЛАВА 2, в которой Билли Колючка, скрывшись
с глаз властей Техаса, в поле зрения
их коллег из Нью-Мексико так и не
появляется*

Мрачный Билли и насупленный Торнадо без цели продвигались на запад, продираясь сквозь заросли. Вдруг ноздри Торнадо дрогнули.

— Да, — подтвердил Билли, — пахнет дымом.

Он направил коня на узкую тропинку, выющую змейей между разлапистых кустов агавы, и вскоре выехал на поляну, огороженную жердями. За выгоном для скота виднелось то ли богатое ранчо со множеством построек, то ли бедный городишко домов на сто-сто двадцать.

Оседлав одну из жердей ограды, у пастбища сидел местный житель — ~~Старина~~ Дэн. Он играл на губной гармошке мелодию своей юности о ковбое ~~Старина~~, его подружке Пегги и их несчастной любви посреди бескрайних ~~просторов~~ прерии.

Выбивая из твёрдой земли фонтанчики пыли, Торнадо, как зачарованный двинулся к Старине Дэну. Дэн, краем глаза заметив восхищённых ~~зрителей~~, извлёк из своей гармонике такой жалостливый аккорд, что Торнадо на реснице повисла слеза, а Билли хмыкнул и надвинул чуть ~~на~~ за глаза свою широкополую шляпу.

Когда любовь умерла, а вместе с ней Пегги и Фредди, Старина Дэн ~~взглянул~~ на незнакомцев.

— Нью-Мексико? — спросил Билли, поглаживая разволновавшегося ~~Торнадо~~ по холке.

— Нет, мистер, — покачал головой Старина Дэн, пряча гармошку в ~~карман~~.

— Техас?!

— Мимо цели, мистер.

Билли задумался. Много лет в школе ему вдалбливали, что если по-~~ехать~~ на запад от штата Техас, то попадёшь прямиком в штат Нью-Мек-~~сико~~. Оказывается, это не так? А может, чья-то предательская рука вы-~~стрелила~~ ему в спину и он уже давно на небесах? А этот старый ковбой ~~кажется~~ не старый ковбой, а один из вечно юных ангелов?

— Америка? — с надеждой спросил Билли, со страхом ожидая ответ.

— Чаппарель, мистер, — уточнил Старина Дэн. — Территория Соеди-~~нённых~~ Штатов.

— Я знал, что Техас самый большой штат в мире, — облегчённо вздохнул Билли, — но не знал, что Нью-Мексико — самый маленький. Выходит, я уже в Калифорнии?

— Вы приезжий, мистер, — вздохнул Старина Дэн, — вам этого не понять. Если мистер э-э-э-...

— Мистер Билли Стар, — подсказал Билли Колючка.

— Если мистер Билли Стар не торопится, — подхватил Старина Дэн, — здесь в двух шагах есть салун, где без помех можно опрокинуть по стаканчику виски, если, конечно, мистеру есть чем платить.

— Мистер не торопится, — кивнул головой Билли, — и мистеру есть чем платить. Один маленький нюанс: что говорят шериф и закон вашей территории по поводу ограбления почтовых или курьерских поездов?

— Они молчат, мистер, — развёл руками Старина Дэн, — у нас никогда не грабили ни почтовых, ни курьерских поездов.

— Значит, ограбят, — подумал Билли Колючка подсаживая Старину Дэна на круп коня позади себя.

Торнадо, словно не чувствуя двойной ноши, галопом помчался к Чаппарелю. Как только он скрылся за ближайшим поворотом, из кустов вышел человек, обряжённый в странного вида одежду, напоминающую балахон, наклонился над землей и долго рассматривал пятиконечные звёзды, оставленные в придорожной пыли копытами Торнадо.

ГЛАВА 3, в которой читатель узнает о том как в голове у Хрюки Мауси завелись пчёлы

Салун семейства Мауси, в который Билли Колючка и Старина Дэн вошли прополоскать горло, был типичным заведением третьего разряда, где на стаканах, в которые разливали напитки, сыщик Алан Пинкертон в любое время мог бы собрать богатейшую коллекцию чудесных отпечатков пальцев, а жирные бифштексы, прежде чем подавать на стол, приходилось по часу отваривать в крутом кипятке.

Глава семейства Мауси три года назад отправился в прерию на охоту и бесследно исчез. Бразды правления салуном, кухней и несколькими комнатами для гостей, громко именуемыми «апартаментами», перешли к его жене — Женевьеве Мауси. Но поскольку Женевьева всю жизнь больше интересовалась вопросами модных туалетов, чем проблемами ощипывания

зур и стирки белья, дело после пропажи главы семейства Мауси совсем бы захирело, если бы не хлопоты Патти Мауси — её старшей дочери.

Семейство Мауси было хорошо известно всем чаппарельцам, но не благодаря эксцентричной Женевьеве или трудолюбивой Патти. Семейство Мауси прославил малолетний Хрюки Мауси.

Вышло это вот как. Однажды, ещё в детстве, Патти Мауси запустила в хрюкальце Хрюки Мауси пчелу. К счастью, пчела не ужалила Хрюки а, поползав где-то внутри, выбралась через ухо и улетела восвояси. Но, видимо, уютная голова Хрюки чем-то запала ей в душу, потому что на следующее утро пчела вернулась вместе со своим роем и снова полезла в хрюкальце, а за ней двинулись и её товарки.

Так у Хрюки в голове завелся улей.

Самому Хрюки это показалось страшно забавным, но его мама так не считала. Она то и дело прикладывала ухо к голове сына, подолгу слушала

ровное гудение непрошенных гостей, и в сомнении качала головой. Наконец однажды утром она привела Хрюки к местному доктору.

Мистер Гопкинс, служивший когда-то шофёром у столичного доктора, а потому в забытом Богом Чаппареле по праву считавший себя медицинским светилом, со всех сторон исследовал Хрюки стетоскопом и глубоко-мысленно заявил, что это не совсем нормально, когда у мальчишки в голове живут пчёлы и вылетают через уши.

— Сколько будет стоить лечение? — напрямик спросила мама Хрюки.

— Случай тяжёлый, — пробурчал доктор Гопкинс, заполняя никому не понятными, кроме его жены-аптекарки, каракулями рецептурный бланк. — Потребуется месяц активного ремонта, то есть активной м-м-м... терапии по три доллара в день, я думаю.

Женевьева Мауси прикинула, что плату за «лечение» покроет разве что продажа кассового аппарата, всех зеркал и столовой посуды салуна Мауси, и решительно двинулась вместе с сыном к выходу.

— Куда же вы?! — выскочил из-за стола мистер Гопкинс. — Можно обойтись и долларом в день, а карбюратор я переберу ему бесплатно!

— Пусть лучше в голове у мальчишки водятся пчёлы, чем всякие глупости, — отрезала мама Мауси и ушла.

Так пчёлы остались жить у Хрюки. По ночам они спали, а днём летали на поиск нектара и охраняли Хрюки — мальчишек, которые однажды отвесили ему пару тумачков, они искушали так, что их родители распознали опухших сыновей только по разного покроя штанам.

Слава нашла Хрюки, и жизнь обернулась для него новой, сахарной стороной. Стоило ему, например, подумать о сладком, как на язык ему стекала ароматная капелька мёда. А в его возрасте, согласитесь, от жизни больше ничего и не надо.

ГЛАВА 4, в которой выясняется, как Чаппарель исчез с карты Америки, а Билли Колючка встречается сам с собой, и от этого у Патти Мауси меняется представление о мужчинах

Знаменитый Хрюки Мауси ещё спал, когда Билли Колючка и Старина Дэн ополовинили первую бутылку.

— Пить вредно, мистер, я всегда это говорил, — вздохнул Старина Дэн, закусывая виски початком варёной кукурузы. — Все беды, мистер, от этого горького дела. Не будь в нашем округе виски, не повис бы Чап-

лететь между небом и землёй, как воздушный змей на верёвочке. Год назад правительство откомандировало к нам двоих топографов — уточнить границу между штатом Техас и штатом Нью-Мексико. Всё было нормально, но эти парни не добрались до Чаппареля. Тут они спустились в салуне выпить пива, надрались текилы и вышли выправлять границу. А сами мистер, если вы хоть раз пробовали эту гадость (а не разлить ли её по стаканчику?), если вы хоть раз пробовали текилу, что после неё у человека вырастают крылья за спиной и глаз становится будто в три раза больше. А поскольку человек с крыльями управляться не может, тем более, когда кругом всё пляшет и норовит на тебя наскочить, он летит, как может, до ближайшего забора, да там и устраивается, серьёзно, до утра. Но те ребята оказались крепкими: сразу видно — стоишь не какая-нибудь провинциальная шантрапа. Вышли они на границу, встретились напротив друг друга и провели по карте, как видели, границу между Техас и штатом Нью-Мексико. Но поскольку в глазах у них всё было только двоилось, то и линии получились неровными: одна ушла влево, другая — вправо. А посреди, как на грех, оказался наш Чаппарель.

— Не желают ли господа попробовать нашей фирменной яичницы с беконом? — спросила, подойдя к ранним гостям, Патти Мауси, заметив, что на столе, кроме варёной кукурузы и текилы, замаскированной под виски, положить гостям ничего не хочет.

Билли Колючка поднял глаза, и челюсть его тут же медленно опустилась вниз. Во-первых, потому что никто отродясь не называл Билли

господином, а во-вторых, потому что девушка, которая стояла перед ним, мгновенно изменила все его представления о канонах красоты, что были заложены в душе грабителя почтовых поездов с самого детства. Нет, никогда Билли не предполагал, что женские глаза могут быть красивее, чем благородные формы дикого мустанга или блеск воронёной стали кольта.

— Мистер хочет что-то сказать? — спрятав улыбку, спросила Патти.

— Да-а-а, — прохрипел Билли, захлопывая рот прямо под носом любопытной мухи.

Но добавить он ничего не успел.

— Бам-м! Бам-м! Ба-бамм! — затрещали выстрелы за его спиной.

— Уау! Вить-пить! — запели кругом пули.

— Клянг! Убль-клянг! — посыпались осколки бутылок со стойки.

— Всем стоять на своих местах! Руки вверх! Я Билли Колючка из Техаса и шуток не понимаю! Выручку на стол! Живо!

Билли, подняв руки, осторожно оглянулся. Позади него с несерьёзной «пушкой», годной разве что для охоты на комаров, раскорячив ноги, стоял незнакомый ковбой, совершенно непохожий на главу семейства Колючек. Лицо самозванного грабителя медленно покрывалось потом, а револьвер мелко дрожал в правой руке.

— Лучше помереть от старости, чем иметь такого братца, — подумал Билли и отвернулся.

Испуганная Патти Мауси тем временем выгребала месячную выручку из кассового аппарата. Старина Дэн ещё при первом выстреле, крепко зажмутив глаза и упав небритой щекой на шероховатую крышку стола, притворился пьяным.

Больше в салуне никого не было.

— М-м, мистер, разрешите достать свой кошелёк, — стараясь не выдавать своего негодования, проямлил Билли. — Не хотелось бы вас утруждать...

— Валяй, деревенщина, — махнул револьвером грабитель и через какие-то полсекунды лишился обеих шпор, серьги в ухе и шляпы на голове.

— А теперь, — сказал враз посмурневший Билли, — ты станцуешь тарантеллу на горячей сковороде и назовёшь своё настоящее имя.

— Бам-м! Бам-м! Ба-бамм! — затрещали выстрелы и, еле успевая отскакивать от дырок в полу и разлетающихся щепок, незадачливый бандит, высоко подкидывая ноги и выписывая уморительные кренделя, запрыгал к выходу.

— Меня зовут Лопни Мои Глаза, мистер, — пролепетал он и моментально исчез, как только достиг дверей.

Старина Дэн, приоткрыв один глаз и разглядев в облаках порохового

дыма, что опасность миновала, поднатужился и оторвал свою голову от стола.

— Так как насчёт яичницы, джентльмены? — спросил он, но, поглядев на Билли и Патти, по выражению лиц этих двух молодых людей понял, что «глазуньи» он дожждётся нескоро.

Если Патти Мауси в корне изменила представление о женщинах у Билли, то Билли изменил представление о мужчинах у Патти, а это, согласитесь, джентльмены, серьёзная причина, чтобы (на время) забыть о таких прозаических вещах, как еда, сон и питье.

ГЛАВА 5, в которой в Чаппареле вот-вот что-то произойдёт

Прошло несколько дней. Билли Колучка поселился в «апартаментах» салуна Мауси и в уютную камеру со свежей «Нью-мексиканской криминальной хроникой» теперь не торопился. Поскольку он был единственным постояльцем, то уровень гостиничного сервиса был поднят на недостижимую высоту. Простыни в номере Билли меняли (подумайте

...лько!) раз в два дня! А кормили прямо на убой, словно претендента на чемпионский титул среди бычков тяжёлой категории на национальной выставке рогатого скота в Далласе. Уж, конечно, тут не обошлось без Патти Мауси, к которой Билли тянуло, как когда-то к патронташу. Что касается Патти, то её отношение к Билли очень верно описал её малолетний братец Хрюки.

— Наша-то Патти, — сказал он как-то своим друзьям Мэкки Робинсону и Вудро Вильсону, — втюрилась в этого Билли, как священник в Библию.

Но сколько бы мальчишки не насмехались над девчоночьими слабостями, сами они влюбились в Билли ничуть не меньше, чем в героя комиксов Супермена. Что ни говори, а Супермен был герой рисованный, а Билли — самый что ни на есть настоящий. Именно поэтому целые стайки мальчишек ошивались вокруг салуна, лелея надежду хоть мельком взглянуть на прославленные револьверы Билли, что по калибру, как утверждал Хрюки, нужно было относить не к стрелковому оружию, а к полевой артиллерии.

Так было и в тот день, когда в Чаппареле впервые ограбили почтовый поезд. Хрюки Мауси, Мэкки Робинсон, Вудро Вильсон околачивались напротив окон Билли и всячески выказывали молодецкую удаль в поединках, вылетая друг на друга с обнажёнными деревянными мечами.

— Проклятый осёл! Сейчас я разнесу твою безмозглую башку! — носился вокруг Хрюки тщедушный Мэкки Робинсон.

— А ну, попробуй, жалкая тварь! — оборонялся Хрюки, отражая удары с двух сторон. — И ты, Вудро, кретин, против меня? Это не честно, грязные свиньи!

Посторонний человек, наблюдающий эту сцену, мог бы заключить, что на тропе войны встретились три заклятых врага, скорее готовых перебить друг друга глотки, чем заключить хотя бы временное перемирие. На самом деле мечами стучали три друга Не-Разлей-Вода. Что же касается потока оскорблений и слов «осёл», «дурак», «болван», «грязные» и «свиньи», то какой же воспитанный человек будет обращать внимание на такие мелочи! По крайней мере в обществе, где вращались друзья, в таком общении никто не видел ничего странного или плохого.

Наконец запыхавшиеся гладиаторы сбавили темп, и вот тут-то расслабившийся Хрюки Мауси пропустил удар, пришедшийся прямо на макушку. Его испуганные противники тут же побросали «славное, овечье легендарное оружие» и помчались прочь что было сил.

— Подождите! — закричал им вслед Хрюки. — Я же не обиделся!

— Да... — оглянулись его друзья, улепётывая ещё скорее, — а пчёлы?!

— Ой! — сказал Хрюки, присел на корточки и обхватил свою голову

руками. — Мне ни капельки не больно! — успел подумать он, как вдруг почувствовал, что на голове у него выросла шишка, а через ухо на улицу, рассерженно гудя, выбралась пчела. — Мне совсем-совсем не больно! — забормотал Хрюки. — Даже приятно! Молодец этот Вудро Вильсон, здорово мне врезал!

Сердитые пчелы, вылетевшие на подмогу обиженному Хрюки, в недоумении закружили вокруг его головы.

— Право же, я сам его попросил! — стал оправдываться Хрюки. — Так и сказал: стукнул бы ты меня, старый осёл Вильсон, да покрепче!

Ну, он и постарался.

Пчёлы ещё немного полетали и юркнули обратно в Хрюки. Самые сердобольные из них выкачали из хоботка по капельке меда и подкормили им свой пострадавший улей.

— Всё в порядке! — помахал друзьям Мауси. — Можем продолжать!

Мэкки и Вудро, что-то невнятно бормоча насчёт «проклятых пчёл» и «тупую

Хрюки», подошли ближе и снова взялись за позорно брошенное оружие.

— Стойте! — вдруг сказал Хрюки, приложив палец ко рту. — Какой сегодня день?

— С утра была пятница, — ответил ему Вудро, опуская свой меч к ноге.

— А по пятницам... — торжественно поднял палец вверх Хрюки.

— В Техас идет почтовый посыл! — подхватили его приятели. — Сегодня играем в грабителей Билли Колючку!

Деревянные мечи тут же превратились в короткоствольные пистолеты, и вся компания ринулась к железной дороге, проложенной в полумиле от городка Чаппарель.

По дороге ружья на несколько секунд превратились в остро отточенные ножи (что тут же почувствовал на себе изрубленный до последнего бойца отряд чертополоха).

Уже на окраине города отряд имени Билли Колючки нагнал местного священника мистера Мак Уиллера.

— Добрый день, святой отец! — поздоровался вежливый Хрюки Мак Уиллера. — А куда это вы идёте в такую жару?

— Добрый день! — ответил священник. — Ты задаешь невежливые вопросы, Хрюки, но я тебе отвечу. Старая Хуана почувствовала себя плохо и просила меня прийти, чтобы получить святое причастие. А куда торопятся молодые люди?

— Ловить ящериц, — не моргнув глазом соврал Хрюки (скажешь правду, так ведь проповедь на полчаса прочтёт).

— Не забудьте, дети мои, что послезавтра занятия в воскресной школе, — сказал, напутствуя их священник. — И не мучайте братьев наших меньших!

— Не забудем! — пообещали мальчишки и тут же шмыгнули в заросли кактусов, чтобы пробраться к железной дороге напрямик.

ГЛАВА 6, в которой впервые в истории Чаппареля происходит ограбление почтового поезда

— Эй, Смит, подъём, — толкнул своего напарника-машиниста кочегар Вессон.

— Техас? — спросил Смит, сладко потягиваясь и радуясь, что передал в своё время кочегару часть своего богатого машинистского опыта и мог теперь вздремнуть во время многочасовых перегонов по безлюдной прерии, пока Вессон наблюдал за путями и за давлением пара в котле.

— Хуже, сэр, Чаппарель, — ответил кочегар, вынимая из топки закипевший чайник.

— Тогда надо смотреть в оба, — согласился Смит, надевая фуражку.

Перегон на границе штата Нью-Мексико и штата Техас пользовался у машинистов дурной славой из-за местных мальчишек. Жизнь в Чаппареле была скучная, а потому сорванцы из этого городишки не пропускали ни одного состава: то, играя в индейцев, обсыпали его со всех сторон стрелами, то норовили перескочить пути прямо под носом у паровоза, то подкладывали на рельсы стальные гвозди, булыжники или, что самое худшее, железнодорожные «костыли» — толстые стальные скобы, которыми крепятся рельсы к шпалам. Смотреть на этом участке пути, как выразился Смит, действительно нужно было в оба, а вернее, в четыре глаза.

Смит сбавил ход состава и внимательно прощупал взглядом кусты у железнодорожной насыпи.

— Эй, Вессон, — окликнул он вдруг кочегара, — да ты и сам, видать, покемарил немного. Мы ведь уже в Техасе! Смотри, кто нас встречает на повороте, — Билли Колючка!

Смит ещё сбавил ход и, подъезжая к месту, где их поджидал грабитель, плавно затормозил в тот самый момент, когда Билли выстрелил в воздух.

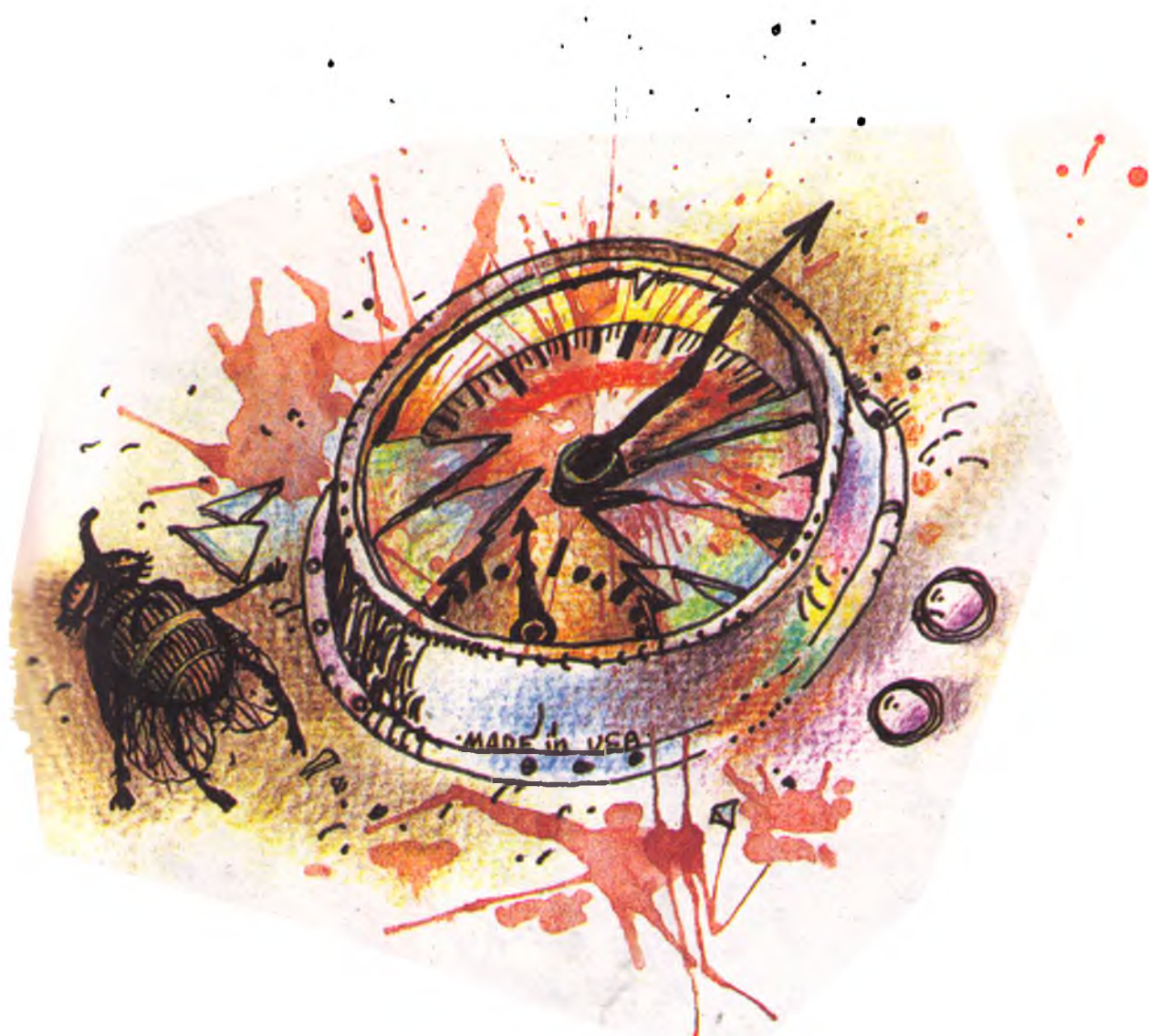
— Хай, Билли! — приветствовал машинист грабителя, приподняв край синей форменной фуражки. — Давненько тебя не видел! Чего это ты вырядился, как прокаженный на ярмарке? Как поживает папаша Колючка? Я слышал, у тебя были неприятности с шерифом? И вообще — какие у вас в Техасе новости? Что ж ты молчишь, как индейский истука...

Закончить эту фразу Смит не успел — грохнул выстрел, и машинист осел, перегнувшись через открытое окно в двери кабины. Струйка крови брызнула сквозь его пробитый китель и побежала ручейком вниз — на горячие промасленные шпалы. Вессон, с ужасом глядя на грабителя, чьё лицо было скрыто под чёрной тряпкой от носа до подбородка, напарил рукой рычаг аварийного сигнала.

Рёв вырывающегося из котла пара заглушил звук второго выстрела.

...щёлкнула о железную стену кабины и рикошетом разбила манометр. ...упал на пол и притворился мёртвым. Грабитель, вздрогнув от гудка, ...ропился к опломбированному вагону, отстрелил замок и, откинув ...схватил брезентовый мешок с деньгами. Конь под ним завертелся, ...укушенный, и, понукаемый шпорами, тут же бросился в галоп.

Если бы грабитель так не торопился, он бы заметил, как с противоположной стороны насыпи, ломаясь прямо через колючие кусты, к Чаппа-...бросились Хрюки Мауси, Вудро Вильсон и Мэкки Робинсон.

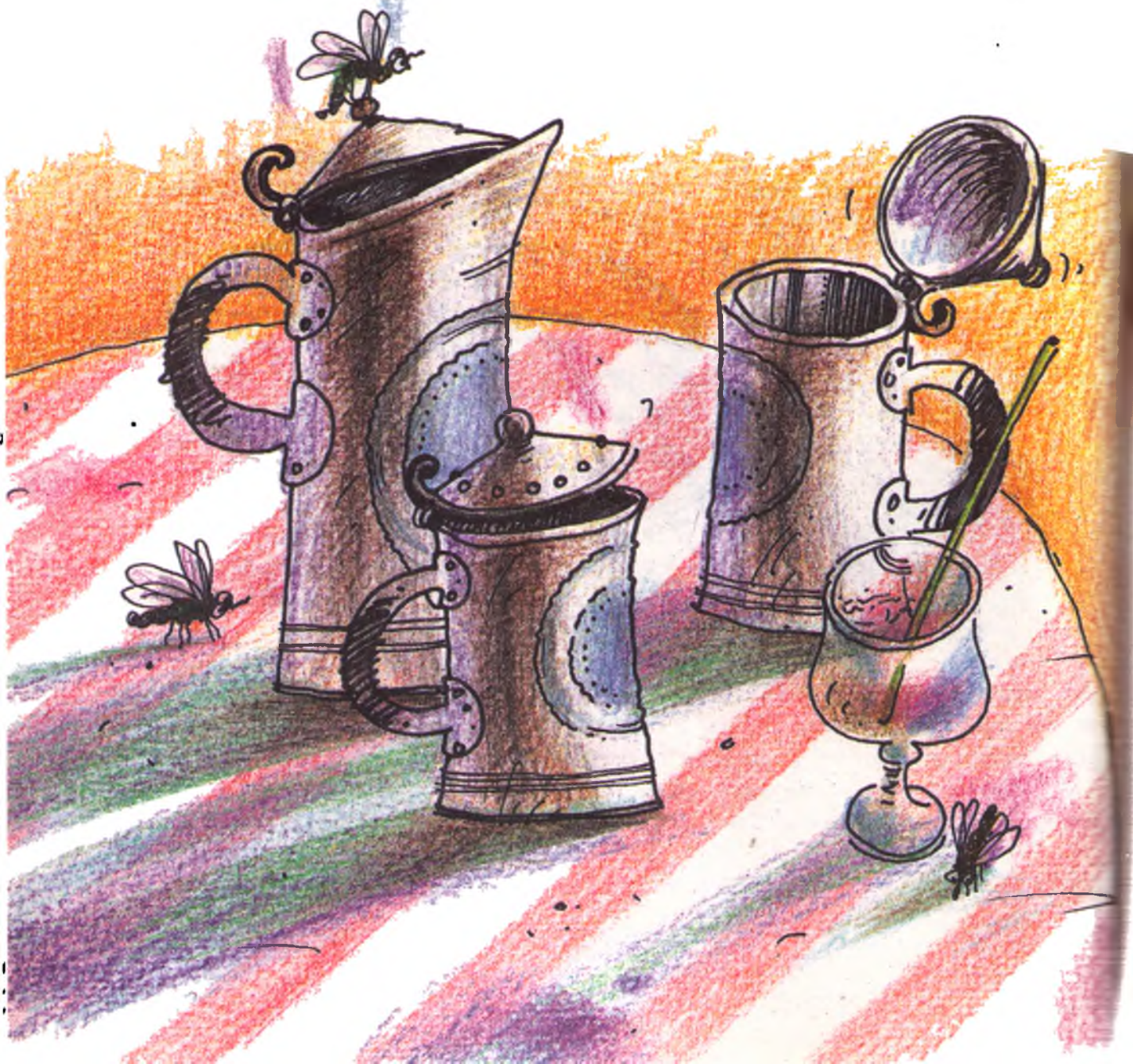
ГЛАВА 7, в которой Билли Колючка изобличён в том, что он Билли Колючка

— ... и тогда мы поженимся, и меня будут называть миссис ... Билли, а я ведь до сих пор не знаю твоей фамилии, — засмеялась Патти Мауси.

— Стар! — выпалил Старина Дэн, на секунду оторвавшись от своей губной гармошки.

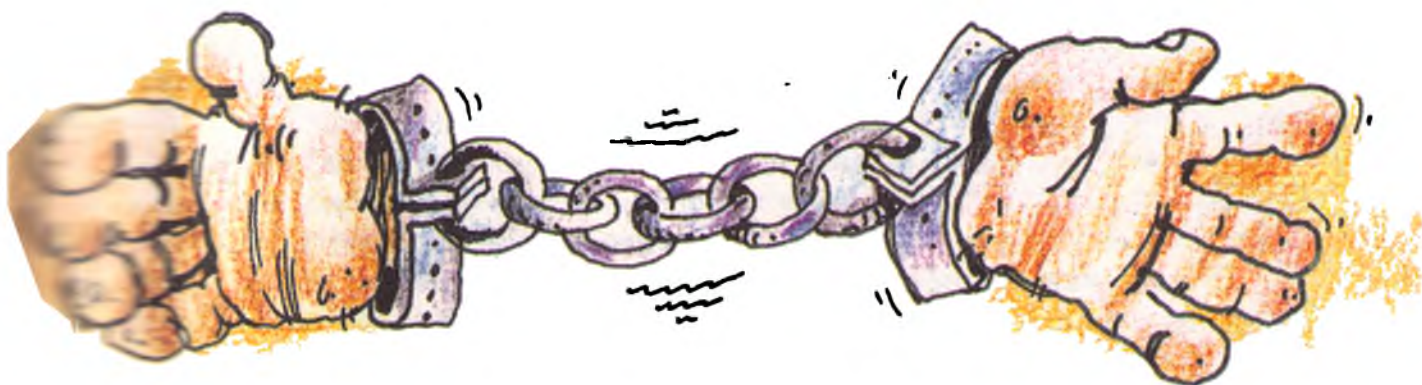
Билли, собиравшийся что-то сказать, лишь потёр подбородок рукой и согласно кивнул головой.

— Его настоящая фамилия Колючка! — мрачно заявил шериф Чаппареля, минуту назад подсевший за соседний столик. — Он грабитель и убийца и будет отвечать за свои действия перед американским народом.

Двое помощников шерифа тут же защёлкнули на запястьях Билли ледяные холодные наручники.

— Моя фамилия — Стар! — заявил Билли. — Я неделю назад приехал Техаса...

— ... чтобы ограбить поезд и совершить убийство, — добавил шериф.

— Это неправда, — вскочил из-за стола Билли, но его тут же усадили «место».

— Сейчас разберёмся, — с ненавистью глядя на Билли процедил ше-

— Приведите того мексиканца, который вчера попался на краже сигар из табачной лавки.

Через минуту в двери салуна втолкнули Лопни Мои Глаза.

— Спрашиваю от имени американского народа, — отчеканил шериф, — мексиканца за жирный подбородок. — Знаешь ли ты этого человека? Отвечай, недоумок!

— И ответу, — буркнул Лопни Мои Глаза, — только вы сначала

заберите у него «пушку» и держите его покрепче. У меня с этим парнем, лопни мои глаза, свои счёты.

Шериф приказал отстегнуть кобуру с пояса Билли.

— Это Билли Колючка, грабитель из Техаса, — выпалил табачный вор. — Я его видел два раза на ранчо Колючек.

— Я никого не убивал! — сдал на шаг свои позиции Билли.

— Знаешь ли ты машиниста Смита? — спросил шериф, делая знак, что Лопни Мои Глаза ему больше не нужен.

— Мы встречались несколько раз, — осторожно подбирая слова, ответил Билли. — Я знаю, что у него большая семья. Человек он вроде неплохой.

— И за это ты хотел его прикончить? — язвительно спросил шериф.

— Я стрелял в воздух! — с отчаянием воскликнул Билли.

— Значит, ты там был! — кинулся к Билли шериф.

— Где там?! — разъярился Билли.

— На месте ограбления, — подсказал шериф.

— Был. Не один раз был — такая уж у меня работа.

— Господи! — откинулся на спинку стула шериф. — Он там был «не один раз». Выходит, он приезжал снова — добить Смита!

— Да что вы такое говорите?! — закричала Патти Мауси. — Мой Билли никого не мог убить.

— Ваш Билли изобличён в покушении на убийство, — сверкнул глазами шериф в сторону девушки. — Смит узнал его, а свидетели подтвердили личность. А ваше мнение, мисс Патти, американское правосудие не интересуется.

Помощники шерифа поняли, что разбирательство по данному уголовному делу закончено, и поволокли упирающегося Билли в местную каталажку.

ГЛАВА 8, в которой молодые, но предприимчивые сыщики начинают следствие по уже раскрытому делу об ограблении почтового поезда

— А я не верю, что Билли — убийца! — крикнул Хрюки Мауси и стукнул себя кулаком по коленке. — Он ведь вовсе не злой и даже обещал мне дать пострелять из кольта!

— Потому ты его и защищаешь, — буркнул Мэкки Робинсон. — А ещё потому, что у твоей сестры с ним шуры-муры были. Вы теперь с Билли, выходит, вроде как родственники, — с сожалением констатировал Мэкки, у которого сестра (это ж надо быть такой дурой!) выбрала себе в женихи не

знаменитого грабителя или хотя бы какого-нибудь захудалого каторжника, а скромного, лысеющего парикмахера Хилла, который, правда, ловко орудовал бритвой, но, увы, только в мирных целях, а потому, в отличие от Билли Колючки, ничем героическим прославить свою семью не мог.

Мальчики на минуту умолкли, каждый обдумывая свою точку зрения на происходящие события. Над домиком, сложенным ими из запасных шпал, оставленных рабочими вдоль железной дороги, мотались пчёлы, отыскивая свой беспокойный, быстроногий улей. Расплавленный воздух струился, перетекал через железную дорогу, мягко обволакивал щетинистые кактусы и лениво склонившиеся над землею широкие листья агавы.

— Нет, непохоже, что это был Билли, — нарушил молчание Вудро Вильсон. — Когда мы уходили из салуна, он был там. Так? — Все дружно кивнули головами, включая и Старину Дэна, задремавшего под солнцем на крыше домика и проснувшегося с приходом его хозяев. — Когда прибежали обратно, Билли уже был на месте!

— Но он же был на Торнадо, — возразил Мэки Робинсон, — а это такой конь, что скачет быстрее всех, вместе взятых!

— Да, — согласился Вудро Вильсон, — но по-моему сапоги Билли, когда мы прибежали в салун, были такими же начищенными, как и когда мы его видели в последний раз, до ограбления?

— А я не могу понять вот чего, — задумчиво сказала расшалившихся пчёл, сказал Хрюки Маунт.

— Почему грабитель стал стрелять в машиниста? Ведь Билли всегда стрелял только в воздух! Тем более, что он знал лично и Смита, и Вессона. Зачем было надевать Билли маску? Он ведь до этого никогда не прятался — это все знают...

Старина Дэн, боясь спугнуть мальчишек, затаил дыхание и прислушивался к разговору со всё более возрастающим интересом.

— Билли выстрелил после того, как Смит спросил его, почему он «молчит, как индейский истукан». Обиделся он что ли? — встрял в разговор Мэки Робинсон.

— Понял! — Хрюки Мауси так резко вскочил с места, что у пчёл в улье произошло маленькое землетрясение. — Это был не Билли! Поэтому он и спрятал лицо! А в Смита он выстрелил потому, что не мог ему ответить — у этого грабителя, наверное, запоминающийся голос, и он боялся, что его узнают! Или он немой?

— А кто же тогда это был? — развёл руками Мэкки Робинсон. — У нас в округе никакого другого грабителя, кроме Билли, нет! Тем более немого...

— Эх ты, темнота, — повернулся в его сторону Вудро Вильсон. — Неужели ты не понял, что кто-то просто подставил Билли, забрал денежки и смылся!

— У нас из города никто пока не уезжал, — покачал головой Хрюки Мауси.

— Значит, преступник ещё живёт в городе, — рубанул рукой Вудро Вильсон. — И надо рассказать об этом шерифу.

— Бесполезно, — вздохнул Хрюки. — У него на Билли большой зуб. Шериф ещё в прошлый Праздник благодарения к Патти клеился. Тут можно сделать только одно...

— ... самим найти убийцу, — сказал Старина Дэн, соскальзывая с крыши. — А теперь рассказывайте по порядку ещё раз всё, что знаете. В конце концов когда-то я сам был помощником шерифа Чаппареля — и не такие дела раскрывал.

ГЛАВА 9, в которой следствие выясняет, что часы в бакалейной лавке отстают на десять минут, а у сапожника мистера Мальборо и вовсе нет никаких часов, так как он пропил их ещё в прошлом году

— Мистер Гопкинс, не скажете, который час? — в семьдесят восьмой раз за день спросил Вудро Вильсон.

— Половина второго, — строго взглянув на мальчишку, ответил доктор и тут же схватил его за руку. — А ну-ка покажи мне горло! Та-ак. Высуни язык. Ещё. Та-ак! Немедленно беги к родителям и передай им, что удалить тебе миндалины на этой неделе будет стоить им всего лишь два доллара. На следующей неделе выйдет на десять центов дороже!

— Да, сэр, — пролепетал испуганный Вудро и выскочил из приёмной с такой прытью, будто за ним гнались разъярённые пчёлы Хрюки Мауси.

— Ну, как?! — спросили его друзья, дожидаящиеся разведчика Вильяма на единственном перекрёстке чаппарельских улиц — Авеню номер 1 и Авеню номер 2.

— Голос противный, но ничего подозрительного!

С самого утра вся компания бегала по городу, пытаясь найти не внушающий доверия голос и вычислить по нему убийцу. Результаты вышли такие: удалось узнать, что часы в бакалейной лавке на десять минут отстают от общепринятого чаппарельского времени, а у сапожника мистера Мейборо и вовсе нет никаких часов, так как он пропил их ещё в прошлом году. Ни немых, ни осипших, ни гнусавых граждан в городе не оказалось. Видимо, сухой климат пустыни влиял на голосовые связки чаппарельцев более благотворно, чем патентованные порошки мистера Гопкинса.

На церковной колокольне тем временем уныло забил колокол. Мальчишки нехотя поплелись на службу. Вообще-то в обычные дни, когда взрослых не было дела до всяческой мелюзги, в церковь можно было не ходить. Но сегодня был особый день — город прощался с мощами святого Хьюго Мексиканского, которые с разрешения Альбукеркского монастыря гостили у Чаппареле и, по словам преподобного Мака Уиллера, способствовали явлению на город дополнительной порции Божьей благодати. Ещё утром мальчишки предупредили, что их присутствие на службе обязательно, дабы в честь Хьюго, вззирающий на церемонию прощания с останками своего отца с небес, не обиделся невниманием со стороны жителей и приехал (вместе с мощей, разумеется) в их город ещё раз.

Правда, не явились Хрюки, Мэкки и Вудро в церковь на этот раз — кто бы и не заметил: так много здесь оказалось людей.

Мак Уиллер, как ни старался, не мог перекрыть своим голосом гул толпы, видимо, слишком взволнованной прощанием с мощами, чтобы внимательно слушать проповедь.

— Говорят, наш шериф поедет в Вашингтон просить особых полномочий, чтобы осудить этого мерзкого бандита, — шептала своей соседке миссис Гопкинс, — но не выживи машинист — болтаться бы этому грабителю на верёвке уже сегодня, уж это я вам верно говорю.

— Какая жалость, что сумасшедшая Хуана не дождалась этого дня, ведь она, — сокрушалась сердобольная мисс Хилл, — уж так она любила этого Хьюго, так любила! Сегодня неделя, как она умерла, да как раз перед самым ограблением. Надо поставить Хьюго от неё свечку.

— Слышали — Патти Мауси поклялась, что будет ждать этого ужасного техасца хоть всю жизнь! — делая большие глаза, рассказывала своим товарищам мисс Робинсон последнюю новость.

— Ну и глупо, — заявили её подруги.

И только одна не согласилась:

— А может быть, девочки, это настоящая любовь? Как было у нас с Джорджем двадцать лет назад...

Жара и духота сократили процессию ровно в половину. Горожане высыпали на улицу гораздо скорее, чем это можно было ожидать при столь торжественном событии. Во главе процессии, направляющейся к железной дороге, шёл преподобный Мак Уиллер с билетом до города Альбукерк и мощами святого Хьюго. Люди то и дело утирали пот платками, раскрывали зонтики, пытались спрятаться от злого, как осенняя муха, солнца, но упрямо шли вслед за святыми мощами.

Вудро Вильсон, Хрюки Мауси и Мэкки Робинсон плелись в самом хвосте процессии, чихая от поднятой толпой пыли. Настроение у них было никудышное: так бывает, когда узнаешь, что завтра каникулы кончаются и надо идти в школу. Хрюки и Мэкки что-то вполголоса обсуждали, Вудро Вильсон молчал, пытаясь понять, почему во время службы ему стало как-то нехорошо, словно он проснулся после тяжёлого ночного кошмара, толком уже не помня, в чём именно он состоял. Вудро уже собирался бросить ломать себе голову над этим дурацким вопросом, как вдруг при взгляде на распаренное лицо мисс Хилл странное ощущение забытого ужаса у него повторилось, и Вудро встал ошеломлённый и покрылся холодным потом.

— Стойте!— закричал Вудро Вильсон. — Я знаю, кто убийца!

ГЛАВА 10, в которой пчёлы Хрюки Мауси изобличают убийцу

Бормотанье толпы оборвалось. Люди, уже присевшие на горячие рельсы отдохнуть, тут же поднялись со своих мест, остальные, застыв с платками в руках, уставились на побледневшего Вудро.

— У мальчика солнечный удар, — ласково сказал Мак Уиллер, заглянув Вудро в глаза.

Вудро затрясло, словно в лихорадке. Женщины кругом загалдели, отхлоривая бутылки с водой, чтобы смочить лоб несчастной крошке.

Старина Дэн, перемигнувшись с Хрюки, встал поближе к Вудро.

— В тот день, — запинаясь, начал Вудро, — мы с ребятами были на железной дороге, вот на этом самом месте. И видели... — Тут он проглотил сухой ком в горле и, пряча глаза от взрослых, продолжал: — И видели, как Колючка Билли стрелял.

— Эту историю мальчик доскажет в следующий раз, на суде. Пусть это будет твёрдым доказательством вины тexasца, — прервал его Мак Уиллер. — А теперь, дети мои, до поезда осталось всего десять минут — настало время проститься с бренными останками великого мученика и святого Хьюго.

Несколько набожных женщин запричитали и заплакали, толпа опять шумела, а Вудро Вильсон как-то незаметно оказался вне кольца людей.

И тут грохнули выстрелы.

Гомон испуганно оборвался. Теперь все смотрели на Старину Дэна, его руку, сжимающую кольт, из которого он не палил уже лет двадцать, с тех самых пор, как в бытность свою помощником шерифа брал на заброшенном ранчо маньяка-убийцу Бобби-Душителя из Оклахомы.

— Мощи могут подождать, разве им что-нибудь делается? — сказал Старина Дэн, убирая револьвер в кобуру. — А невинный человек, что сидит в тюрьме за преступление, которого не совершал, ждать не должен. Я прав, джентльмены?

— Тише! Пусть говорит! — потребовали мужчины, польщённые тем, что могут быть судьями в столь необычном деле, как ограбление поезда.

— Мальчишки действительно видели убийцу, — стал рассказывать Старина Дэн, опираясь на плечо Вудро Вильсона, — убийцу, который из всех сил старался показать, что он — Билли Колючка. Даже если допустить, что ограбление провернул сам Билли, то Торнадо в нём точно не принимал участия — подковы с пятиконечными звёздами, джентльмены, приготовить не так-то просто, тем более, если это необходимо сделать втайне. Конь, на котором приехал убийца, был не Торнадо — об этом красноречиво говорят следы, и это, джентльмены, первый странный факт. Вто-

Почему грабитель стал стрелять и надел чёрную маску? Он боялся, что его узнают. Более того, боялся, что его узнают именно машинисты. Когда Смит попытался заставить грабителя на разговор, он получил вместо ответа пулю. Выходит, старик был уверен, что машинисты его хорошо знают и легко смогут узнать по внешности или по голосу. Третий странный факт — хотя Колючка арестован, главная улика — деньги так до сих пор и не найдены. Вывод, который сделал этот малыш, — тут Старина Дэн чуть-чуть столкнулся вперёд Вудро, — я думаю, таков: в тот злосчастный день по железную дорогу мальчишки встретили человека, в приложении к которому все странные факты становятся ясными и понятными. Человек часто ездит в Альбукерк и обратно по железной дороге, потому что машинисты его отлично помнят. Когда ещё до преступления он столкнулся с компанией ребят, то от неожиданности не смог придумать ничего лучше,

как сказать, что идёт провести сумасшедшую Хуану, которая к тому времени уже сутки была мертва. Думаю, главная улика — десять тысяч похищенных долларов, гораздо ближе к нам, чем можно предположить. Они в руках у мистера Мака Уиллера! Откройте ваш сундучок, мистер Мак Уиллер!

— Сын мой, — священник спокойно обвёл взглядом возбуждённую толпу, — Господь учил нас кротко сносить все обиды и заблуждения грешников. Но когда затронута святое имя Хьюго Мексиканского, я не могу молчать. Открыть этот ящичек имеет право лишь лицо, облечённое высоким духовным саном. Прикоснуться к мощам святого грешным взглядом — святотатство!

— Да что вы слушаете этого пьяницу! — Вылетела из толпы старая миссис Гопкинс. — Не видите — у него уже белая горячка! А все оттого, что этот техасец-убийца поил его два дня виски. Вот он и продал душу дьяволу! А я осквернения мощей не допущу! Вот хоть режь меня — не допущу!

Священник, опустив глаза, скромно стоял посреди толпы, прижимая к себе столь драгоценный для него сундучок.

— Что это вы в самом деле выдумали, Старина Дэн? — вмешались в разговор мужчины. — Где ж это видано — тревожить мощи святых? Мы, слава Богу, не язычники какие! Подозревать священника! Ты б в самом деле шёл проспать. Выдумал тоже — вскрывать усыпальницу Хьюго!

— Не надо отпирать сундучок! — сказал Хрюки Мауси, протиснувшись поближе к Вудро и Старине Дэну. — Мы узнаем, что у него внутри, не трогая замка!

При этом удивительном заявлении взрослые опять приумолкли.

— А как ты это сделаешь, малыш? — спросил кто-то.

— Ну, можно выяснить действительно ли там лежат деньги, — стал пояснять Хрюки и вдруг без перехода спросил: — Интересно, а пчёлы могут быть грешниками?

— Птицы небесные и насекомые — Божьи твари, — пояснил Мак Уиллер, с тревогой поглядывая на Хрюки, — на них нет греха человеческого.

— Тогда пчёлам можно посмотреть, что там внутри, — заключил Хрюки Мауси. — И ещё один вопрос — в каких купюрах была украденная сумма?

— В десятидолларовых бумажках, — подсказал Старина Дэн.

— Я таких денег никогда не видел, — наморщил лоб Хрюки Мауси, — есть тут у кого-нибудь десять долларов?

Откуда-то из заднего ряда передали купюру. Хрюки положил её перед собой на сундучок с мощами святого и, обхватив голову руками, стал напряжённо думать.

Через секунду из его левого уха вылетела чёрно-жёлтая пчела и, опустившись на зелёно-белое поле десятидолларовой бумажки, стала бегать по ней кругами, будто танцевала в одиночку вальс-бостон. Потом к ней присоединилось ещё несколько пчёл, и все они стали повторять движения первой.

— Цирк, да и только! — зашептали кругом.

Наконец пчёлы закончили свой танец и поодиночке юркнули в замочную скважину сундучка. Другие пчёлы вылетали из ушей Хрюки Мауси, но на деньги не садились, а напрямик направлялись в сундук. Некоторые уже вылетали из скважины и начали выкладывать на крышке сундука какой-то сложный узор из крошечных кусочков бумаги. Вначале они склеили воском маленькую полоску, потом белой краской по зелёному фону вывели сложные рисунки. Вот появилась цифра «десять», за ней, в обрамлении завитушек, пчёлы выложили дом с колоннами и флагом на крыше, мостовую с фонарями, людей, автомобили... Когда картинка была готова, ветер перевернул купюру, и на её другой стороне оказался чёрно-белый портрет кудрявого Гамлета с белым платком в виде галстука. Умные пчёлы Хрюки Мауси полезли в запертый сундучок Мака Уиллера, нашли в нём такие же деньги, что им показали, и отщипывая от одной из спрятанных под замок купюр маленькие кусочки, вынесли их наружу и склеили воском.

— Десять долларов! Настоящие! — ахнул кто-то из обступивших Хрюку людей. — И номер есть! И подписи банка!

— Придётся всё-таки открыть ваш ларец, мистер Мак Уиллер, — сказал Старина Дэн, положив на всякий случай руку на кобуру.

— Поезд! — перебил его чей-то крик. — Идёт поезд!

Люди обернулись на секунду, да так и остались с вывернутыми шеями и скошенными глазами.

Поезд мчался не как ему положено — из Техаса в Альбукерк, а в обратном направлении. Вот он подошёл совсем близко к толпе и стал менять ход. В жарком мареве растаявшего воздуха паровоз приближался, как призрак, — беззвучно проворачивая колёсами по рельсам, неслышно выпускающая пар из трубы. Вот в окне мелькнуло лицо Смита, надевающего фуражку. В тот же миг на насыпи появилась фигура грабителя, закутанного в чёрное. Поплыл в сторону дымок от выстрела в воздух, будто в кинонематографе что-то стал говорить Смит, чтобы через полминуты налететь собственной кровью. Бандит, словно ангел смерти, не касаясь земли, поскакал к вагону, вытащил мешок с деньгами и бросился наутёк. По пути он сдёрнул с себя маску, мешающую дышать, и на миг из-под широкополой шляпы показалась хитрая и жестокая физиономия убийцы. С ближнего куста он соскочил с коня, подогнул края шляпы, превратил широкий плащ в сутану, вытряхнул из сундучка чей-то прах и кости и быстро переложил в него перевязанные бечёвкой пачки денег. Через пол-

минуты священник Мак Уиллер, ударив лошадь по крупу колючей веткой, шагнул прочь от места преступления с сундучком под мышкой. Тут мираж рассеялся, но через секунду марево опять побежало волной по воздуху, материализовавшись в перевёрнутое солончаковое озеро и скачущих вверх ногами диких мустангов...

— Даже мираж против тебя, Мак Уиллер, — мрачно насупившись, процедил Старина Дэн. — Твоя вина доказана — и людьми, и природой.

ГЛАВА 11, в которой выясняется, что Билли Колючка никогда не грабил почтовых поездов

— Ни за что я бы не вмешался в это дело, — говорил Старина Дэн Билли Колючке, основательно нагрузившись за свадебным столом проклятой текилой, — если бы не твой отец. Тридцать лет назад я поймал его после ограбления поезда, но не нашёл при нём ничего, кроме расписки

~~мешок~~ (куда и следовал украденный мешок с деньгами) о принятой сумме, точности соответствующей украденной. Нескоро я понял, зачем вы устраиваете весь этот спектакль с ограблением...

— Просто железнодорожная страховая фирма доверяет нам больше, — опломбированному вагону, — ответил Билли Колючка, поглядывая на жену Патти. — Если грабят почтовый поезд, и страховые агенты не могут найти денег — расплачивается их фирма. А это, увы, раньше случалось, и довольно часто. Поэтому отец предложил им систему фальшивых банкнот. Машинисты, предупреждённые заранее, спокойно отдавали деньги из руки честных Колючек. Мы доставляли их в банк. Осложнений никогда не возникало — ведь все преступники Техаса знали, что ограбление почтового поезда взял на себя клан Колючек, которому помощники, а тем более конкуренты не нужны. Нам с отцом приходилось держать наш бизнес тайне и всячески изображать из себя удачливых бандитов. Кампания шерифа Техаса по нашей поимке даже сыграла нам на руку. Но однажды один банковский служащий проговорился на исповеди об этом деле. В тот день в Альбукеркской церкви заболел священник, и грехи в исповедальные испускал чаппарельский Мак Уиллер. Узнав нашу тайну, он решил ею воспользоваться, беспрепятственно взять у машинистов деньги и припрятать их, свалив всю вину на меня. Но всё произошло не так, как он

задумал. И если бы не Хрюки Мауси с друзьями и Старина Дэн, сидел бы я за решёткой, отбывая наказание за преступления, которых никогда не совершал.

Хрюки Мауси, которому уже давным-давно положено было находиться в постели и спать, услышав эти слова Билли Колючки покраснел, как девчонка, которую впервые пригласили на танец. Ему стало страшно неудобно, что он ненароком, забравшись из любопытства под стол (чтобы узнать, о чём говорят взрослые, когда дети ложатся спать), подслушал похвалу в свой адрес. Поэтому он постарался забиться поглубже под стол, где он, как ему казалось, так здорово спрятался. Но Хрюки не знал, что пчёлы, живущие в его голове, не менее любопытны, чем сам их улей.

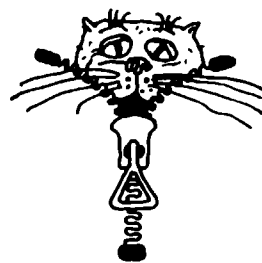
Первым пчёл, подозрительно поздно витающих над свадебным столом, заметил Старина Дэн. Но старый ковбой ничего никому не сказал, а только хитро усмехнулся в усы.

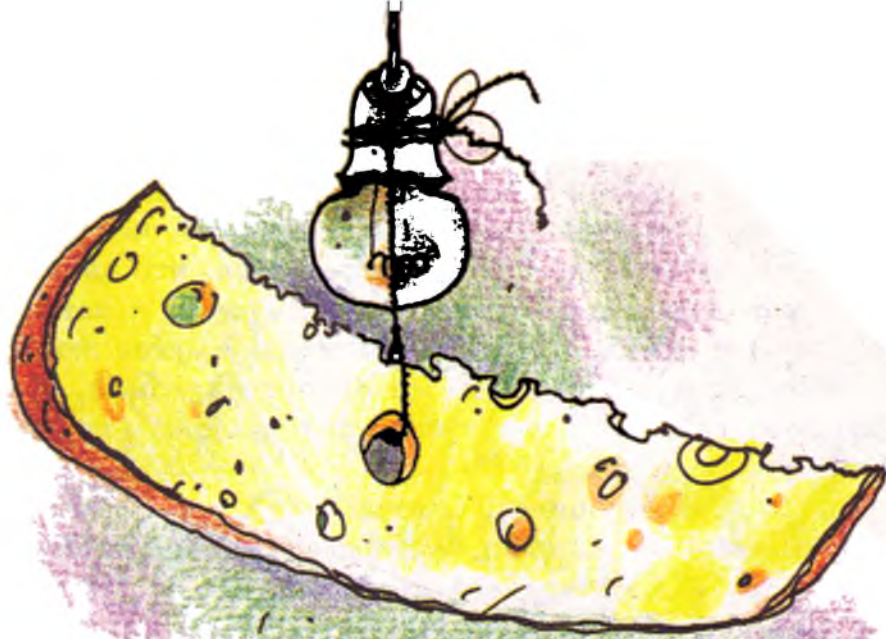

Приключения
маленького
ПОРОСЁНКА

инвентарный номер 17819

ГЛАВА 1, в которой поросёнок становится Инвентарным Нумером 17819

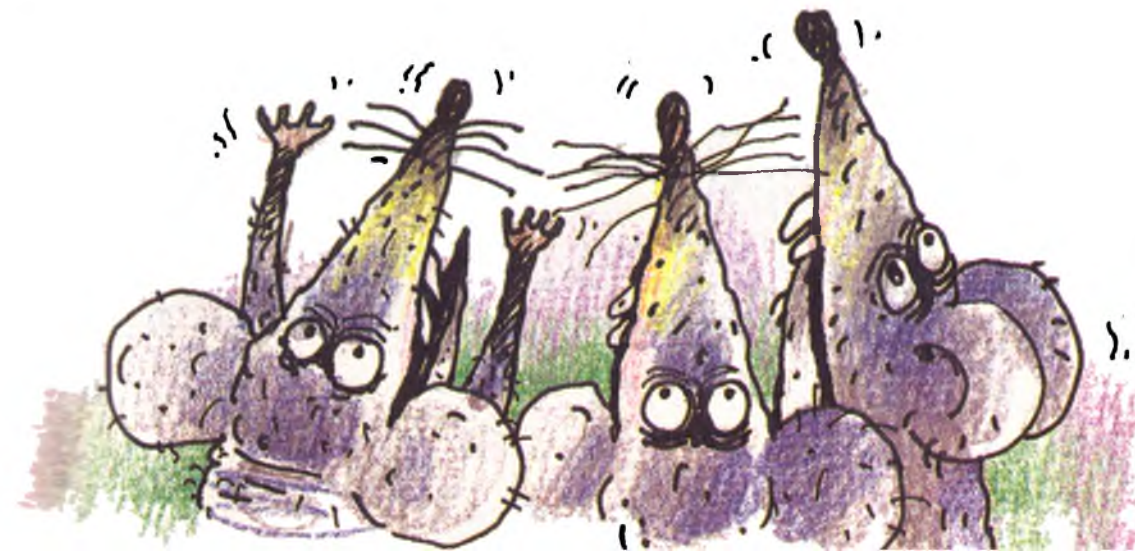
Однажды поросёнок Инвентарный Нумер 17819 (который тогда звался совсем по-другому) заглянул в свой холодильник и увидел, что в нём ничего нет. Ну просто ничегошеньки, даже запаха, представьте себе такую

— Вот как! — сказал на это поросёнок. — Ну и ну! Кукуй, моя чупечка... Надо в магазин идти...

Надел маленький поросёнок свои маленькие чупки и отправился по-леньку в магазин...

(— А были ли у этого маленького поросёнка деньги, что он ходит по учреждениям? — можете спросить вы.

Не было, в этом-то все и дело. В то время, когда жил поросёнок, деньгами не пользовались уже много лет, и товары отпускал контролёр, который следил лишь за тем, чтобы люди не брали в магазине, который звался тогда магазином, вещей больше, чем им положено).

... В магазин, как всегда, народу была тьма-тьмущая, но брат, как всегда, было особенно и нечего. Побродил-побродил поросёнок среди толпы, трески и селедки мороженой и тут вспомнил! Как один раз он взял большой кусок дырчатого сыру (а как известно, чем больше в сыре дырок, тем он качественней) и так его натрескался, что аж самому плохо стало. Вот тогда-то огрызок он привесил за дырочку к лампочке (чтобы мыши не сожрали) и забыл. А теперь вспомнил! Бывает же такое...

Ну, поросёнок, естественно, тут же припустил домой. И вот проти-скивается он мимо контроля, и тут его контролёрша (здоровая как ло-шадь) хватить за шиворот и кричит:

— Ты куда же это, паршивец, бежишь?

— Я не паршивец! — запищал, выворачиваясь, поросёнок, — я...

— Знаю, знаю! — перебила его контролёрша. — Ты — маленький рекламный поросёнок, Инвентарный Номер 17819.

— Никакой я не Номер, — растерялся поросёнок, — я просто ма-ленький поросёнок.

— Ври больше! — расхохоталась контролёрша. — Ежели ты не Ин-вентарный Номер, где же тогда твоя инвентарная корзина? Или ты не знаешь, что без инвентарной корзины и купленного товара выход из ма-логазина строжайше запрещён?!

— Тётенька, тётенька, отпустите меня, — взмолился поросёнок, — я больше не буду!

— Чего ты не будешь? — строго спросила контролёрша.

— Ничего не буду...

— Нет, вы только посмотрите на него! — закричала контролёрша, встряхивая поросёнка, будто кулёк с ирисками. Ничего он не будет... Ежели у нас каждый ничего не будет, то что же это будет? Кто же это в витринах у нас стоять будет? Я тебя спрашиваю!

Поросёнок не желал стоять в витринах. Поэтому он взял и укусил контролёршу за палец.

А она как разозлилась, да как приклеила поросёнка крепким клеем БФ прямо у стекла!

— Стой тут, — говорит, — на солнцепёке, раз ты человеческих слов не понимаешь. Вот когда вылиняешь весь, завхоз тебя спишет. А будешь ещё бегать — мы тебя девочкам отдадим. Они тебя живо запеленают и манной кашей закромят до смерти с ложечки.

Стоит поросёнок у окна, ревет в два ручья. Уж очень девочек испугался.

Тут какая-то женщина подошла.

— Чей, — говорит, — ребёнок плачет?

— Это, — кричит контролёрша, — рекламный ребёнок. Новая мо-

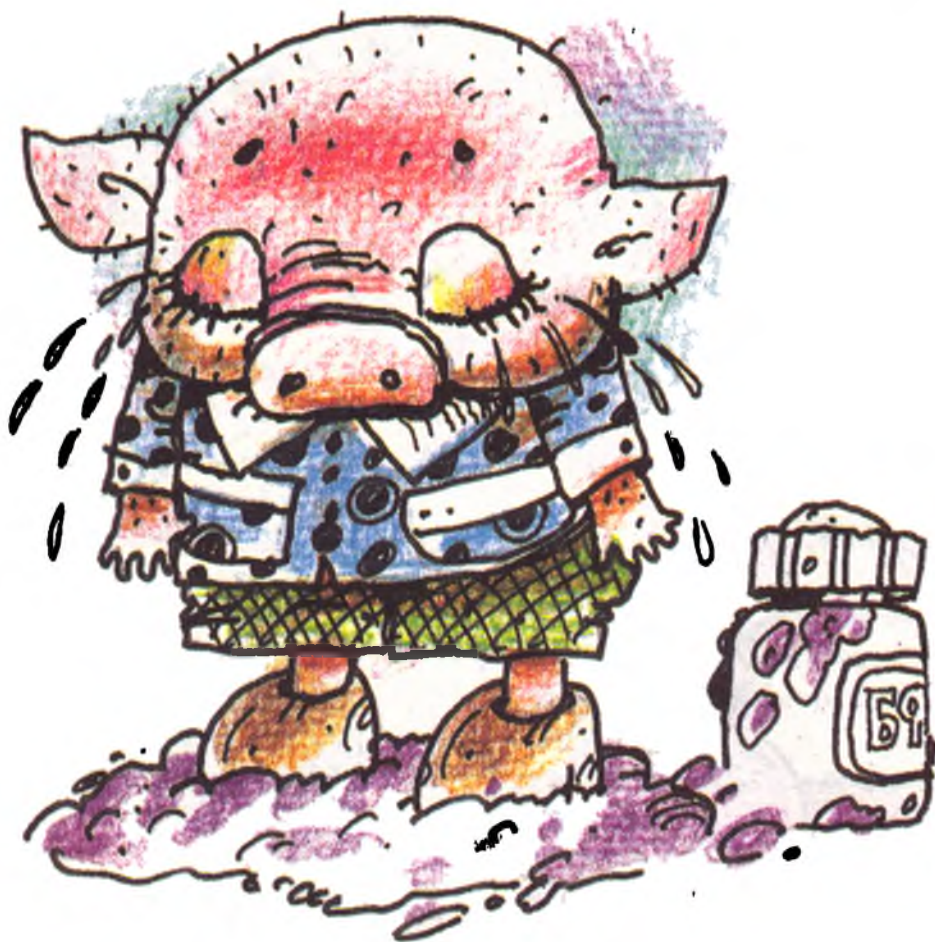
дель — ревущая. Для привлечения посетителей. — А сама потихоньку кулак поросёнку показывает.

Молчит поросёнок, давится слезьми.

Но вот прошёл день, все посетители разошлись, и контролёрша ушла. Погрозила грозно так ему укушенным пальцем и глаза страшные сделала.

В общем, стало тихо в магазине. Вылез поросёнок из приклеенных чушек (он ведь всё-таки живой был, а не цельнолитой, какими бывают настоящие рекламные поросёнки) и приготовился к побегу.

Ходил-ходил, тыкался во все щели — и всё напрасно. — И двери, и окна, и даже форточки были крепко-накрепко заперты. Сел поросёнок на треску и здорово задумался. Думал-думал и придумал — чего-нибудь покушать. Попробовал рыбы мороженой — невкусно. Лизнул крупу пшеничную — несладко. Пробрался тогда в хлебный отдел и стал в батоне дырку прогрызать, чтоб до мякиша добраться. Грыз, грыз да и замечтался. Вдруг смотрит — он уже весь в батоне, только пятки виднеются. Хотел это поросёнок из батона вылезти, но тут ему в голову, наконец, пришла мысль. И какая!

А что, если ему спрятаться в батоне? Завтра его кто-нибудь купит (не поросёнка, а батон, естественно), а он (поросёнок, а не батон) возьмёт и убежит потом домой, когда его на улицу вынесут.

Прогрыз поросёнок дырку в глубь батона, свернулся калачиком и уснул.

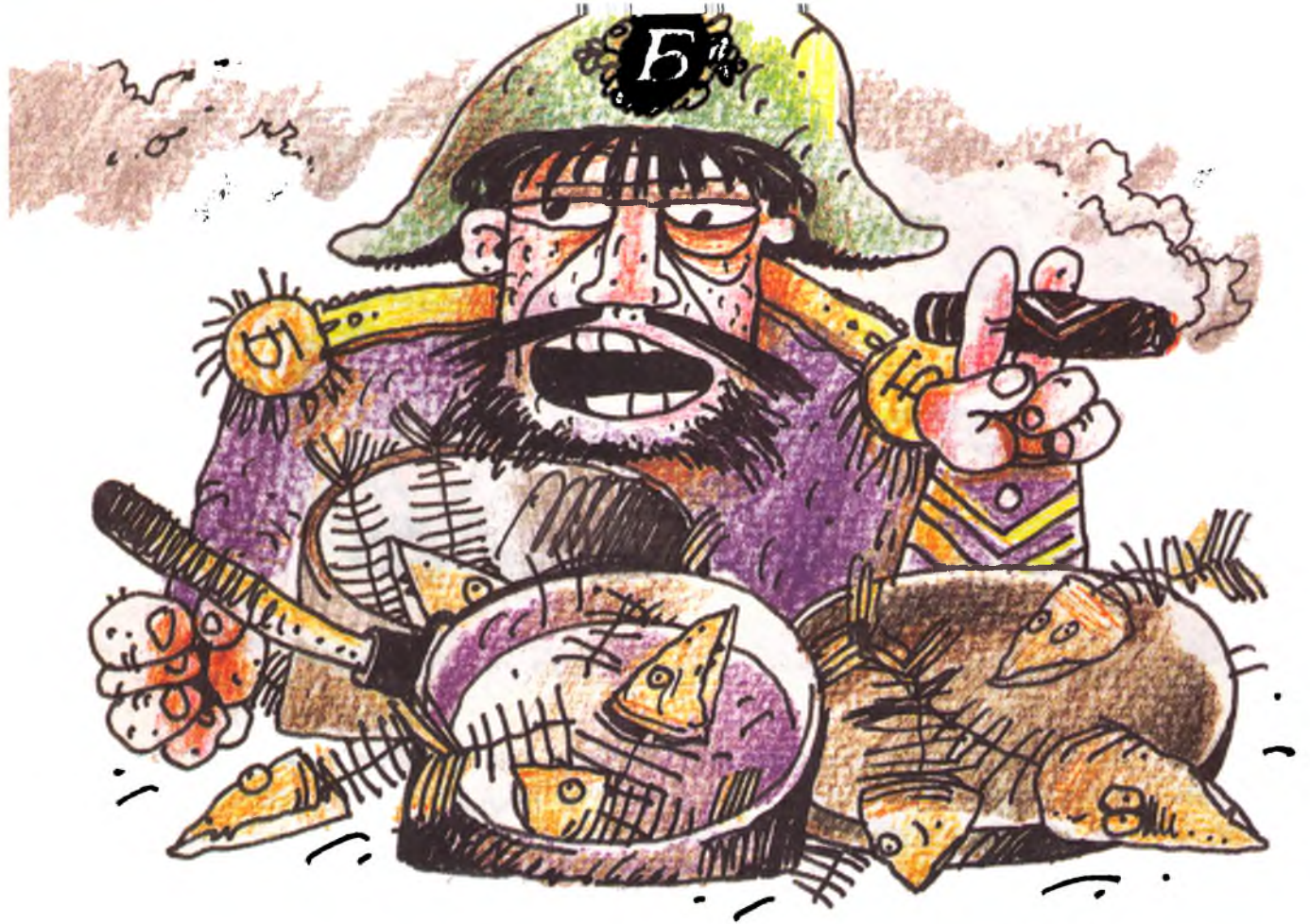
ГЛАВА 2, в которой появляются бондиты

19 июля (год и час точно неизвестны) капитан Бондя получил сверхсекретный пакет. «СЖЕЧЬ ДО ПРОЧТЕНИЯ!» — было написано на нём. Но капитан Бондя и не собирался его читать. Капитан Бондя обладал феноменальным нюхом и поэтому информацию от своих агентов получал по запаху. Он подпалил письмо и пустил дым по ветру: «ДОРОГОЙ КАПИТАН восклик, — забормотал он. — ПРИБЫЛ НА МЕСТО тчк ВЕРБУЮ АГЕНТУРУ тчк СВИННА МЛАДШЕГО ОН ЖЕ ИНВЕНТАРНЫЙ НУМЕР 17819 НАШЕЛ тчк ВЕДУ НАБЛЮДЕНИЕ тчк ШЛИТЕ ПОДКРЕПЛЕНИЕ тчк Л тчк А тчк».

Это было донесение одного из его бондитов — лиса Аморалиса, заброшенного месяц назад на континент с партией грязного белья.

Кто же такой капитан Бондя и его бондиты? Об этом довольно подробно написал в своем фундаментальном труде «Бондитизм» профессор Г.Б. Вертухайло.

«Бондиты, — сообщает профессор, — в древности категория лиц, ведущих нехороший образ жизни.

Основные занятия — разбой, обман, кража. Подчиняются только своим, бондитским, законам и капитану. Так как бондиты на протяжении веков воспитанию и перевоспитанию не поддавались, нарушали общественный порядок, злостно плевали на тротуар, то были высланы на необитаемый остров.

Живут на попечении общества. Продукты, необходимые для жизнедеятельности, получают по пневмопочте.

Товарообмен отсутствует. Изредка с острова на континент приходит на смену партия грязного белья и невытой посуды.

Точное месторасположение острова бондитов со временем забыто и в настоящий момент неизвестно даже пневмопочтовому ведомству».

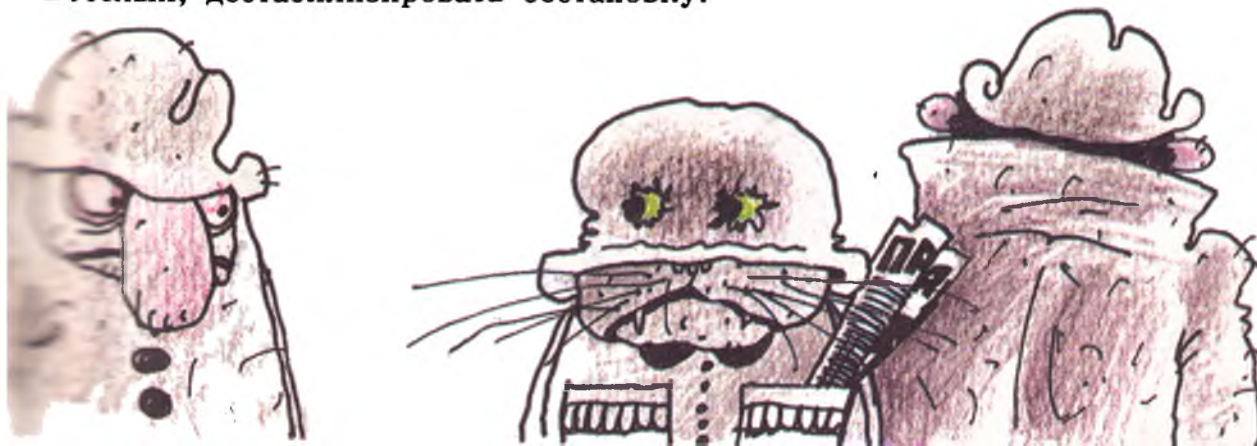
Тем не менее бондиты все еще жили на острове. От ничегонеделанья воровские и разбойные замашки обострились, и они стали надувать друг друга. Обычно с утра все островитяне ввязывались в такую свару, этот порядок мог восстановить только капитан Бондя, да и то ближе к вечеру. Бондиты его чрезвычайно уважали, ведь никто не видел, чтобы Бондя за всю свою жизнь совершил хотя бы один хороший поступок, а ведь с такими способностями воздержания от доброты, как известно, рождаются раз в сто лет.

Наконец бондиты перетаскали друг у друга всё, что было на острове, пробовали все возможные хитрости и уловки. После этого им стало скучно. Напрасно капитан Бондя пытался их расшевелить. Утром все бондиты теперь собирались на берегу океана и, горестно вздыхая, бросали в воду камешки. Но вскоре и это занятие кончилось, потому что все камешки они выбросили в воду, и на побережье остался один песок. И тут страшному капитану Бонде, который, не задумываясь, брал на бордаж пистолеты с ядерным вооружением на борту, стало не по себе. А ну как бондиты начнут метать в океан и песок, и жижины, и пальмы... Так же чего доброго и весь остров утопят!

Пришедши к этой мысли, капитан объявил, что будет думать, как прогнать скуку. Он сел в уединённом бунгало за стол, поставил перед собой 319 сковородок с жареной рыбой (а она, как написано во всех кулинарных книгах, ужасно стимулирует умственную деятельность) и принялся есть. К концу дня, когда все 319 и еще 10 дополнительных сковородок рыбы были уничтожены, капитан понял, что настало время бондитам бежать на Большую землю и воспользоваться его страшной тайной.

Капитан Бондя действовал решительно. Уже вечером все бондиты были одеты в серые плащи и шляпы, разбиты на пары. По двойкам они упаковывались в тюки с грязным бельём, в коробки с немытой посудой и отправлялись по пневмопочте на континент.

Прибывших встречал лис Аморалис и тут же по приказу капитана сразу ставил им вводную задачу: идти в город, разжигать любыми путями ссоры, ссоры, недоразумения, в общем делать всё, чтобы, говоря языком специалистов, дестабилизировать обстановку.

ГЛАВА 3, в которой приоткрывается завеса над страшной тайной капитана Бонди

Знаменитый шкипер пиратского корабля «Сан-Люцифер» Джон Купрум умирал среди пышной зелени острова Лорнео между 118 градусами 19 минутами южной широты и 29 градусами 44 минутами западной долготы.

Он лежал в полном одиночестве, ибо товарищи бросили немощного старину Джона на произвол судьбы, как только ему отказалась служить его единственная нога.

Парализованный Джон Купрум смотрел в глубину пронзительно синего, как джинсы «Райфл», неба и непослушными губами пытался воспроизвести забытые за годы разбоя на всех морях Земли молитвы.

Над его головой, нацелив на старого шкипера свой острый клюв, неслышно рассекал воздух падлятник, в оцепенелой задумчивости чуть покачивали лохматыми головами пальмы, тоненько и горестно пищали москиты.

Вдруг в лесу послышался шум, и Джон Купрум скосил глаза в сторону. Кажется, судьба уготовила ему кровавую смерть в лапах кошмаяра.

— Тебе достался плохой завтрак, — мрачно прохрипел Купрум, — мяса меньше обычного на целую ногу.

Из-за дерева вдруг выглянуло бледное лицо юнги Бонда с корабля «Сан-Люцифер». Он внимательно оглядел поляну и в несколько прыжков оказался у тела шкипера. Бонд вынул из кармана фляжку рома и приложил её к губам умирающего.

— Спасибо, сынок, — прошептал одноногий пират. — А теперь слушай внимательно... да смотри... никому не проговорись... это тайна... я доверяю её только тебе... поезжай на Большую землю... найди маленького поросёнка... внука утонувшего в прошлом году доктора Свинна... ты его помнишь?... да, доктор с корабля «Чертова бабушка»... спроси этого поросёнка — что было написано на фасаде дома его деда... самого дома уже нет... землетрясение... а надпись была... она, как уверял меня Свинн ... стоит гораздо больше, чем десять кораблей с золотом... они помогут тебе пережить трудные времена... и принесут богатство... и славу...

Таковы были последние слова Джона Купрума, переданные под страшной клятвой юнге Бонду, ставшему впоследствии капитаном разбойной шайки.

ГЛАВА 4, в которой поросёнок совершает побег

Когда пришла контролёрша, поросёнок уже проснулся. Подполз к дырочке в батоне — смотрит. Контролёрша первым делом к витрине пошла, где поросёнок приклеенный стоял. Смотрит — от него только чушки остались. Она к коробке с солью кинулась, среди молочных пакетов поискала, за автомат с газводой заглянула — нет поросёнка, как будто и не было!

А посетителей уже полный магазин.

— Ну, — думает поросёнок, — хлеб-то всем нужен, сейчас меня живо возьмут.

И точно — к нему тётя идет. Потрогала его батон пальчиком, а потом тыкалкой как хряпнет! Поросёнок от страха чуть не завизжал.

Но батон оказался ничего, крепкий. Железобатон. Выдержал.

Так в нём поросёнок до обеда и просидел, как в танке. И никто не берет!

Видит поросёнок — надо что-то делать. Тут к батону учитель географии кот Киссинжер подошёл (на лапе вместо часов — компас, вид задумчивый и обут в альпинистские ботинки). Поросёнок потихоньку так и говорит: «Дяденька! Это я — в батоне говорю! Возьмите меня с собой, а?»

Кот сначала испугался, но поросёнок ему быстро всё шёпотом объяснил. Тогда кот положил батон в инвентарную корзину и на контроль пошёл.

— А у вас товар некондиционный, в нем дырочка, — говорит ему контролёрша, а сама глазки строит (она незамужем была).

— А я туда поросёнка Инвентарный Номер 17819 спрятал, — невозможно заявляет кот.

— Ха-ха-ха! — засмеялась контролёрша. — Какой вы шутник! Мы этого рекламного поросёнка ещё месяц назад на свалку списали. А вообще-то вы, гражданин, очередь задерживаете!

Принес кот батон домой, тут поросёнок оттуда и вылез. От радости чуть не пляшет.

— Спасибо, — говорит, — вам большое. А то бы меня точно девочкам отдали... Вот... А можно я теперь домой пойду?

— Куда же вы, — говорит кот, — без чушек? Простудитесь. Да и потом нас уже, наверное, ищут. Знаю я эту контролёршу, небось жаловаться побежала. Скажите, а вы точно не рекламный?

— Нет! — честно признался поросёнок.

— Слушай, — сказал кот, хлопнув поросёнка по плечу. — Можно на ты? Я тут отпуск взял — в путешествие собирался. Но одному скучно. Хочешь со мной?

— Путешествовать?! Вот здорово! Я как раз вечером свободен! — начал поросёнок. — Только давай всё же ко мне домой зайдём. У меня кусок сыру к лампочке привязан (чтоб мыши не съели), пропадёт —

Так и решили — зайти за сыром, а потом отправиться в путешествие.

ГЛАВА 5, в которой случается Чрезвычайное Происшествие

Когда зазвонил елефон, две приятельницы — Кыкыля и Баська доигрывали 172 партию в шашки. От неожиданности Баська даже выронила шашку, которая должна была стать дамкой.

— Что это? — вздрогнула Кыкыля.

Девочки подошли к елефону и озадаченно переглянулись. Елефон трезвонил как ошпаренный.

Божичка ты мой! Да мало ли елефонов каждый день надрывается в квартирах, конторах, институтах и других местах, чему же тут удивляться? Всё бы ничего, но дело было в том, что *этот* елефон молчал уже больше ста лет! Когда-то очень давно его поставили в комнату с вывеской ПОП, что означало «Пункт охраны правопорядка». И каждый гражданин, которого кто-нибудь обидел, скажем, ни за что ни про что дал тумака или отобрал какую-нибудь вещь, мог позвонить в ПОП и рассказать об этом дежурному улиционеру, чтобы тот принял меры. Но со временем, когда таких серьезных преступлений становилось всё меньше и меньше, штатный улиционер уволился, и в ПОП ходили дежурить студенты местного профессионально-технического училища междугородних отношений и международной журналистики. «Поиграй, Отдохни, Поспи» — так теперь они называли это место.

Баська и Кыкыля приходили сюда вдвоём, так как обе были заядлые шашкистки и к тому же соседи по дому. (Родители Баськи приехали в этот город, спасаясь от своих дедушек Басаврюка и Баскака. Жили эти дедушки в Бастралии и пили бедовую бражку. От этого происходило блукание по ночам, мордобой и всяческие другие беспокойства. Когда родителям Баськи надоело это баловство, они взяли и обилетились из Бастралии в тот город, где теперь жила Баська.

Родители Кыкыли были личностями еще более колоритными. Мама Кыкыли в буквальном смысле слова всю жизнь сидела на вулкане — она была термогеологом и исследовала кратеры. Папа Кыкыли был языковед. Именно он назвал свою дочку таким странным именем. Дело было в том, что Кыкылин папа выдвинул умную, как он считал, идею о реформе устной речи. Однажды он подсчитал, что в обычном разговоре человек пользуется всего тремя-пятью сотнями слов. Но и это Кыкылиному папе показалось чрезвычайно сложным. И он предложил оставить в языке единственное слово «кыкы». Тогда, например, такая фраза, как «Я пошла в парикмахерскую», звучала бы гораздо проще: «Я покыкыляла в кыкыльню». И не надо ломать голову, как говорить правильно: «пошла» или «пашла», «парекмахерская» или «порекмахерская». Стоило запомнить все-

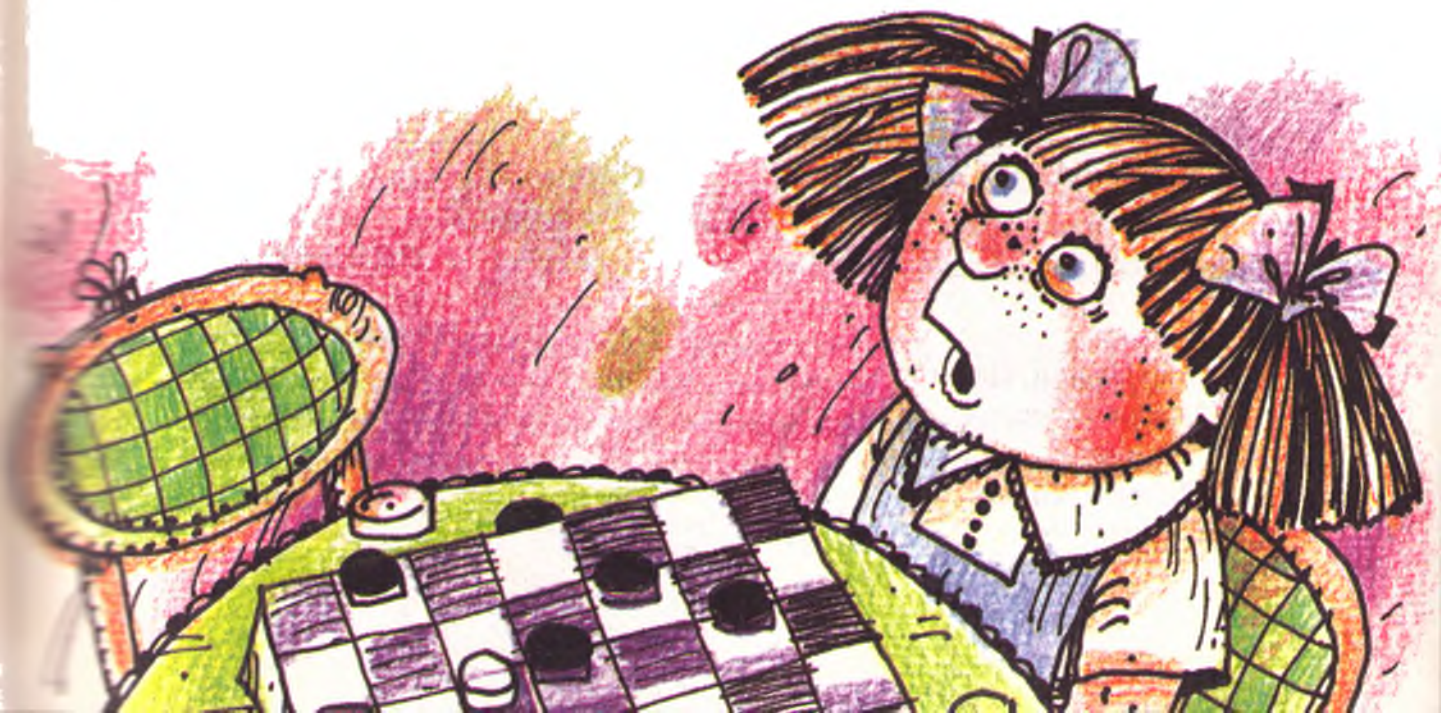
— одно правило, что слово «кыкы» произносится через двойное «ы», и обучение маленьких детей речи можно было бы считать законченным. Кыкылин папа обучил кыкыльскому языку свою дочку, а она — подружку Баську).

— Кык это? — перешла от неожиданности на кыкыльский Баська.

— Не кыкынаю, — ответила Кыкыля, что, как вы догадались, значило «не знаю».

Баська осторожно взяла пыльную трубку и робко сказала: «Алло?»

— Алё! — обрадовались на другом конце провода. — Сообщаю: звонит Бина из магазина. У нас совершена КРАЖА! Похищено имущество — соросёнок Инвентарный Номер 17819. Приметы: маленький, розовый, куется. В краже подозреваю кота, как звать и где проживает, не знаю. Приметы: высокий, черный, усатый. Очень просим наказать!

Трубку елѳона в малогазине уже опустили, а Баська, совершенно обескураженная, всё ещё слушала короткие гудки. К сожалению, она не могла взять на заметку довольный смешок контролѳрши Сидоровой, решившей, что она неплохо отомстила наглому чѳрному коту.

ГЛАВА 6, в которой поросѳенок Инвентарный Нумер 17819 и кот Киссинжер знакомятся с бюро недобрых услуг и его хозяином лисом Аморалисом

Уложив кусок сыру в большую походную сумку, поросѳенок и кот Киссинжер отправились путешествовать.

На углу улицы, где жил поросѳенок, они увидели свежо блестящую чѳрной и фиолетовой краской шикарную вывеску.

— БЮ-РО НЕ-ДОБРЫХ У-СЛУГ, — прочитал кот. — Зайдем?

Они вошли в дверь (лучше бы не входили!), обтянутую изящной красной кожей. Наверху звонко тенькнул серебряный колокольчик, и за стойкой из настоящего орехового дерева появился гражданин в чѳрном фраке с длинными, закрученными колечками усами.

— Лис Аморалис, — представился он, — хозяин бюро. Чем могу служить?

Поросѳенок посмотрел на кота, кот — на поросѳенка.

— Понимаю... — кивнул головой Аморалис. — Вы у нас первый раз. Вот наше меню.

Поросѳенок взял большую чѳрную папку и, повертев её в лапах, отдал коту. Дело в том, что поросѳенок был ещё маленький (такой маленький, что сам себя иногда не замечал) и поэтому пока не ходил в школу (был малограмотный, знал две буквы).

Кот надел очки и раскрыл меню.

Вот что он там прочитал:

УСЛУГА	СТОИМОСТЬ
Ссоры:	Ничего не стоят
Маленькая ссора	— * —
Большая ссора	— * —
Вдрызг	— * —
На всю жизнь	— * —

Драки:	Почти ничего не стоят
До первой крови	— » —
До второй крови	— » —
До третьей крови	— » —
С синяками	— » —
С шишками и другими телесными повреждениями	— » —
Неприятности:	Бесплатно
Досадные	— » —
Житейские	— » —
Семейные	— » —
Мелкие (вроссыпь на вес)	— » —
Болезни:	Безвозмездно
Острые	— » —
Респираторные	— » —
Затяжные	— » —
Цветные (краснуха, золотуха и т.д.).	— » —

— Нам ничего не подходит, — сказал кот, с ужасом захлопывая папку. — Здесь про путешествия ничего не написано... Вот если бы вы нам в этом вопросе помогли...

— Нет ничего проще! — воскликнул Аморалис с таким жаром, будто шел на горячую сковороду. — Скажите спасибо, что мы знакомы! Опоздание на самолет — это для начала. Потом — сплошные дожди. Три ночи в аэропорту, на скамейках. Пункт прибытия — Комариные болота...

— Это за что?! За ... просто так, я хотел сказать? — спросил кот.

— Конечно! — развел руками Аморалис и изобразил на лице восторг человека, только что выигравшего в лотерею чайный сервиз «Кайфейный». — В том-то всё и дело! Мы ведь производим зло, зло в чистом виде, самое качественное зло на планете! Вначале мы устраиваем неприятности вам, а далее вы сами устраиваете их другим. Но, мой Бог, — осёкся Аморалис, взглянув на испуганные лица двух друзей, — а я, видимо, совсем вас запугал! Не волнуйтесь, в наших путешествиях-турзолах есть масса приятных моментов. Что может быть, например, лучше, чем влезть в очередь без очереди или наступить кому-нибудь на ногу в автобусе, а потом обозвать этого кого-нибудь коровой?

— Но зачем же? — Недоумённо затопорщились усы у кота.

— Зачем «коровой»? — уточнил Аморалис. — Не нравится «коровой» — есть масса других не менее впечатляющих слов.

— Зачем вам производить зло, я хотел спросить, — поправился кот.

— А вот это уже секрет фирмы! — Нарисовал когтем в воздухе восклицательный знак Аморалис. — Ну так, как — мы едем? Билеты я выписываю немедленно...

Кот Киссинжер хотел уже было отказаться от таких сомнительных удовольствий, но тут поросёнок схватил его за рукав, так как заметил ту

самую тётку, что приклеила его к витрине. Контролёрша стояла за окном, у парадного подъезда, смотрела на вывеску и беззвучно шевелила губами.

— Ой, — сказал поросёнок, — а можно вопрос?

— Конечно, мой маленький, — елеённым голосом ответил Аморалис.

— А е-если мы пое-едем в путелешествие, то в ка-ка-ком направле-лении мы по-поедем? — стал заикаться разволнованный поросёнок.

— Направление вы выбираете сами, — пояснил Аморалис. — Зло естьезде.

Поросёнок выхватил из его лап два билета и тут же шмыгнул вместе с Киссинжером в дверь чёрного хода. Они остановились на минуту, чтобы осмотреться в тёмном коридоре.

В прихожей снова ожил колокольчик, и поросёнок вздрогнул, узнав голос контролёрши Сидоровой.

— Этот проклятый Инвентарный Нумер сбежал! Я не знаю, что делать, а его везде искала! Я больше к вам не приду! Мне страшно...

— Гражданка Сидорова, успокойтесь, — услышали поросёнок и кот стальные интонации Аморалиса. — Если вы нас предадите, то я всем расскажу, что вы неправильно распространяете вверенные вам товары. Например, вчера вы отдали пять меховых курток неизвестному лицу только за то, что он обещал на вас жениться (о том, что это был один из агентов капитана Бонди, специально подосланный к Сидоровой, лис Аморалис умолчал).... Что же касается Инвентарного Нумера, то он отправлен мной в путешествие... По нашим, разумеется, путёвкам.

Поросёнок и кот вышли в какой-то дворик, а оттуда на улицу. Киссинжер взял у поросёнка билеты, подошёл ближе к фонарю (темнело стремительно) и прочитал на них слова, написанные правильным и аккуратным почерком Аморалиса: «Бюро недобрых услуг. Вокзал. В оба конца».

Киссинжер решил обмануть судьбу. Он остановил такси и, воткнув поросёнка на заднее сиденье, тихо сказал водителю: «В аэропорт, пожалуйста».

ГЛАВА 7, в которой поросёнок и кот совершают путешествие во времени

Машина немного поплутала по улицам и, скрипнув тормозами, остановилась на большой площади.

— Приветтики! Спидометр заело, — объяснил шофёр Гнутобаранкин и тут же нырнул под капот своего автомобиля. Вчера он был куплен лисом Аморалисом за дефицитный крабюратор и восемь, не менее редких в магазине колпаков для колёс, а сегодня уже горько раскаивался, что влез в это дело. Но если подумать хорошенько — без крабюратора и колпаков

для колёс далеко не уедешь, верно? А без протекции Аморалиса контролёрша Сидорова два крабюратора за один месяц ни за что бы не дала.

Поросёнок и Киссинжер, которые, конечно, ничего этого не знали, вылезли из машины и огляделись. Рядом на здании нервно дергалась неоновая надпись:

ЖЕЛЕЗ О РОЖ ЫЙ ВОК АЛ.

— Железорожий вокал, — добросовестно прочёл кот.

— Ой, — сказал поросёнок. — В фисгармонию приехали.

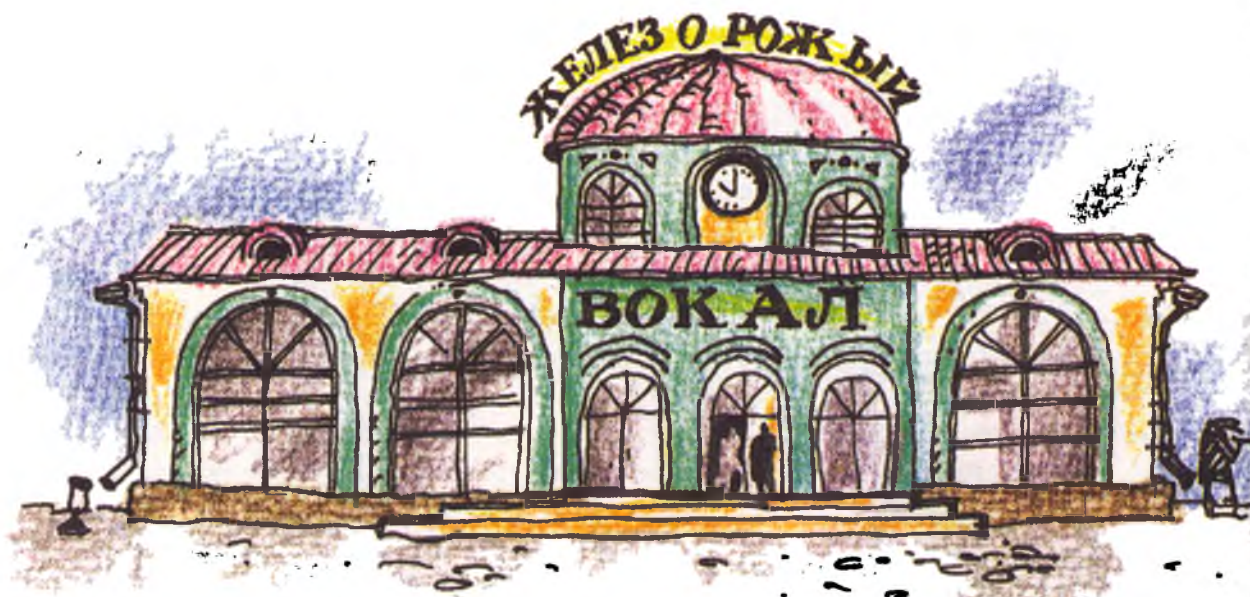
— Куда? — спросил кот.

— Ну, в консерваторию, где консервы делают, — объяснил поросёнок.

— Нет, — сказал кот. — Мы приехали на железнодорожный вокзал.

— Ой, как интересно! — с напускным энтузиазмом заявил поросёнок. — Ехали туда, а приехали сюда? Это что — приключение, да?

— С такими приключениями и в суеверия поверишь, — сказал Киссинжер, который, как вы знаете, был котом, да к тому же чёрным, да к тому же ещё и жил в квартире номер 13 с левого входа.

— Брось ты эти изуверия, — беспечно махнул лапой поросёнок. — У меня вот дома тоже кто-то бегал и в батареях тукал. Я думал изуверие. А оказалось, что это наш домовый Тараська трубы ремонтировал.

— Тогда пойдём навстречу опасностям, — дёрнул себя за усы кот (у него такая привычка была — дёргать себя за усы, когда нервничает).

И они пошли навстречу опасностям: осторожно озираясь, пробрались по туннелям к перрону, нашли свой вагон, быстро юркнули в купе и закрылись на замок.

— Уф! — вздохнул кот. — Теперь можно и поспать...

ЖЕЛЕЗ О РОЖ ЫЙ ВОК АЛ — вот что увидели они утром в окне! Поросёнок и кот вышли на улицу и тут же заметили на своём фоне полустёршуюся вывеску, которая вчера в темноте не бросилась в глаза:

ЗАГОН ДЛЯ ОТДЫХАЖИРОВ

— Ну, я ему покажу загон для отдыха пассажиров! — закричал кот, взяв поросёнка за лапу, быстрыми шагами пошёл в город. Через десять минут они ворвались в двери бюро недобрых услуг.

За стойкой тут же появился лис Аморалис.

Как и в прошлый раз он улыбался в свои усы, завитые колечками.

— Зачем вы нас обманули? — прямо спросил кот. — По вашим билетам мы не можем путешествовать.

— Не надо горячиться, — сладко зажмурился лис. — В обычном лисейском понимании пространства вы действительно не сдвинулись с места. Но зато во времени, — он взглянул на часы, — вы проехали целых сорок минут! Образно говоря, со станции Вчера вы прибыли на станцию Сегодня. Поздравляю! Поздравляю! Со счастливым прибытием!

И лис Аморалис с жаром пожал поросёнку и коту лапы.

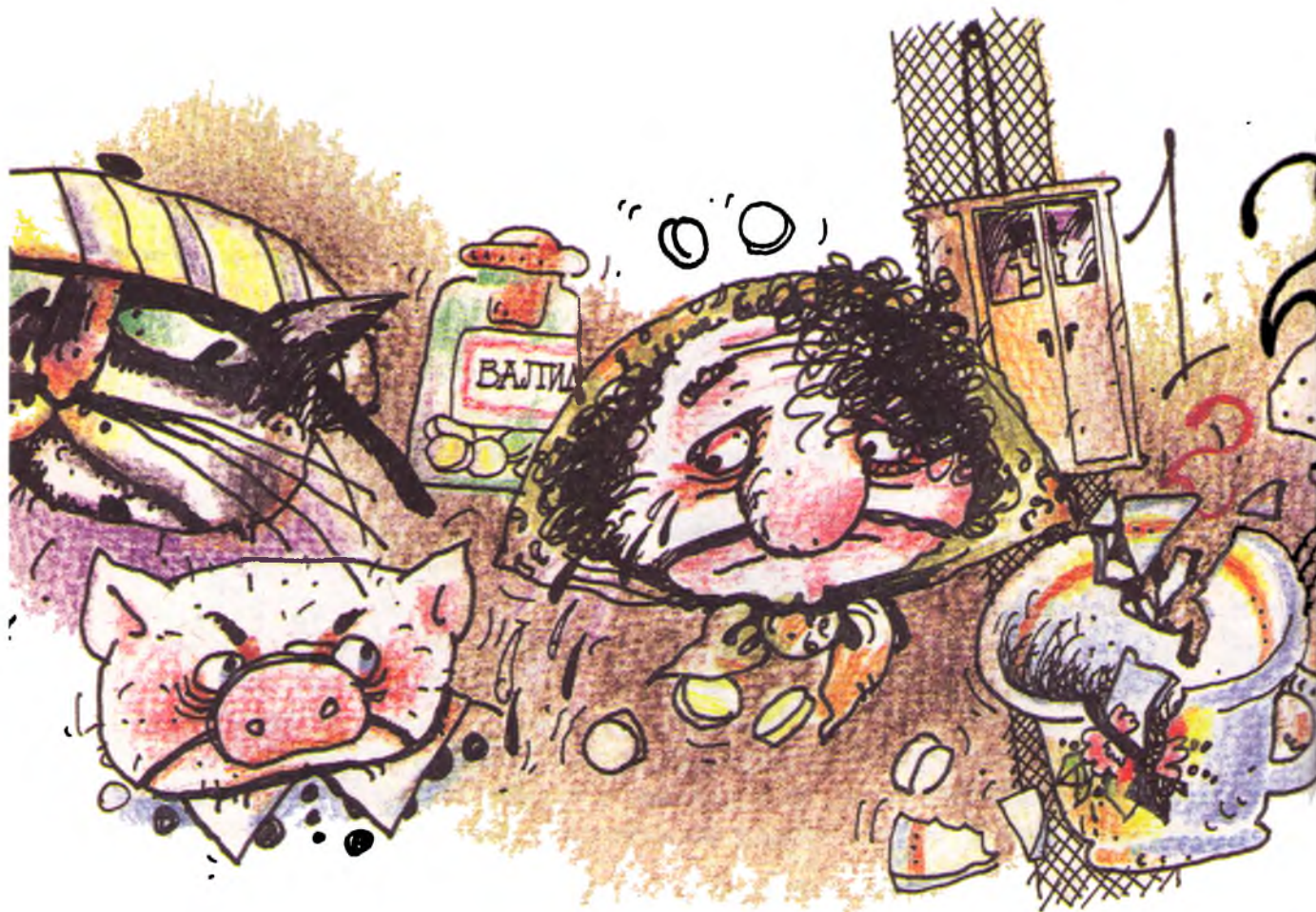
ГЛАВА 8, в которой автор открывает новый вирус

Поросёнок и кот вышли из бюро недобрых услуг злые и хмурые. Поросёнок насвистывал какой-то невесёлый маршик, кот беспрерывно дёргал себя за усы.

Что и говорить — настроение было неважное. А тут ещё одна толстая тётенька, проходя мимо по тротуару, сильно толкнула поросёнка и кота.

— Ой, извините, я нечаянно!

— За нечаянно бьют отчаянно, — буркнул кот и дёрнул себя за усы.

— Да! — добавил поросёнок с противной наглостью в голосе.

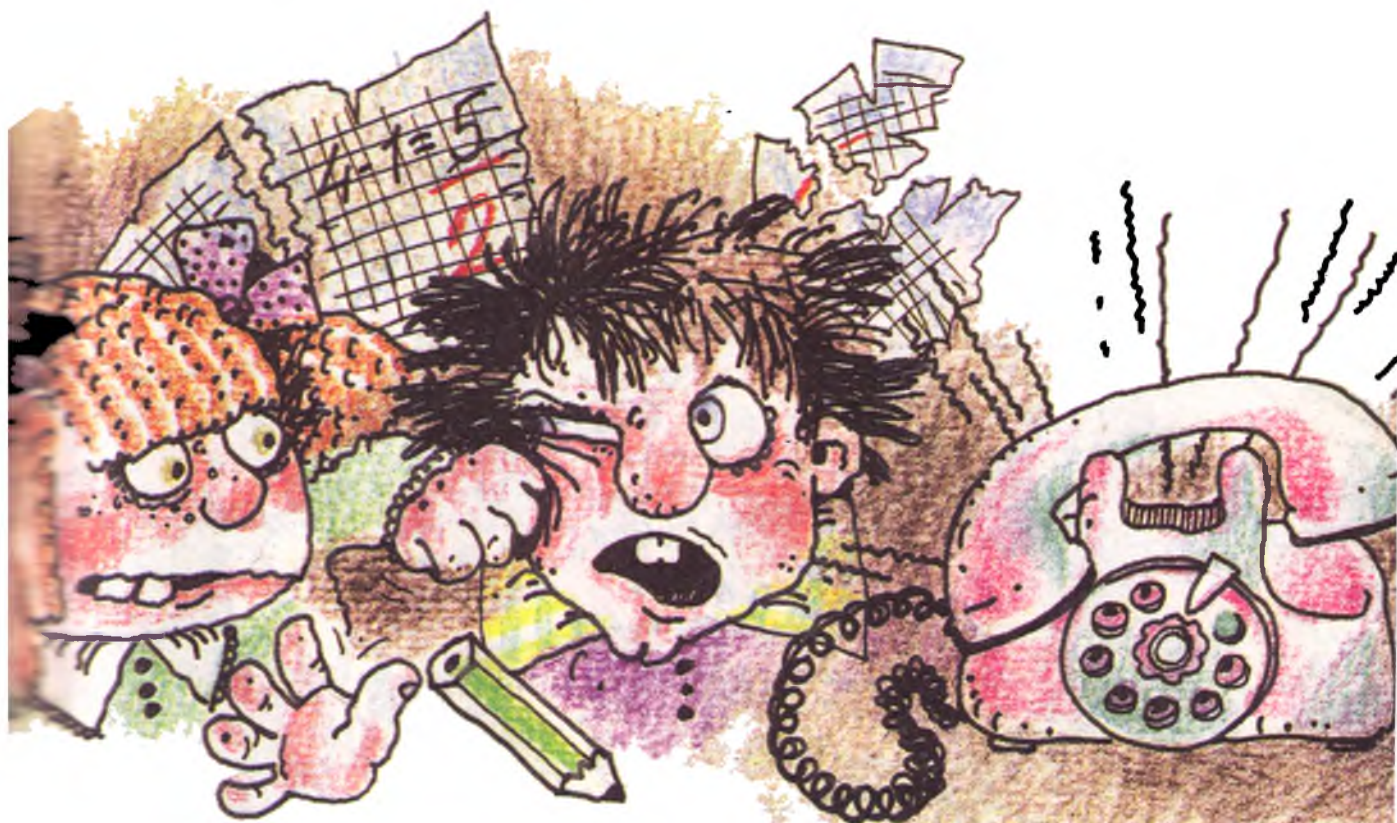
— Хамство какое! — возмутилась тётенька и быстро юркнула в переулок. Настроение у поросёнка и кота совсем испортилось.

И, наверное, поэтому они не ответили старенькой лифтерше на её «День добрый» и прошли мимо, будто она вовсе и не существовала, отчего добрая старушка отчаянно разрыдалась. Оно и понятно — целый день сидишь и

ждёшь, когда кто-нибудь пройдёт, и ты можешь сказать: «Утро доброе» или «Добрый вечер», а тебе не отвечают и даже в твою сторону не смотрят!

Обиженная старушка сдала дежурство, пошла тут же домой, начала мыть посуду и разбила свою любимую чашку. Рассердившись пуще прежнего, она выпорола внучку-школьницу (якобы за двойку по природоведению) и, приняв пачку валидола, легла спать.

Несчастливая внучка пошла в школу на переэкзаменовку и схватила ещё одну «пару». Тогда она подложила на стул учительнице кнопку, а соседу по парте Васе (когда тот дёрнул её за косичку) так звезданула, что у него под глазом тут же засветился огромный «фонарь» цвета перезревшей сливы.

После урока учительница позвонила маме девочки на работу, в бензоколонку автопарка, и рассказала про двойку, про кнопку, про Васю... Мама расстроилась и вместо бензина марки Б16 стала закачивать в баки автобусов бензин Б17. В результате все автобусы поломались и вечером не смогли выехать на работу.

Первым делом родители, не дождавшись транспорта и вернувшись пеш-

ком домой, сорвали своё раздражение на детях. Дедушки и бабушки вступились за безвинно выруганных внуков и внучек. Слово за слово разгорались семейные сцены. Ночью, естественно, никто не спал — все переживали. Капризничающих, опухших от слёз детей с рассветом начали разводить в детсады и школы. Масса родителей опять опоздала на работу.

В общем, когда поросёнок на следующий день пошёл в гости к Киссинжеру, на улицах творилось нечто невообразимое. Тысячи горожан, спшибая друг друга, не успевая на ходу извиниться, носились по улицам. Пекари искали такси, чтобы добраться, наконец, в пекарни. Таксисты рыс-

кали по всем булочным в поисках свежего хлеба. Футболистам не привезли на поле мяч, и вот уже целый час болельщики на стадионе слонялись по полю, дудели в дудки, топали и кричали от безделья.

Театральный кассир (мама избитого Васи) тоже в расстроенных чувствах перепутала все билеты. В результате зрители вместо Большого театра попадали в Малый и наоборот. От этого в Малом театре (куда пришли зрители из Большого) образовалась давка и возник скандал, потому что у всех в гардеробе не хватило биноклей и номерков, а в буфете бутербродов с сыром (а какой же может быть спектакль без бинокля, номерка и бутерброда с сыром, скажите, пожалуйста!). В общем, поводов для ссор в тот день везде хватало. Да к тому же кругом шныряли какие-то серые личности в шляпах. И там, где они появлялись, недоразумения превращались в конфликты, недомолвки в размолвки...

За какие-то три минуты! поросёнку 5 раз наступили на лапу (1 раз завилились), 16 раз толкнули, и какой-то верзила-кенгуру дал ему подзатыльник (дважды), чтобы он не путался под ногами у рослых.

Если бы поросёнку кто-нибудь сказал, что он сам во всём виноват — потому что не ответил на «День добрый» старушки-лифтерши, он, наверное, чрезвычайно бы удивился. Разве можно самому себе 5 раз отдавить лапу, 16 раз толкнуть и влепить 2 подзатыльника? Оказывается, можно.

Представьте себе, что поросёнок подхватил где-то грипп и чихнул в трамвайном автобусе. Тут же заражёнными окажется ещё несколько человек. Так же и со злом. Сделал кому-то неприятность — будь уверен, заразив злом других людей, сам же от него и пострадает. Потому что существует в мире никем не зарегистрированный, ни в каких научных книжках не описанный вирус зла.

Но поросёнок не знал этого. Он ведь, как вы помните, был малограмотным, да к тому же маленьким. Поэтому он ужасно испугался того, что творилось на улицах, и побежал обратно в свою квартирку.

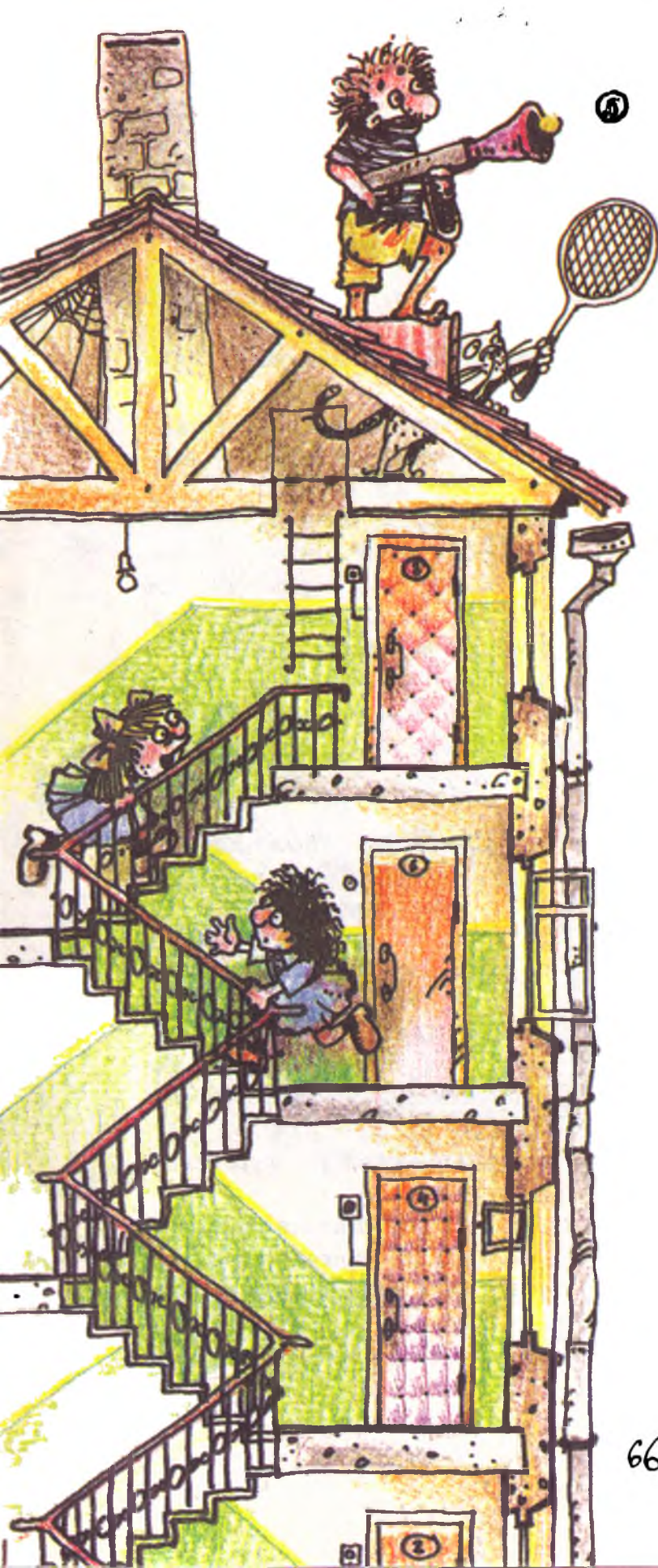
ГЛАВА 9, в которой начинается следствие

Серьёзно озадаченные неожиданным звонком и хулиганством в городе, Кыкыля и Баська решили действовать немедленно.

— Небось сами засунули куда-нибудь своего поросёнка, — вышагивая по мостовой, говорила Кыкыля, — а теперь звонят.

— Может, и правда.., — сказала Баська с такой интонацией, что совершенно невозможно было понять, в чём больше она сомневается — в том, что поросёнка украли, или в том, что сигнал из магазина был ложным. И то и другое казалось невероятным.

— Поберегись! — закричал кто-то прямо на ухо Баське, и она инстинктивно отпрыгнула в сторону.

Мимо пронеслась компания жирафов, за которыми во весь опор неслась стая молодых бегемотов. Жирафы, оборачиваясь на ходу, очень ловко посылали в бегемотов прицельные плевки, а бегемоты отвечали им градом желедей, пущенных из рогаток.

Не успели девочки отлипнуть от стены, как пришлось распластаться на тротуаре. Какой-то человек влез на крышу дома напротив и с криком: «Ах, так вы не хотите чинить мой елевизор?!» — стал поливать улицу атоматными очередями. К счастью, атомат стрелял теннисными шариками, и Баська с Кыкылей отделались только испугом.

— Кыкыго не кыкымаю! — шепнули они друг другу.

Человек на крыше расстрелял по прохожим первую обойму и готовился вставить в атомат вторую.

— Его надо взять, — сказала Баська. — Вдруг он вздумает бильярдными шарами палить?

Кыкыля и Баська перебежали дорогу и ворвались в подъезд.

Лифт не работал. Кыкыля ткнула пальцем в кнопку «ДИСПЕТЧЕР».

— Чего там? — ответил хриплый голосище.

— Извините, вы не могли бы быстро починить лифт? — попросила Баська.

— Не мог бы, — явно издеваясь, протрубил голос.

— Почему?

— По кочану... У меня все гаечные ключи кто-то спёр...

— А что же нам теперь делать? — не унималась Баська.

— Снять штаны и бегать, — буркнул хрипатый и отключился.

— Вперёд! — скомандовала Баська.

— Вот как плохо... не заниматься... физкультурой, — отдуваясь, сказала Кыкыля на десятом этаже.

— Ага, — ответила Баська, переводя дух на двенадцатом.

Лестничные пролёты уходили вверх, казалось, терялись в бесконечности.

— Осторожно, — сказала Кыкыля Баське, когда та влезала через люк чердак.

Но на чердаке никого не было. Человек бегал по крыше и что-то кричал.

— В знак протеста! ... елевизор! ... не показывает! — донеслось до девочек сверху.

Баська выглянула из слухового окошка.

— Товарищ! — окликнула она атоматчика. — Вы не могли бы на минутку прекратить стрелять?

— Да, пожалуйста, — ответил человек и поставил атомат на предохранитель. — Вы что — из газеты?

— Нет, — сказала Кыкыля, — мы из...

— Впрочем, это неважно! — замахал руками незнакомец. — Вы, например, считаете меня улиганом... Но, честное слово, это я только в знак протеста! Сегодня, понимаете ли, Буилдонский турнир по теннису, и там, понимаете ли, выступает моя дочка, а я, понимаете ли, ее тренер. Включите елевизор, и вдруг — бац! — экран погас. Звоню елемастеру, другому, третьему — никто не отвечает.

Наконец нашел одного, понимаете ли. Он пришел, вилку, понимаете ли, срезал и убежал. Нечего, говорит, елевизоры смотреть. Там все врут только. Представляете? А мне, понимаете ли, так важно было эту передачу посмотреть. Всё-таки первый раз, Буилдонский турнир, понимаете ли...

— Так, — сказала Кыкыля, — адрес этого мастера-ломастера у вас есть?

Баська записала улицу и номер дома и попросила незнакомца на прощание: «Вы уж больше не улиганьте, ладно?»

— Да уж, конечно, — развёл руками тренер. — Чего это я, действительно? Ну, елевизор сломали, подумаешь беда какая, понимаете ли. А тут пришёл какой-то в серой шляпе, говорит: «Ты, мол, в знак протеста тренировочного атомата их попугай». Ну, я понимаете ли, и ...

— Чего там ещё? — закричал елемастер, открывая дверь. — Человеческим же языком сказано: «Не беспокоить!» — Он провёл обожжённым кислотой пальцем по записке, приколотой к двери. — По слогам читаю: «Не бес-по-ко-ить!»

— А никто вас не беспокоит, гражданин, — строгим голосом сказала Кыкыля. — Вы зачем у товарища вилку с елевизора срезали? У вас, что — своей нету?

— Да нет... — растерялся елемастер.

— Что «да нет»? — наседала Кыкыля. — «Да» в смысле «нет» или «нет» в смысле «да»? Из-за вас человек на крышу полез, мог убиться. Вы что — этого хотели?

— Да я сейчас верну, — засуетился елемастер. — Я только в знак протеста, символически что ли.

Он исчез за дверью и через секунду появился с целой связкой срезанных шнуров.

— Вот, который ваш?

— Это что — всё в знак протеста? — холодно осведомилась Кыкыля.

— А что остается делать?! — возмутился елемастер. — Они же всё врут!

— Кто врёт?

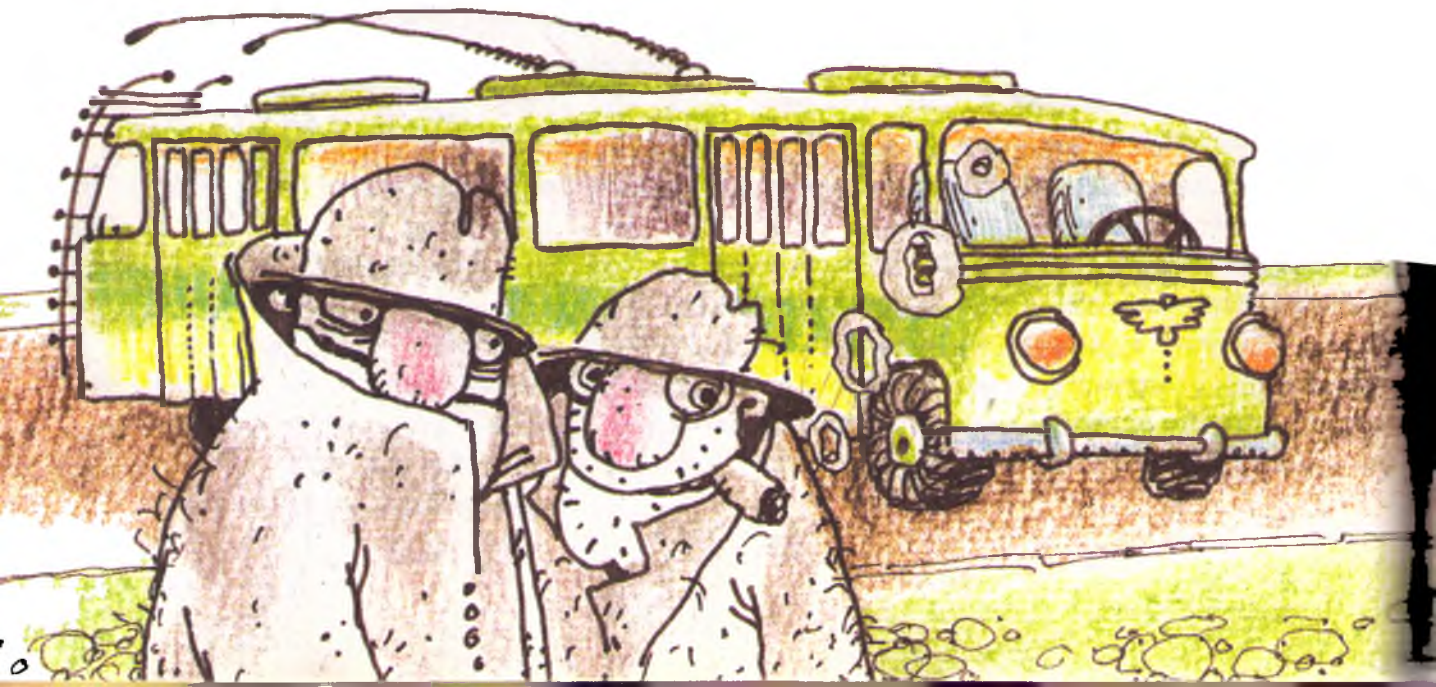
— Прогнозпогод на елевидении.

— Не волнуйтесь, расскажите всё по порядку, — мягко сказала Баська.

— Понимаете, всё оттого, что мы с приятелем очень любим удить рыбу.

— ?

— Вчера собрались на лов: место хорошее присмотрели, червей накопили, удочки приготовили, крючки сменили, грузики проверили. А вече-

дом по елевизору сообщают — погоды. Никакой не ожидается, дождливо, холодно. Ну, мы, естественно, остались дома. Утром проснулись — солнышко жарит. Мы, конечно, огорчились: вот что-то поверит — пойдёт гулять да и зымокнет весь! Всем друзьям позвонили, чтоб дома сидели. Сами до обеда из квартиры не вылазили, а на улице печёт! Тогда мой друг говорит: «Пойдём!» А я говорю: «Сейчас дождь пойдёт, а не мы». Он говорит: «Не пойдёт, соврали по елевизору». А я говорю: «У нас не врут, тем более по елевизору!» Спорили, спорили, аж рассорились вконец. Поругались. Тут ещё какой-то серый тип пришёл. Говорит: «Эдак они всех рассорят, одно расстройство от этих елевизоров. Надо бы, говорит, их уничтожить. З знак протеста». Ну, я и...

К зданию елечентра Кыкыля и Баська шли пешком. По дороге то и дело приходилось обходить автобусы, брошенные где попало, троллейбусы: грустно опущенными рогами, такси с открытыми дверцами. В городе как-то сразу, в один день поселилось запустение.

— Кыкыля, ущипни меня, кажется, я сплю, — попросила Баська.

Кыкыля добросовестно выполнила просьбу, а заодно, для проверки, ущипнула и себя.

— Нет, это не сон, — вздохнули девочки.

...За дверью с вывеской «ПРОГНОЗПОГОД» сидела женщина и горько плакала.

— Если вы пришли ругаться, — всхлипнула она, — то вы уже опоздали. Я уже знаю, я очень-очень плохая!

И она опять зарыдала, спрятав лицо в кружевной платочек.

— Ну, что вы, — мягко сказала Баська, присаживаясь на краешек стола. — Сначала нужно разобраться...

— Вот именно, вот именно — разобраться... — сказала женщина, убирая платочек. — Видите ли, мой Мишенька пришёл вчера из школы, а в дневнике — двойка. Представляете? Он у меня почти круглый отличник. И тут такое! Я прихожу на работу — гляжу за окно, настроение никудышное, вдруг, думаю, он курить начал? А может, он и уроки пропускает? Ведь неспроста двойка-то! Ну, вот и задумалась. А сегодня смотрю — я, оказывается, прошлогоднюю сводку погоды в эфир дала! По ошибке! Нечаянно! Вот тут и началось. И ходят, и звонят, и спрашивают — зачем я вру в эфире? А я, может быть, всего один раз в жизни соврала — когда у бабушки без спроса варенье съела, а потом сказала, что это кошка виновата. У меня, видите ли, очень строгая бабушка была. Но разве кто поверит?..

... Мальчик Миша сидел в соседней комнате и, зажав руками уши, что-то бормотал. «Два угла меньше развёрнутого называются вертикальными, — расслышали Баська с Кыкылей, когда подошли поближе, — если стороны одного из них являются лучами, противоположными сторонам другого. Чтобы умножить одну десятичную дробь на другую, надо выполнить умножение... надовыполнитьумножениенеобращаявнимания назапятуюзатемврезультатеотделитьсправаотзапятойстолькоцифрсколькo ихстоит послезапятойвобоимножителяхвместе. Кореньэтоглавнаязначимаячасть словавкоторойзаклучено бщелексическоезначениевсех однокоренныхслов. Ковторомуспряжениюотносятсявсеглаголынаить семьглаголовнаетьчетыре глаголанаать. Новаяисторическаяобщностьесть...»

— Мальчик, ты Миша? — спросила Баська, тронув зубрилу за плечо.

— Отстаньте, — отмахнулся мальчик, — мне еще 118 правил нужно выучить!

— А за что тебе двойку поставили? За правила? — спросила Кыкыля.

— Да... — обернулся Мишка. — А откуда вы знаете?

— Мы всё знаем, — уверенно сказала Кыкыля.

— Я тоже всё знаю, — похвастался Мишка.

— Всё-всё? — съязвила Кыкыля. — А ну-ка скажи, какие глаголы относятся ко второму спряжению?

— Ну эти... — замаялся Мишка, — которые без ударения. Это у которых ... это... ну, как её?.. главная значимая часть слов... слева от запятой... Давайте я лучше вам про новую истерическую общность расскажу?

— Где ты всего этого понахватался? — спросила Баська.

— В учебнике написано, — набычился Мишка.

— Ну вот, послушай:

Из глаголов, что без ударенья,
ко второму относи спряженью:
все глаголы, что на «ить»,
исключая «брить», «стелить».
Семь глаголов, что на «еть»:
«ненавидеть» и «терпеть»,
и «зависеть», и «обидеть»,
и «смотреть», «вертеть», и «видеть».
И ещё четыре с «ать»:
«слышать», «гнать», «держать», «дышать».

— Повтори! — потребовала Кыкыля.

Мишка легко повторил.

— Видишь, как просто! — сказала Баська.

— Да-а-а, — почесал карандашом за ухом Мишка в задумчивости. — А в новом учебнике всё по-другому написано! Я так, как вы, расскажу, а мне опять двойку влепят! Очень надо!

Баська взяла со стола учебник, который пытался заложить в память Мишка, и на первой странице прочитала: «Удостоен первой премии. Автор — академик Шанечкин...»

... Академик Шанечкин сидел на балконе в трусах и пил пиво.

— Вам не стыдно, профессор? — напрямик спросила его Кыкыля, вламываясь на балкон через открытую дверь квартиры.

— Стыдно, — от неожиданного визита академик спрятал бутылку за спину. — Только я не профессор.

— Зачем же вы учебники такие пишете, непрофессор? Дети их не понимают!

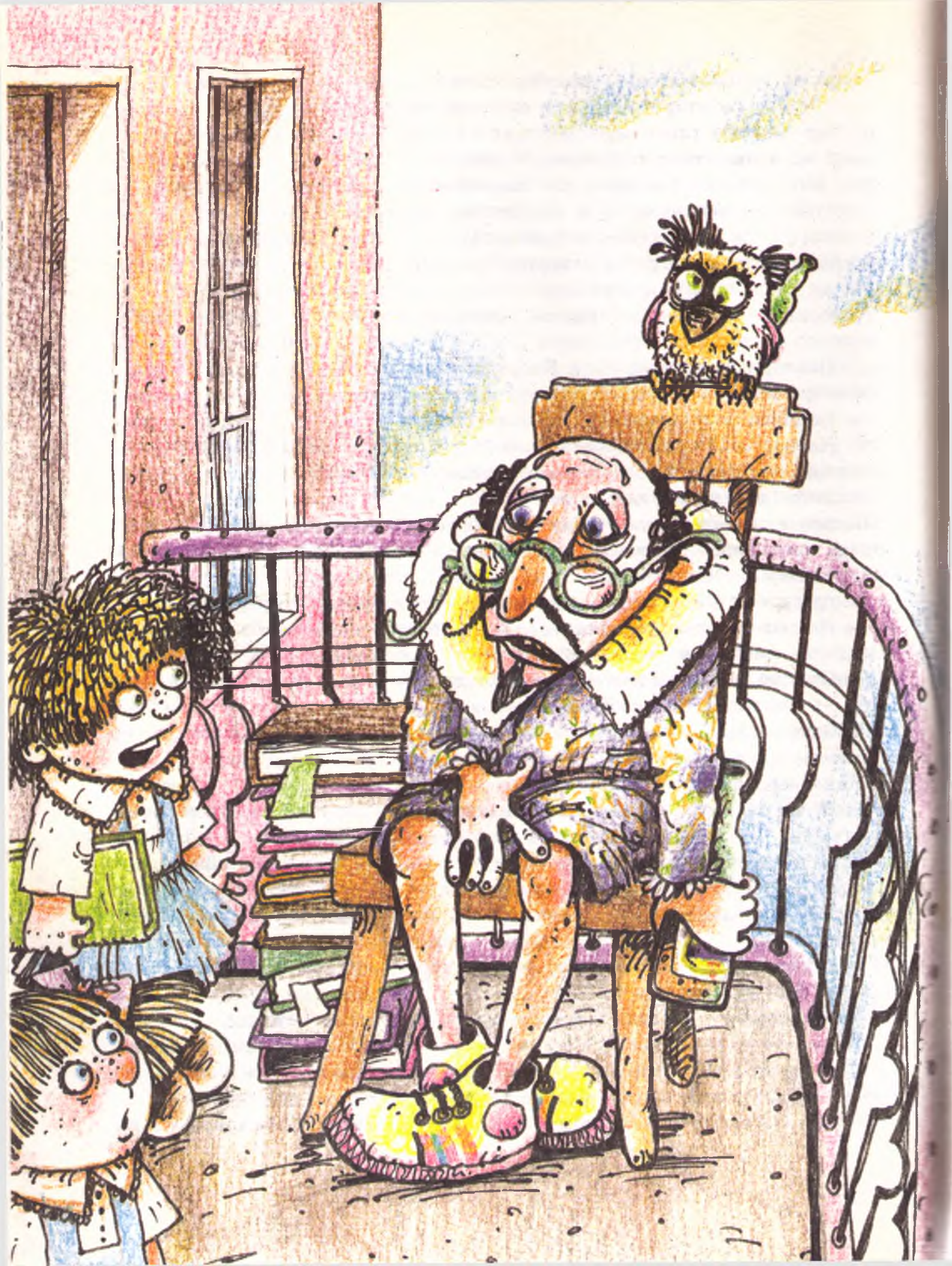
Шанечкин уронил бутылку на пол и застонал.

— Я не виноват, — сказал он, наконец, с таким выражением мученичества на лице, будто у него ужасно болел зуб мудрости. — Нет, я, конечно, виноват, только не только я. Понимаете, я очень люблю классическую музыку. Недавно купил пластинку — «Лебединое озеро», из репертуара Большого театра. Поставил на проигрыватель, а она шипит, щёлкает, прыгает. Я так расстроился, что просто жуть, что было. А тут ещё рукопись срочно сдавать, а то первую премию не дадут. Всё как назло сошлось. Вот и написал...

— Понятно, — сказала Баська и взяла пластинку с полки.

Из пакета с надписью «Лебединое озеро (и дальше почему-то то же самое на иностранном). Сван лейк. Пётр Илич Чайковский» выпала бумажка: «Изготовлено бригадой Хлюпкина».

— Мы сейчас поедem к этому Хлюпкину, — сказала Баська, — а вы

позвоните, пожалуйста, какому-нибудь детскому поэту и перепишите, если можно, учебник.

— А что, это идея! — обрадовался Шанечкин. — Пифагоровы штаны... во все стороны равны! Биссектриса — это... крыса или ...м-м-м... биссектриса, которая бежит по углам... и делит угол пополам! Это идея...

... Бригадира Хлюпкина Кыкыля и Баська нашли в маленькой каморке в прессовой линии. Он крепко спал, укрывшись с головой телогрейкой, и никак не желал очнуться. Пришлось долго его трясти за плечо, пока он поднял голову:

— Триста тысяч болтов мне в пэчёнку! Все жалобы по лэбэдам к издателям!

Тут он снова уронил голову и заснул.

— Ну, погоди же! — стукнула себя по коленке Кыкыля.

Она выбежала в цех и дёрнула на себя большой красный рубильник. Линия мгновенно остановилась, и стало очень-очень тихо.

— А?! Шо такое?! — соскочил с топчана Хлюпкин.

— Зачем вы это сделали? — спросила Кыкыля. — Зачем «Лебединое озеро» покалечили?

— Это оно мне всю жизнь покалечило! — гулко ударил себя в мощную грудь Хлюпкин. — Я четыре года за Лэнкой бегал, только в кино 15 раз приглашал, а в музей — не сосчитать! А она — только в Большой театр, только на «Лэбединое озеро», говорит, пойду с тобой. Один раз пошёл в отпуск, отстоял в очереди три нэдэли да и взял билеты в этот проклятый театр. Новый костюм достал. Новые ботинки. Вон какие мозоли натёр на ногах! Приходим, а нам говорят: «У вас билэты не в Большой, а в Малый театр». Идите, говорят, туда... Ну, как я теперь Лэнке могу показаться? А тут ещё подвернулся какой-то тип...

— В серой шляпе и плаще? — догадалась Баська.

— Ага, сэрошляпник, и говорит: «А ты в знак протэста проволочку на пресс положи». Я и положил. А шо?! Я имею право протэстовать или нет?..

Когда девочки вышли за проходную завода, Кыкыля напрямик спросила Баську: «И ты всё ещё думаешь, что мы найдём виновников всех этих безобразий, первопричину всех этих дел?»

— Найдём! — стиснула зубы Кыкыля. — Ведь раньше этого не было, значит, где-то всё началось и совсем недавно...

... Мама Васи, которая работала, как вы помните, в театральной кассе, рассказала, что она действительно перепутала билеты в Большой и Малый театр из-за своего сына, которому одна улиганка в школе поставила синяк под глазом.

Нашли девочку, поговорили с её бабушкой-лифтершей. Та, в полном раскаянии за то, что выпорола со зла внучку, рассказала про поросёнка и кота, которые не сказали ей ни «Добрейший денёк», ни «Как поживаете», когда проходили мимо.

— Подождите-подождите, — перебила её Баська, — где-то я сегодня уже слышала про поросёнка и кота...

Тут Баська с Кыкылей переглянулись. Они обе вспомнили, что с телефонного звонка об украденном поросёнке Инвентарный Номер 17819 началось их расследование. Неужели круг замкнулся?

... Дверь в квартиру поросёнка была открыта. Сам он стоял на маленькой стремяночке и привязывал к лампочке неиспользованный кусок сыру.

Баська посмотрела в записную книжечку. Приметы, переданные таинственной Зиной из магазина — «маленький», «розовый», совпадали.

ГЛАВА 10, в которой следствие заходит в тупик

Поросёнок, который сначала очень испугался, что Баська и Кыкыля опять сдадут его в магазин, постепенно подуспокоился и рассказал всё как было.

— Ох, попадись мне этот лис Аморалис! — сказала в сердцах Баська.

В эту же секунду радио, которое стояло у поросёнка на подоконнике, щёлкнуло, из него понеслась какая-то дикая музыка и, наконец, чей-то бодрый голос возвестил: «Говорит радио бюро недобрых услуг! Говорит радио бюро недобрых услуг! У микрофона комментатор последних событий лис Аморалис. Добрый вечер, собратья по несчастью. Настали и для нас, и для вас, и для них чёрные деньки. Много неприятностей свалилось на наши бедные головы в последнее время, но, уверяю вас, не стоит сильно расстраиваться, ведь будет ещё хуже, если... Если вы завтра, все как

один, не придёте в дом номер 37 в Чёрном тупике. Да, именно там с завтрашнего утра открывается центр по всеобщему примирению. Приводите своих детей, друзей, соседей, всех, с кем вы успели на днях поссориться и теперь хотите помириться. Но предупреждаем: такая важная, такая желанная для вас услуга, — тут во вкрадчивом голосе лиса Аморалиса появились хищные нотки, — будет оказана не за просто так. Вы должны принести нам много-много пуговиц, чтобы мы согласились вас помирить. Много-много пуговиц — ведь это вам ничего не стоит! Итак, дом номер 37 в Чёрном переулке, сбор в восемь часов утра! Не забудьте захватить пуговицы!»

Радио снова щёлкнуло и выключилось. Стало тихо, но только на секунду. Теперь кто-то принялся молотить в дверь.

— Да-да! — крикнул поросёнок. — Входите, дверь не запираецца!

В комнату, шаря глазами по сторонам, протиснулись двое мордатых зарней в серых плащах и серых шляпах. Это были бондиты.

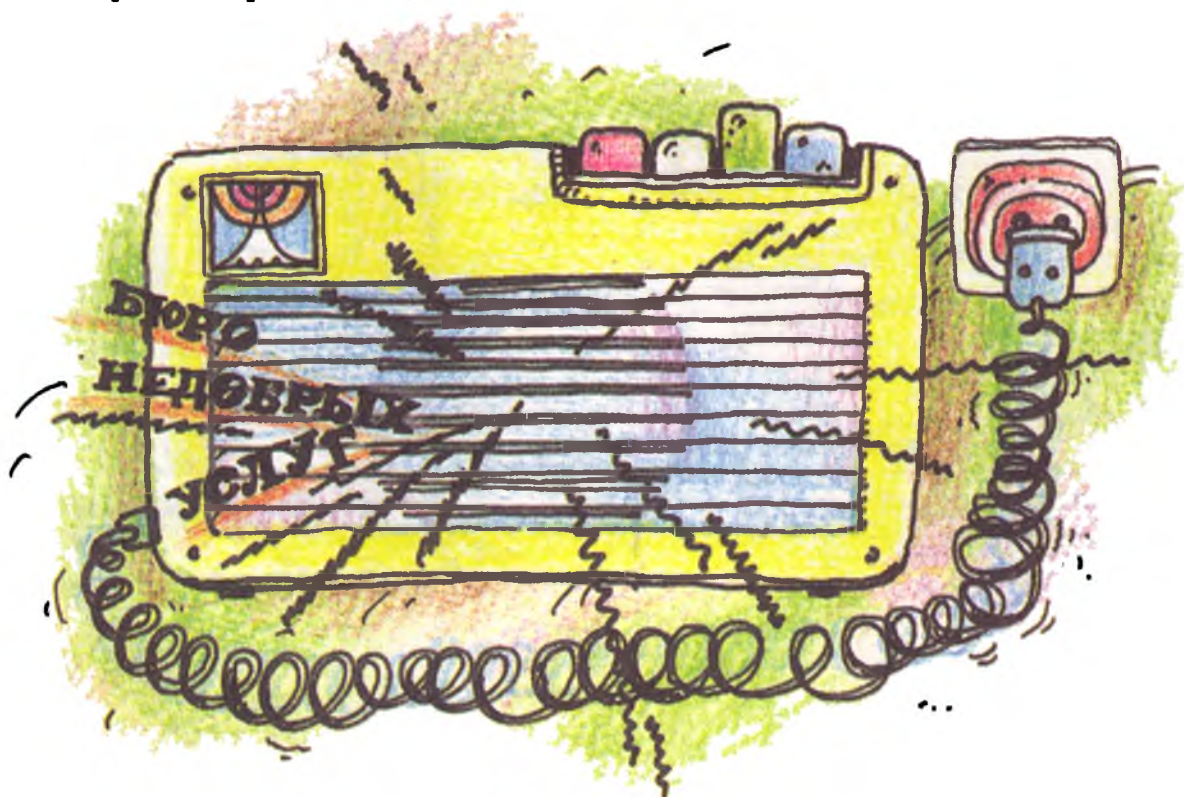
— Поросёнок Инвентарный Нумер? — спросил тот, что был мордатеи, ткнув поросёнка пальцем в пуговицу. — Вы арестованы.

— А, собственно, в чём дело? — спросила Баська. — Он ни в чём не виноват.

— Не ваше дело, в чём дело, — процедил мордатый. — Поросёнок, собируйтесь, вы пойдёте с нами.

— Никуда он не пойдёт! — возмутилась Кыкыля. — Он наше вещественное доказательство.

— Тогда вы тоже арестованы! — крикнул мордатый, «выходя из себя». — И вы тоже, — он направил свой двойной подбородок на Баську. — Вы теперь все арестованы.

ГЛАВА 11, в которой следствие продолжает заходить в тупик

Кот Киссинжер с полным рюкзаком продуктов, припасённых для путешествия, поднимался по лестнице, когда дверь поросёноквой квартиры распахнулась, и толсторожие парни в серых шляпах вытолкнули оттуда двух девочек и самого маленького хозяина. Кот не успел опомниться от изумления, как поросёнка зачихали в багажник серой машины, которая стояла у подъезда.

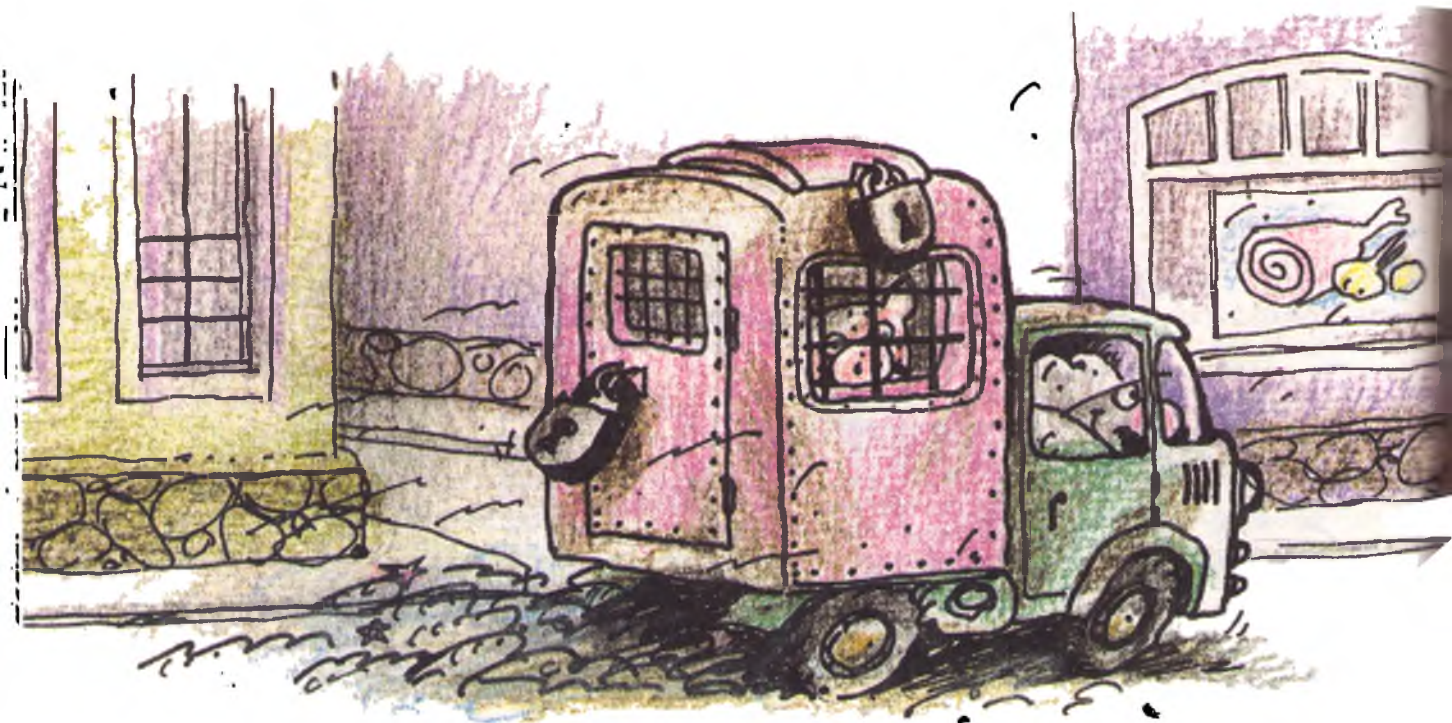
— Помогите! — закричали девочки, тщетно пытаясь вырваться из цепких рук незнакомцев.

Кот кинулся вперёд и мощным хуком в челюсть сбил с ног того парня, который держал девочек. Удар был настолько силён, что и сам кот при этом подскользнулся и покатился по лестнице. Незнакомцы успели встать на ноги первыми, бросили девочек, вскочили в машину и завели мотор. Кот ринулся на капот, но тут девочки ухватили его за рукава и закричали:

— Гражданин, вы задержаны по подозрению в краже! Мы ещё не проверили ваше алиби!

— Извините, — искренне огорчился кот, выскальзывая из пиджака, — но мне некогда.

Машина тем временем уже скрылась за поворотом дома.

Кот быстро взобрался по пожарной лестнице на крышу и стал высматривать сверху серый автомобиль. Гигантскими прыжками он пробирался по крышам домов на соседние улицы и старался не потерять из виду в сгущавшейся темноте похитителей поросёнка. Не будь он так увлечён этим преследованием, он бы наверняка заметил, что, петляя в скоплениях труб, слуховых окошек, антенн, за ним неотступно следуют две тени.

ГЛАВА 12, в которой город, где жил поросёнок, лишается всех пуговиц

Ранним утром у дома номер 37 в Чёрном тупике собралась огромная толпа. Солидные отцы семейств, одной рукой поддерживая спадавшие штаны, сжимали в другой длинные связки пуговиц, нанизанных, словно грибы, на верёвочки. Дети осторожно потряхивали пуговицами в трёхлитровых банках. Мамы тихо обсуждали слух о том, что утаившие хоть одну пуговицу будут лишены примирения. Кто-то пересказывал версию, что вместе с пуговицами нужно будет сдавать колечки, клипсы-таблетки, браслеты и всяческие другие круглые украшения.

Несмотря на воскресное утро, настроение у всех было никудышное. Жители города ужасно страдали. Они уже много лет по-крупному не ссорились и не ругались, и поэтому никто из них теперь не мог сказать, как

же в таких случаях можно помириться. Сделать это пытались, наверное, все, но, как и предупреждало бюро недобрых услуг, выяснение отношений только разжигало новые обиды.

Скажем, приходит мама после работы и хочет извиниться перед дочкой, что она зря её отлупила за вызов на родительское собрание или, что еще страшней, прямо к директору школы.

— Прости, — говорит, — дочка, что я тебя вчера сильно ругала, только ведь ты сама виновата — зачем уроков не учишь?

— Ничего и не виновата, — отвечает дочка. — Просто Любка мне дала укусить свой бутерброд под партой, я только его начала жевать, а тут учительница меня начала спрашивать. А я стою и молчу — не могу же я с набитым ртом отвечать.

— Не выдумывай, — теряет терпение мама. — Признайся честно — просто ты не знала второй закон термодинамики.

— Нет, знала, знала! — не уступает дочка.

— Не смей спорить со старшими! — взрывается мама, и вместо примирения получается новая ссора.

Вот почему в Чёрном тупике собрался в то утро весь город: мамы хотели помириться с папами, внуки и внучки — с дедушками и бабушками, друзья — с друзьями, мастера — с клиентами, продавцы — с покупателями, водители — с пассажирами... И все жители города принесли пуговицы: круглые, квадратные, треугольные, пластмассовые, железные, деревянные, с четырьмя дырочками и вовсе без дырочек, от рубашек, пальто, костюмов, шляпок, ботинок, красные, жёлтые, синие, перламутровые, цвета морской волны, в полосочку, клеточку и просто прозрачные... Это было колоссальное количество пуговиц, просто чудовищное количество пуговиц, уж можете мне поверить!

Ровно в восемь часов на пороге дома номер 37 появился лис Аморалис с мешками на плече.

В десять часов туго набитые мешки перегородили улицу.

В полдень они поднялись на уровень последнего этажа дома номер 37.

В час дня мешки кончились, и пуговицы начали сыпать в сумки, наволочки и фляги из-под молока.

Очередь быстро продвигалась. Сдавшие пуговицы, запахивая на ходу разлетающиеся одежды, шагали в особую комнату, где их ждал лис Аморалис. Он брал входящих за мизинцы, сильно дёргал и скороговоркой бормотал: «Миришь-миришь, больше не дерись...» Тут лица у людей чудесным образом просветлялись, на душе сразу же становилось легко и хотелось снова улыбаться.

— Миришь-миришь, больше не дерись, — как заклинание, повторял лис Аморалис, — ох, не кончатся добром добрые дела. Миришь-миришь, больше не дерись. Ну, и работёнка...

ГЛАВА 13, в которой следствие окончательно заходит в Чёрный тупик

Машина с поросёнком весь этот день и всю предыдущую ночь проплутала по улицам, пытаясь оторваться от назойливого кота, скачущего по крышам. Было уже совсем темно, когда автомобиль похитителей, сделав несколько крутых виражей, подрулил к углу, перегороженного пуговицами Чёрного тупика. Красные фары тут же погасли, будто их задуло ветром,

щёлкнули замки на дверцах, и два бондита, скрутив поросёнка, быстро растворились в темноте.

Кот Киссинжер, совершенно измученный беготней по чердакам, желобам и черепицам, осторожно слез с крыши на мешки и стал медленно пробираться по карнизу к единственному освещённому окну дома номер 37. Навыки, приобретённые ещё в молодости, теперь ему здоровогодились. Он прижимался к стене, когтями впивался в малейшие трещины и старался не смотреть вниз. Наконец, его лапа нащупала подоконник, и он заглянул в комнату. К счастью, форточка была открыта, и кот мог не только видеть, но и слышать.

За столом, накрытым чёрным бархатом, восседал капитан Бондя. Он только что закончил пришивать новую шикарную пуговицу к своему красному камзолу с золотыми позументами. Не успел он заколоть иголку с ниткой за отворот лацкана, как в комнату вошёл лис Аморалис.

— Капитан! — отрапортовал он. — Поросёнок доставлен.

В дверь втокнули маленького ошеломлённого поросёнка.

— Поросёнок, хочешь вернуться домой? — грозно спросил капитан Бондя.

Поросёнок испугался и заплакал.

Кот от негодования закричал когтями по оцинкованному подоконнику. Так обращаться с малышом! Какие негодяи!

— Хватит реветь! — рявкнул капитан Бондя. — Рассказывай, что было написано на фасаде старого дома, где жил твой дедушка Свинн?!

— Я не помню, — всхлипнул поросёнок, — отпустите меня, пожалуйста, я ничего не сделал такого...

— Все ты прекрасно помнишь! — прикрикнул на поросёнка лис Аморалис. — Ну-ка, отвечай, когда тебя рослые спрашивают!

— Ком-ком-ком, — захлёбывался слезами поросёнок.

— Ком золота?! — воскликнул капитан.

— Бан-бан-бан, — заикался поросёнок.

— В бане? — удивился лис Аморалис. — Ты говоришь — в бане?

— Ком-мер-чес-кий, — вдруг вспомнил поросёнок, — ба-анк...

— Коммерческий банк? — переспросил капитан. — Ничего не понимаю. Что это за ерундовина такая?

— Выясним, — сунулся лис.

— Без тебя знаю, что выясним, — отмахнулся капитан. — Эту плаксу, — он кивнул на поросёнка, — спрячьте, а я пока думать буду... Коммерческий банк... Вот тебе и страшная тайна...

Кот осторожно пробрался обратно к горе мешков и столкнулся нос к носу с теми самыми девочками, которых освободил и от которых пришлось убежать.

— Меня зовут Кыкыля, — сказала Кыкыля, — а её, — она кивнула на подружку, — Баська. А теперь объясните, пожалуйста, гражданин, действительно ли вы оказались замешанными в краже? Поросёнок на самом деле настоящий или инвентарный?

Кот шёпотом рассказал всё, что знал: о поросёнке, которого контролёрша Сидорова под вздорным предлогом, что он инвентарный, приклеила к витрине и не хотела выпускать из магазина, про лиса Аморалиса и его бюро недобрых услуг, про беспорядки в городе, которые начались с появлением серых личностей, про опасность, которая сейчас угрожает поросёнку, про страшную тайну капитана Бонди, которая заключалась в странных словах «коммерческий банк»...

— Мы вам верим, результаты нашего расследования подтверждают ваши сведения, — кивнула Баська. — Первым делом давайте придумаем вместе, как нам освободить поросёнка?

А бондиты тем временем лихорадочно перелистывали словари, изъятые из местной библиотеки, и выписывали оттуда всё, что могло хоть как-то объяснить, что такое «коммерческий» и «банк». Капитану Бонде зачитывали всё новые и новые определения с непонятными для него словами: «акции», «валюта», «конвертируемость»... Капитан интересовался, что такое «акции» — из книг тут же сыпались новые, не менее тёмные понятия: «содержание драгметаллов в унции», «инвестиции», «неэквивалентный обмен»...

— Обман, — хмурился капитан, — это́ ясно. Но вот что такое не-эк-ви-ва-лент-ный обмен? Похоже на валета в картах. Может быть, указание географических координат на карте? Но причем тут обмен? А что такое «конвертируемость»? Это когда вещь входит в конверт или не входит — так что ли? Но конверты разные бывают — в один входит, в другой может не войти...

Поиски продолжались несколько часов. Наконец, когда стало понятно, что одни непонятные слова в книгах почему-то имеют обыкновение объяснять другими, столь же непонятными словами, капитан Бондя велел жарить рыбу. Но и 320 сковородок с отборной треской, стерлядью и хеком, приправленными жареным лучком и майонезом, не помогли.

— Ненавижу мороженую рыбу, — признался капитан Бондя после 321 сковородки, — никаких в ней витаминов для ума не остаётся.

Наконец капитан решил пойти на крайнюю меру. Он подпалил два тома Большой энциклопедии на буквы «К» и «Б» и сунул голову в дым от костра.

На него тут же бросились кобры, бомбы, кларнеты, береты, косы, бусы, банки, каски, будуары, кулуары, биномы, кордоны, и храбрый капитан, не раз встречавшийся один на один с тигровой акулой в открытом океане, в испуге отпрянул.

ГЛАВА 14, в которой глава бюро недобрых услуг оказывается одураченным

Лис Аморалис вышел от капитана Бонди озабоченным. Первым делом он дал приказ перетащить все мешки с пуговицами в подвалы дома, где квартировало бюро недобрых услуг, и выставить охрану.

Потом он прошел в свою конторку и набросал преysкурaнт:

ПУГОВИЦЫ БРЮЧНЫЕ
ОБЫКНОВЕННЫЕ,

за 1 штуку

ПУГОВИЦЫ ОТ ПАЛЬТО
НАКЛАДНЫЕ,

за 1 штуку

ПУГОВИЦЫ ПЕРЛАМУТРОВЫЕ,
за 100 штук

1 буханка хлеба — 300 грамм шоко-
ладных конфет — 1 толстый журнал...

2 чашки некрепкого кофе — пара
подтяжек — тёплые стельки для са-
пог...

1 елевизор — 100 бамперов от ма-
шин — 10 столов полированных —
1000 пирожков с рисом...

На «ПУГОВИЦАХ ОТ КОФТ КВАДРАТНЫХ» лис Аморалис остановился, поскольку в дверь кто-то робко постучал.

— Войдите, — сказал Аморалис, спрятав преysкурant в стол.

В дверь протиснулись две понурые девочки.

— Здравствуйте, — сказала первая. — Это у вас мирят?

— У нас, — ответил Аморалис, — а пуговицы у вас есть?

— Вот, — сказала вторая девочка и показала большую пуговицу с золотым тиснением.

Глаза у лиса округлились, он было протянул лапу, но тут же одёрнул себя.

— Этого мало, — развёл он руками, — нужно хотя бы две пуговицы. Ведь вас двое...

— Кыкыёт? — тихо спросила одна девочка у другой.

— Кыкыга, — ответила вторая.

Это были Кыкыля и Баська. Кыкыля спросила у Баськи: «Ключёт?», а та ответила «Ага», но так как это было сказано на кыкыльском языке, да к тому же негромко, лис ничего не понял.

— У нас много пуговиц, — гордо сказала Кыкыля. — Моя бабушка всю жизнь собирала красивые пуговицы и составляла из них коллекции. Только вот мы с подружкой рассорились, и теперь нам ничего не жалко.

Лис заёрзал в кресле. В его воображении нарисовалась новая строка из преysкуранта:

ПУГОВИЦЫ	КОЛЛЕКЦИОННЫЕ,	дом с бассейном — 3 машины —
за 100 штук		5 четырехкамерных холодильни-
		ков — 10 видеомagnитофонов

— Так где же эти ваши пуговицы? — нетерпеливо спросил лис.

— Дома, — развела руками Баська и покраснела, потому что никаких коллекционных пуговиц у неё не было и в помине, а врать ей было очень стыдно. — Они все в тяжёлых ящиках.

— Ясненько, — потёр лапы лис, будто муха при виде варенья, и вышел в соседнюю комнату — проверить тайник, который он соорудил втайне от капитана. Именно туда он и прятал самые ценные пуговицы.

Дело было в том, что лис Аморалис (бывший бухгалтер, проворовавшийся на службе) давно понял, в чём заключался смысл слов «коммерческий банк». Дедушка поросёнка — доктор Свинн был в своё время богатым человеком, банкиром. Банкир — это тот, кто собрал в свой коммерческий (то есть торговый) банк (дом, где хранятся деньги) больше всех звонкой монеты и золота. Во времена доктора Свинна все собирали деньги. На них можно было выменять разные товары, начиная от кухонных ножей и кончая билетом на самолёт. Но потом кто-то напечатал столько денег, что они лежали в каждой квартире большими коробками и, естественно, стали ненужными. Доктор Свинн разорился, подался к бондитам, а деньги за ненадобностью отменили. Товары стали распределять по спискам через контролёров в магазинах.

Теперь лис Аморалис тоже решил стать богатым человеком и для этого основать свой коммерческий банк. Только вместо бумажных и металлических денег он решил использовать ... обыкновенные пуговицы. План его был таков: изъять все пуговицы у населения (что и было успешно проделано), а потом раздавать их за более ценные вещи. То, что граждане города согласятся на такой обмен, Аморалис не сомневался — ведь нельзя же долго ходить в расстёгнутых брюках или в пальто, которое не защищает от ветра. А больше пуговиц, с которыми жители так легкомысленно расстались, им взять будет неоткуда — агент Аморалиса контролёр Сидорова изъяла этот товар из магазина, а бондиты, по его заданию, перехватили вагоны с сырьем для пуговичной фабрики... На руках у населения остались жалкие десятков-другой пуговиц, завалившихся в дальний угол, и теперь лис Аморалис мог диктовать свою волю в пуговичной политике. И не только горожанам, но и бондитам. Что делать с капитаном Бондей, лис ещё не решил, но тайником на всякий случай обзавёлся.

Вот так диверсия с пуговицами, рассчитанная вначале на то, чтобы окончательно заморочить горожанам головы и посеять среди них полное непонимание творящихся кругом событий, переросло в доходное предприятие и заговор...

— Вот и я, — сказал лис, снова появляясь в конторке с тремя мешками на плече. — Больше никого брать с собой не будем — к чему

нам лишние свиде... то есть помощники, я хотел сказать. Едем к бабушкиному сундуку.

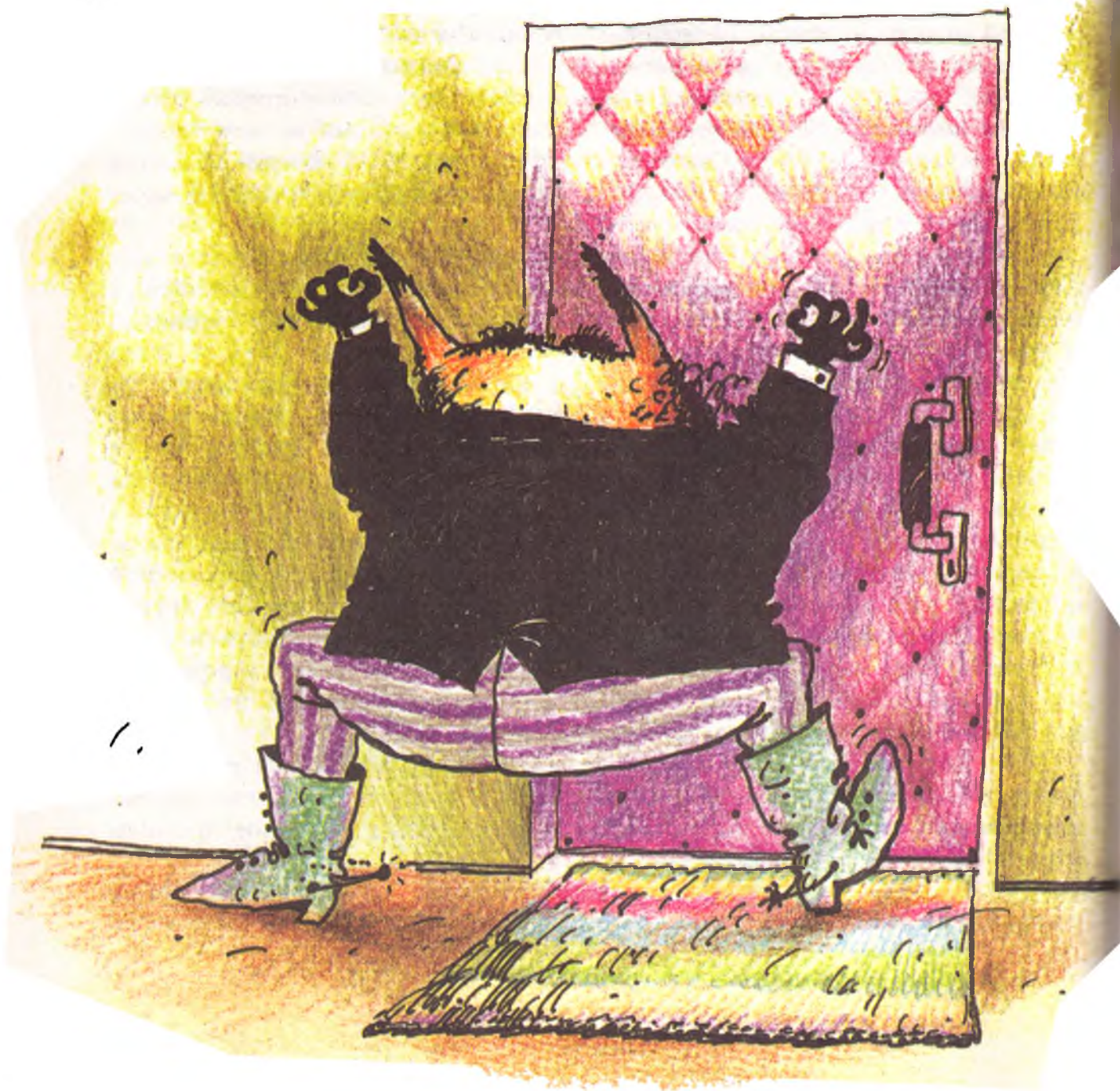
Машину лис Аморалис водил мастерски, так что через десять минут вся компания стояла у дверей Кыкылиной квартиры.

— Проходите, пожалуйста, — сказала Кыкыля, открыв замок.

Лис шагнул в прихожую, и дверь тут же за ним захлопнулась.

— Что? Что такое? — закричал он, дёргая дверь. — Что это значит?

— Только то, — сказала Баська тоном прокурора через узкую щель, которая была прорезана в двери вместо почтового ящика, — что вы не выйдете отсюда, пока поросёнок Инвентарный Номер 17819 не окажется на свободе.

Лис помолчал и, наконец, ответил:

— Не знаю я никакого поросёнка.

— Коммерческий банк, — сказала Кыкыля.

— Хорошо, хорошо, — смутился Аморалис, — выпустите меня отсюда, и я отпущу поросёнка, честное бондитское.

— Нет уж, — отрезала Баська, — напишите вашим бондитам, чтобы они отдали поросёнка нам.

— Деточка! — нервно рассмеялся Аморалис. — Если бы я умел писать, читать или хотя бы считать — я бы не бегал за какими-то паршивыми пуговицами! Я же простой неграмотный бондит...

В щель двери змеей заползла белая бумажка, и на пол у ног Аморалиса упали железнодорожные билеты бюро недобрых услуг. Лис поднял их и прочитал слова, написанные совсем недавно его лапой: «Бюро недобрых услуг. Вокзал. В оба конца».

— Вы узнаете свой почерк? — спросил кто-то из-за двери.

Лис посмотрел в щель и увидел кота Киссинжера.

— Ладно, — вздохнул лис и написал на клочке бумаги:

«Подателю сего письма выдать без промедления поросёнка Инвентарный Нумер 17819 в количестве 1 (одного) экземпляра для проведения дальнейшего дознания о страшной тайне. Замкапитан Аморалис».

ГЛАВА 15, в которой описано, как с помощью двух куриных пёрышек можно решить большую проблему

Вечером на квартире у Баськи праздновали освобождение поросёнка.

Сам поросёнок сидел в окружении мармелада, шоколада, сгущёнки из птичьего молока и хвастался.

— А я ничуть не испугался! Только совсем немножко, когда они меня в багажник засунули...

— Ты что — темноты боишься? — спросила Баська.

— Нет, — храбро ответил поросёнок, — но... в общем-то... да.

— А этот лис Аморалис, — перебила их Кыкыля, — просто ненормальный какой-то! Зачем ему столько пуговиц? Солить что ли?

— А помните, какой он был, когда уходил? Галстук на боку, усы обвисли... Он мне еще кулаком погрозил, — вспомнила Баська.

— А я ему зато язык показал, — опять вылез вперёд поросёнок.

— Что-что? — переспросила Кыкыля.

— Язык показал, — пояснил поросёнок, — вот так.

И он скорчил такую потешную рожицу, что вся компания весело рас-
смеялась.

Не смеялся только кот Киссинжер. Напрасно его пытались расшеве-
лить Баська, Кыкыля и поросёнок.

— Друзья, — грустно покачивал он головой, — ещё рано радоваться.
Боюсь, вся борьба ещё впереди. Бондиты всё равно сейчас или потом нас
найдут. Они проверят мою квартиру и квартиру поросёнка. Квартира Кы-
кыли, где мы запирали Аморалиса, думаю, уже досмотрена. Наше счастье,
что при Аморалисе никто не назвал Баську по имени, и он, соответственно,
пока не знает, где нас искать. Пока. Но стоит ему допросить контролёршу
Сидорову, куда она звонила по поводу кражи поросёнка, как она расскажет
про «Пункт охраны правопорядка». Стоит поднять дежурный журнал, и
Баська будет рассекречена. А значит — и квартира. Нужно что-то срочно
придумать.

Всё это было очень серьёзно, но тем не менее после чая с конфетами
были танцы. Баська ставила компакт-диски с разной весёлой музыкой, а
поросёнок так лихо отплясывал матросский танец «Яблочко», что даже
Киссинжер заулыбался.

Потом они смотрели елевизор и уже собирались ложиться спать, как на экране появился лис Аморалис с нафабранными усами и прочёл объявление о том, что с завтрашнего дня в городе вводится новый прейскурант, и каждый может выменять пуговицы на свои вещи...

Отвлечёмся ненадолго от событий, происходящих в Баськиной квартире, и перенесёмся в город. Возмущению граждан заявлением лиса Аморалиса не было предела. Казалось, вот-вот произойдёт землетрясение, извержение вулкана или демонстрация. Как? Они должны отдавать свои вещи за свои же пуговицы!

В Южном квартале города утром объединилась группа молодёжи, которая решила не носить никакой другой одежды, кроме трусиков на резинке. Но так как дни уже стояли холодные, то все они, несмотря на географическое положение своего района, простудились и попали в больницу.

Другие граждане тоже пытались бороться, каждый своим методом. Многие пробовали вместо пуговиц использовать иголку и нитку, но это оказалось жутко неудобно: входишь в дом — жарко, швы надо распарывать, выходишь — опять берись за иголку и нитку! Даже словечко такое возникло — «зашиваться», то есть не успевать что-либо делать.

Некоторые наиболее хитроумные горожане приспособливали вместо пуговиц разные палочки, болтики, зажимчики. Но, конечно, среди них не было ни одной женщины, ведь сами посудите — какая модница (а женщины все модницы, хоть они это и отрицают) будет приделывать к пальто или юбке всякую дрянь?

В общем, уже на второй день после ультиматума лиса Аморалиса у дверей бюро недобрых услуг стояла длинная очередь.

Когда лис Аморалис утверждал, что он оберёт город до нитки, он не хвалился. Из домов и квартир он ухитрялся выгребать почти все более или менее ценные вещи. И что самое парадоксальное, проделывал он это руками самих же обиженных граждан, которые, пытаясь и отдуваясь, тащили в подвалы лиса Аморалиса шкафы, елевизоры, холодильники...

На следующий день бондиты, которым опять стало скучновато, начали ворчать:

— На что нам так много вещей? Одних швейных машин вон пятнадцать тысяч. Кто на них шить будет?

На это лис Аморалис, важно подкручивая усы, отвечал:

— Много мало не бывает!

Всё это время Кыкыля, Баська и кот Киссинжер с поросёнком грустные сидели или бродили по Баськиной квартире, боясь высунуться на улицу, где то и дело шныряли бондиты. Они пробовали отвлечься — сыграть в лото, в прыгалки, в пёрышки. Но игра не клеилась, потому что все понимали: самую важную игру — против бондитов они проигрывают. Счастье, что ещё лис Аморалис, вероятно, закрутившись в вихре бурной деятельности, на время забыл об их существовании.

— Что же делать? Что делать? — то и дело с отчаянием восклицал кот.

Как-то после обеда поросёнок сидел в углу и баловался пёрышками. Потом он неожиданно задумался и начал что-то изображать на стене.

— Поросёнок, не смей рисовать на чужих обоях, — строгим голосом сказал кот.

— Это чьи же это обои чужие? — возмутилась Баська. — Да мне поросёнок, как братик родной. Пусть рисует!

— Я не рисую, — сказал поросёнок, — я делаю чирчёж.

Кыкыля, Баська и Киссинжер подошли поближе. На стене довольно талантливо были изображены два пёрышка, сцепившиеся по краям. Ниже пёрышки превращались в полоски с зазубринками.

— Понимаете, — стал объяснять поросёнок, — по ним такая штукovina должна ездить: когда в одну сторону идет — полоски сцепляются, когда в другую — расцепляются.

Кот присел на корточки, долго изучал чирчёж и, наконец, выдохнул:

— Гениально...

ЧИРЧЕЖ

Он тут же бросился делать форму для полосок, а Кыкыля и Баська тем временем по его заданию плавил на кухне пластмассовые футляры из-под шампуня, зубной пасты, мыла и всякую другую мелочь вроде расчесок (ну и дым же там стоял!). Потом всю жидкую массу залили в формы, дали ей остыть и готовые полоски пришили на курточку поросёнка. Проехались по ней железной штуковиной, сделанной из двух скрепок, курточка застегнулась. Проехались обратно — курточка расстегнулась! И никаких пуговиц не надо!

Забыв поужинать, они бросились к директору пуговичной фабрики. Директор схватил все на лету и тут же начал обзванивать рабочих. Те решили выйти в цеха немедленно, в ночную смену.

Утром кот Киссинжер, поросёнок, Кыкыля и Баська раздавали прохожим на улицах полоски и объясняли, как ими пользоваться.

Изобретение горожанам чрезвычайно понравилось: встал утром, «вжик-вжик» — и ты одет. За такую скорость кто-то прозвал полоски «молнией», и это название очень быстро прижилось. Те, кто успел вновь обзавестись пуговицами, кинулись снова их сдавать и забирать свои вещи.

«Молнии» вошли в моду, и это была полная и безоговорочная победа.

Да, это была одна из самых бескровных и быстрых побед граждан (которые, может быть, не всегда так умны, как хотелось бы) над бессовестными мазуриками, что извлекают свою выгоду из чужой честности. Капитуляция бондитов, после того как лис Аморалис и контролёрша Сидорова сбежали, украв на всякий случай мешок самых красивых пуговиц,

не заставила себя ждать. Бондиты, лишившись работы, снова, как когда-то на острове, заскучали.

Зато в городе все радовались и каждый день устраивали карнавалы.

Лишь один поросёнок не радовался.

— Чего же ты не радуешься, глупенький? — спрашивала его Баська.

— Бондитов жалко, — говорил поросёнок.

— Так они же плохие, так им и надо!

— Всё равно жалко, — вздыхал поросёнок. — Они же живые, а не какие-нибудь ... инвентарные...

ГЛАВА 16, в которой поросёнок придумывает для бондитов новую игру и поступает в первый класс

Однажды поросёнок проходил мимо бывшего бюро недобрых услуг и встретил капитана Бондю. Капитан сидел на тротуаре и буквально выл от скуки.

— Вы чего, дяденька? — пожалел его поросёнок. — Неужели вы ничего не умеете делать?

— Ничего... — развел руками капитан. — У меня профессия такая — главарь, руководитель. А это — то и дело — знай ничего не делай. Мне хуже всех — я капитаном буду, пока хоть одно доброе дело не совершу. Было у меня одно доброе дело, только, смотри, никому не говори — глоток рома дал шкиперу Джоню, когда тот умирал, но то давно было, ох, как давно!

— А вы играть любите? — спросил поросёнок. — Хотите в «классиков»?

— В «классиков» надоело, — махнул рукой капитан, — и в «резинки», и в «казаков-разбойников», и в «палочку-вырубалочку», и в «чет-нечет», и в «пятнашки», и в «чехарду», и в «морской бой»... Всё надоело!

— А в «чики»? — спросил поросёнок.

— Это как? В карты?

— Нет, — сказал поросёнок и оторвал от своей курточки четыре пуговицы, благо теперь они ему не были нужны.

— Вот вам две пуговицы, — стал растолковывать правила игры поросёнок, — и мне две. Теперь я бью по вашей пуговице, она переворачивается. Я её забираю. Теперь бью по второй — ага, она тоже перевернулась — тоже забираю. Больше у вас пуговиц нет, значит, вы проиграли.

Вокруг капитана и поросёнка собрался плотный круг бондитов. Они попросили поросёнка повторить ещё разок всё с самого начала.

Поросёнок повторил.

— Колоссально! — подпрыгнул от радости капитан. — Вот тебе три самые мои красивые пуговицы.

— Спасибо, — сказал поросёнок, — только вы теперь уже не капитан, то есть не главарь. Вы ведь совершили доброе дело.

— Какое это дело? — насторожился капитан.

— Подарок, — пояснил поросёнок, — это ведь...

— А-а, — сказал капитан, — впрочем, теперь это неважно. Айда играть, ребята!

Бондиты достали из подвала несколько мешков с пуговицами и принялись увлечённо стучать ими прямо на мостовой.

Так как пуговиц у них было очень много, игра продолжалась день и ночь. Бондиты запрудили перекрёсток, и жители города уговорили их перейти куда-нибудь в другое место, чтобы не мешать прохожим и машинам. Бондиты подумали-подумали и поехали обратно к себе на остров. Долгое время от них ничего не было слышно — так они увлеклись «чиками». Потом с острова в контейнерах стали приходить чертежи новых игрушек и описания новых игр. Меньше чем за год бондиты переквалифицировались в выдумывальщиков игр, ведь выдумывание — самое увлекательное занятие на свете.

Жизнь в городе постепенно улучшалась. Всех контролёров по предложению Киссинжера перевели на другую работу, и опять ввели деньги, только уже не пуговичные, а настоящие, чтобы каждый мог в магазине купить то, что он хочет, а не то, что ему дают.

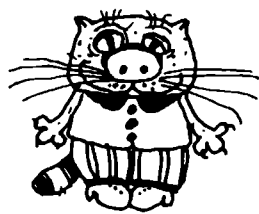
Поросёнка же после всех треволнений наградили орденом Почетной Пуговицы и отправили в первый класс, учиться.

Теперь он знает уже много букв и в состоянии сам написать, что у этой истории подошел

Конец

КАЗЯ-БАЗЯ,
ТИМЁПА
и другие
ХРЮШИ

**ВСЁ ОТТОГО,
ЧТО У НАС С ПЬЯНСТВОМ НЕ БОРЮЦА
И ДОРОГИ ПЛОХИЕ**

Вот шофёр дядя Миша Капелькин и решил перед дальней дорогой подзаправиться. Заехал он на своём «Зиле» на бензоколонку, где работал его большой (больше двух метров) друг дядя Лёша Лешаков и предложил «раздавить» бутылочку портвейна розового полусладкого номер восемнадцать.

Дядя Лёша немедленно вывесил в окошечке бензоколонки таблички

и, запершись в кабине «Зила», друзья «поддали газу» — «раздавили»-таки бутылочку, то есть, попросту говоря, выпили.

Вернувшись к своим непосредственным трудовым обязанностям, дядя Миша простился с дядей Лёшей и в хорошем расположении духа выехал за территорию бензоколонки, направляясь на ближайшую базу, чтобы сдать свой груз.

Был трезвый весенний день, и кругом каждая тварь орала — до чего же ей хорошо. Машина легко слушалась руля и плавно скользила по чёрной реке шоссе. Свежий ветерок залетал в открытое окно, весело шелестел старым зачитанным журналом «За рулём», и временами дяде Мише казалось, что на его голове не старая просолидоленная водительская кепка, а белоснежная, с золотым якорьком фуражка капитана дальнего плавания. И в самом деле. Выгоревший брезент его машины издали напоминал тугой от ветра парус, спидометр вполне смахивал на компас, а руль — на штурвал.

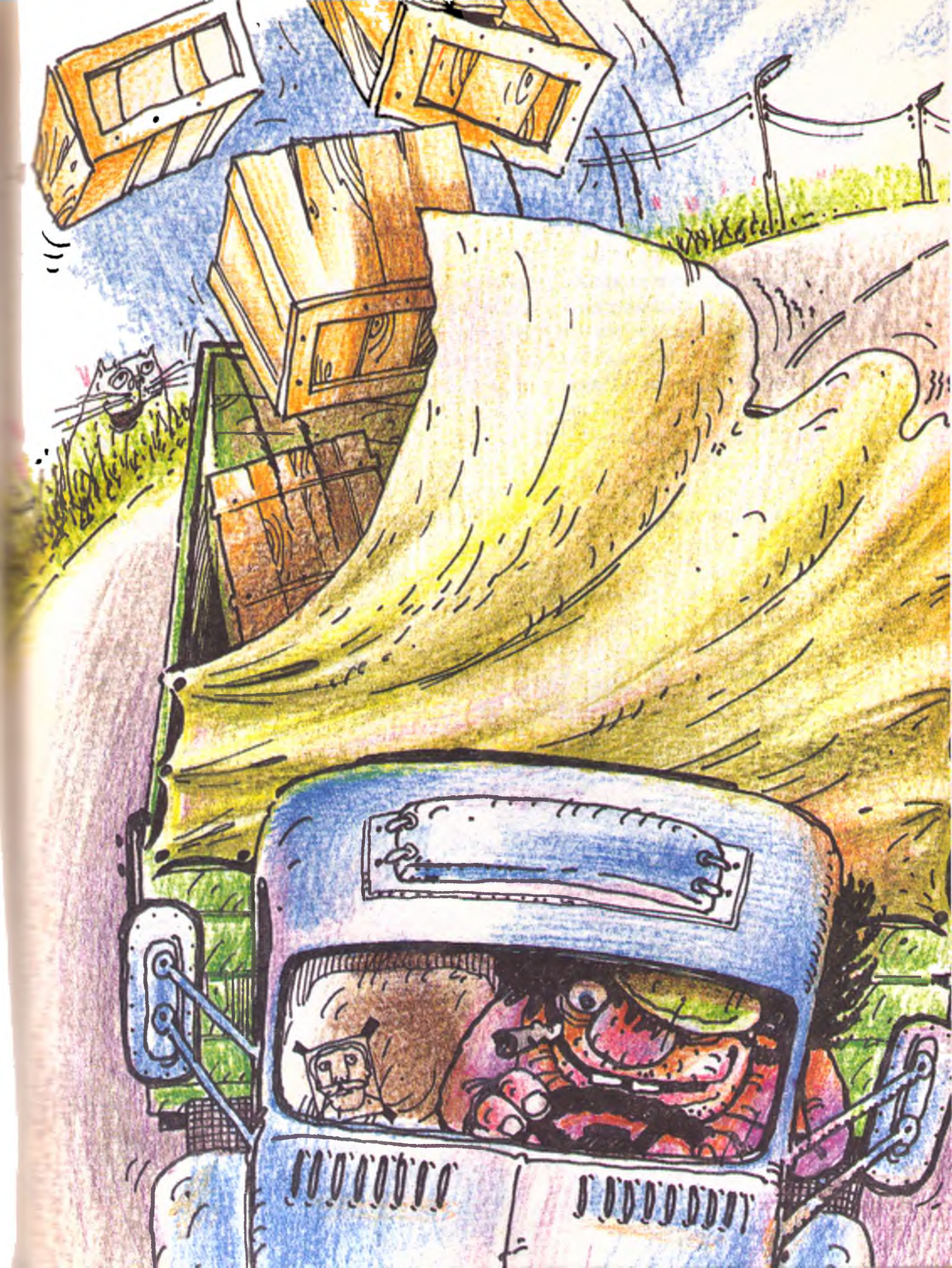
Увлёкшись такими сравнениями, дядя Миша перестал следить за оперативной обстановкой на дороге и влетел правым задним колесом своего «Зила» в огромную ухабину. Машину так тряхануло, что дядя Миша стукнулся о потолок кабины и еле-еле удержал штурвал, то есть руль, в руках.

Это сразу привело его в чувство, и, на минуту протрезвев, он тут же понял, что находится на суше, так как на море, конечно же, никаких ухабов не бывает.

Дядя Миша крепче вцепился в баранку, но тут винные пары опять взяли своё, и снова вперёд, рассекая солёный ветер, до следующей выбоины на шоссе ринулся горделивый парусник.

И никто-никто на свете не увидел, что, когда дядю Мишу трянуло на ухабе, из кузова вылетели в придорожную канаву четыре крепкосбитых деревянных ящика. Они прокатились по пыльным лопухам, подмяли под себя крапиву, полузадушенную цепкой повиликой, и стукнулись со всего размаха об огромный валун. Ящики от страшного удара о камень разлетелись, и из них вывалились покрытые толстым слоем смазки банки свиной тушёнки, отрезки материи, коробки со всякой канцелярской мелочью вроде скрепок, авторучек, клея, ластиков, цветные радиодетали, столовые приборы, посуда, будильники, книги, спички и ещё множество всяких разных вещей, описание которых мы опускаем из-за нехватки бумаги в стране.

Вся эта блестящая груда бесценных сокровищ, способная ошеломить как школьника, так и рачительную хозяйку, на секунду сверкнула отражениями весеннего солнышка и тут же бесследно исчезла за сомкнувшимися стеблями разных дикопроизрастающих растений.

ХРЮШИ ЗНАКОМЯТСЯ И СТРОЯТ ДОМИК

В каком конкретно часу хрюши появились на свет, автор этих строк достоверно не знает, а потому врать не будет. Упомянем лишь о том очевидном факте, что хрюши выродились из свежей свиной тушёнки совершенно одинокие и беспомощные.

Голенькие, мокренькие, с редкими слипшимися волосиками, они сбились в стайку под большим зелёным лопухом и стали плакать и звать маму.

Но поскольку мама не являлась, а солнышко всё припекало, хрюши высохли, согрелись и стали знакомиться. Тут, правда, возникла некоторая сложность, поскольку никто из них не помнил своего имени.

- Копчёный.
- Очень приятно. Две Дырочки.
- Казя-Базя.
- А я — Тилёпа, — представлялись они друг другу вымышленными тут же прозвищами и при этом жутко смеялись и расшаркивались,

поднимая клубы пыли. Конечно, произошло несколько недоразумений, поскольку некоторые хрюшата, назвавшиеся сначала одним именем, через две минуты забывали об этом и говорили уже нечто совершенно обратное. Так, один хрюшонок, утверждавший вначале, что он Петя, позже изменил своё мнение и объявил, что он ни кто иной, как Вася, что, в свою очередь, ничуть не помешало ему по прошествии некоторого времени назваться Колей. Впрочем, он был самым маленьким хрюшонком, и ему прощительно.

Что же касается других хрюшей, то они придумали иные развлечения — «чехарданцы», «палочки-моталочки», «бесилки»...

Визг и весёлые клики хрюшей подняли с места огромное количество разных насекомых: от задумчивых кузнечиков, настраивающих свои скрипки на минорный лад заката, до пучеглазых сине-зелёных стрекоз и «божьих коровок», которых за пёструю красно-чёрную расцветку прозвали на поляне «мухомориками». Туповатые, но работающие парни-муравьи, покорно-грустные молокопроизводители-тли, мохнатые гусеницы, комары с вампирскими хватками, жуки-олени и жучки-солдатики расползлись прочь от места невольного десантирования хрюшей, предчувствуя в их соседстве весьма беспокойный и даже опасный элемент.

Хрюши тем временем, набегавшись и запыхавшись, собрались опять в стайку и стали держать совет на предмет, где бы покушать и заночевать. Самый умный на тот момент хрюшонок Казя-Базя влез на стебелек травы и, покачиваясь вверх и вниз, начал рассуждать о пользе ночевать в хорошем, крепком, теплом доме.

— Надо строить домик, хрюшки, — махнул он рукой в конце своего выступления, будто наложил резолюцию.

При слове «надо» хрюши попадали на спинки, засучили ножками и заревели по-коровьему — такая была у них форма протеста.

Только Коля — самый маленький хрюшонок — ничего не понял и, разводя руками, будто собирался сплясать «барыню», вопил: «А я хочу играть в домик, а я хочу...»

При слове «хочу» хрюшата перестали выть по-коровьему и повскакали с земли. Ведь слово «хочу» это совсем другое дело, чем слово «надо». Буквочек одинаково, а смысл очень даже неодинаковый. Бывает такое.

Играть в домик принялись сразу, даже без считалок. Одни хрюши стали землекопами, другие — бетономешальщиками, третьи — каменщиками, четвёртые плотниками, пятые — кровельщиками, шестые — архитекторами...

Не прошло и двух минут, как полянка, где резвились хрюши, опустела. Все они, будто рой пчёл, облепили близлежащие ящики с разными вещами, потерянными невнимательным дядей Мишей, и принялись за работу, то есть, простите, за игру.

Хрюши-землекопы кухонным ножом быстро выкосили лужайку, стальными перьями для рисования тушью выкопали котлован, по конфигурации больше похожий на военные окопы полного профиля с разветвлённой системой коммуникаций, чем на мирную постройку.

Группа хрюшей-разведчиков уже разведала несколько коробочек с универсальным клеем «Момент» и теперь резвилась, прыгая по тюбикам и выдавливая клей прямо в яму для фундамента.

Тут-то чуть не произошло несчастье. Хрюшонок Тилёпа, который почему-то всегда дольше всех телепался, не успел выскочить из котлована, и его прямо по пояс залили суперклеем. Когда группа хрюшей попыталась вытащить Тилёпу, оказалось, что «Момент» действительно схватывает чрезвычайно быстро. Пришлось Тилёпу вырезать вместе с куском клея, пилкой для ногтей и отмывать позже в ванночке с растворителем.

Этот неординарный случай заставил хрюшей учредить должность мастера по технике безопасности, который тут же, приступив к исполнению своих обязанностей, развесил на территории стройки множество плакатов-объявлений:

Обсохшего же Тилёпу назначили начальником стройки, чтобы он больше никуда не сваливался, а только сидел на бугорке и важно надувал щёки.

Тем временем фундамент был готов, и каменщики ряд за рядом выкладывали стены. Надо признаться, это были не совсем обычные ряды и не совсем обычные стены. Начать хотя бы с того, что вместо кирпичей мастера-хрюши использовали блоки стиральных резинок, валявшихся в изобилии в одном из ящиков с канцтоварами, а вместо раствора — всё тот же моментальный клей. Стенки вначале получались крепкими, ровными и упругими. Но из-за того, что начальник стройки Тилёпа, сложив с

себя бремя руководства, закемарил на своём бугорке, все хрюши застарелись кто во что горазд. В результате замыслившийся маленький и уютный домик расплзся в разные стороны, вырос на разное количество этажей и постепенно превратился в немыслимый лабиринт со множеством комнат, залов, лесенок, арочек, переходов, галерей, балконов, верандочек, бассейнов, подвалов, чердаков и ещё чёрт знает чего, чему ни в одной архитектурной науке ещё названия не придумано.

Конечно, это сооружение легко могло завалиться набок, но мудрые хрюши-плотники произвели крепёж, внутренний и наружный, толстыми и прочными карандашами «кремль», с помощью которых (это знает любой юный строитель) очень трудно рисовать, зато легко возводить здания.

Солнышко ещё не успело скатиться в овраг, а в хрюшином домике уже почти всё было готово. Оклеивая стены миллиметровой бумагой вместо обоев и расставляя мебель, искусно вырезанную из пустых спичечных коробков, галопом пронеслась по комнатам бригада хрюшей-отделочников.

В городах уже пустели улицы, впитывая прохожих в подъезды многоэтажных неуютных домов, на заводах и фабриках остывало после дневной нормы оборудование, томно и сонно на скотных дворах мычали коровы с облегчённым от молока выменем, свернувшись под одеялами в немыслимые загогулины, спали дети...

А хрюши, прошедшие обязательную помывку, сидели каждый на своей кровати, покрытой вместо простыней и пододеяльников носовыми платками, болтали ножками и придумывали себе занятие на ночь.

— Почему же такие маленькие хрюши до сих пор не спали?! — с возмущением спросят нас некоторые читатели, воспитанные программой «Спокойной ночи, малыши» отбиваться никак не позже девяти часов вечера. А мы им с достоинством ответим, что хрюши были сами себе папы и мамы, сами себе хозяева и воспитатели и могли хоть всю ночь не спать, если, конечно, у них находилось для этого времени суток важное и неотложное дело.

А таковое в ту памятную ночь у них в наличии присутствовало.

КРАТКИЙ КУРС ИГРЫ В ЛЕДЕНЦЫ

Когда роса посеребрила близлежащую траву и лопухи, затихли кузнечики и цикады, бесшумно, будто по вате облаков, выкатила на небо луна, хрюши решили сыграть в леденцы. Серовато-жёлтые огоньки гнилушек, холодные, резкие удары ветра, жалобное перешёптывание листьев боязливой осины как нельзя более сопутствовали созданию необходимой для этой игры атмосферы.

Хрюши пододвинули свои кроватки поближе к центру комнаты, выключили свет, завернулись во всё белое, и хрюшонок доктор Ковбасюк (прозванный так за свою необычную, доходившую до фанатизма любовь к колбасе сорта «докторская») начал первый рассказ.

— Один раз мальчик Коля пошел играть во дворе и пропал. Мама обед сготовила, стала Колю звать. Кричала, кричала в окно, а Коли все нет. Она тогда плиту газовую выключила, дверь закрыла и пошла его искать. У соседей спросила — никто не знает, где Коля, у пацанов спросила — никто не видел, куда он делся. Мама вышла со двора в город: бродила, звала Колю, звала...

Смотрит — дядька пирожки с мясом за 10 копеек продает. Она взяла один — стала есть. Вдруг — раз, на зуб что-то твердое попало. Вытащила — ноготок, а на нём ручкой буква «К» нарисована. Она стала есть дальше — ещё ноготь нашла, а потом ещё. И на них буквы нацарапаны. Сложила вместе — получилось «К», «О», «Л», «Я». Тут только она вспомнила, как её сыночек утром ручкой своё имя на ногтях написал, а она его за это наругала...

У хрюшей при последних словах доктора Ковбасюка дыбом встали их немногочисленные волосики, а сердечки остановились и заledenели. Но ненадолго. Самый, как вы помните, маленький хрюшонок, которого по печальному совпадению тоже звали Колей, во весь голос разревелся от страха. Хрюши очнулись, забегали, засуетились, напоили Колю тёплым молочком, убаюкали, уложили в кроватку и уши пластилином залепили — чтобы спал спокойно...

Где-то далеко, за старым заброшенным кладбищем пробило два часа ночи. Хрюши, предвкушая очередное леденение, сгрудились подальше от двери и окон, и слово взял хрюшонок Копчѣный:

— Короче, как-то пошла в горы экспедиция ледорубов. Идут целых три дня по горам — и никого не встречают. На третью ночь смотрят — у снежной вершины палатка стоит. Заглянули — никого. Они вначале хотели в ней переночевать, но потом один дяденька говорит: «Что-то здесь не так». Короче, свою палатку они в стороне поставили, дырку в стенке провертели и смотрят. Ровно в полночь, короче, от скалы оторвался кусок и упал прямо на одинокую палатку. Потом со снежной вершины спустился огромный чёрный человек. Сбросил он упавший камень в пропасть, наклонился над раздавленной палаткой, а там никого. Он испугался, завыл и убежал.

А когда экспедиция обратно возвращалась, им рассказали, что здесь живѣт Чѣрный Альпинист. Его друзья в снежную бурю в горах одного бросили и еды не оставили. Теперь он всех альпинистов убивает и еду крадет...

Маленькие хрюши, от ужаса подобрав ножки, снова заиндевели. Но ушки их тут же зашевелились, когда хрюшонок Две Дырочки начал следующую историю:

— Пошла девочка в первый класс. Приходит с уроков, смотрит: на её белом передничке чѣрное пятнышко появилось. Девочка расстроилась, сказала маме. Мама взяла фартучек и стала стирать в ванне. Стирает, стирает, а пятно только больше становится. Сначала — с ладонь, потом — с тарелку, а дальше и на мамины руки перешло. Бабушка испугалась, милицию вызвала, и за часами у них в квартире ведьму нашли...

— Белое-белое привидение вышло из замка, — тут же стал продолжать другой хрюшонок. — Белое-белое привидение идет по улице. Белое-белое привидение ступило на шоссе. Белое-белое привидение шуршит в лопухах. Белое-белое привидение ходит у дома! Белое-белое привидение вползает в нашу комнату!..

— А-а-а! — с испуга бросились хрюши врассыпную. И поскольку каждый из них был закутан в белую-белую простыню, комната действительно стала представлять собой жуткое зрелище — десяток привидений металось между кроватей, испуская дикие вопли и крики, что-то со звоном падало, билось, с треском рвалось, весь дом ходил ходуном...

И только самый маленький хрюшонок Коля ничего не слышал и спал, улыбаясь во сне паровозу с красными колесами и белой трубой, на котором его только что назначили главным машинистом.

«КАЖДЫЙ ХРЮШОНОК ИМЕЕТ ПРАВО...»

Помаленьку-полегоньку, от случая с ухабом всё (включая впоследствии произошедшие события) входило у хрюшей в свою колею.

Первым делом они, конечно же, наладили своё питание. Это вовсе не значит, что утром, заглушая протестующий рёв и крик, брыкания и вопления, их кормили силком родители (как это бывает со многими, увы, детьми). Будет ошибкой сказать, что насилие происходило в обеденные часы. И уж явной дезинформацией звучало бы утверждение, будто хрюшей заставляли ужинать. Попробуй их заставь! Истинный хрюшонок при любом акте надругательства над свободой питания сжимает крепко зубы или мотает головой так, что попасть ему ложкой в рот может разве только чемпион в стрельбе по летающим тарелочкам.

Нет, у хрюшей все было иначе. Каждый из них был прирождённым кулипованаром и умел стряпать множество вкусных вещей, начиная с земляничных пирогов в щавельной подливке и кончая картофельными оладушками в сметане. Остаётся добавить, что продуктовый склад у хрюшей не запирался круглосуточно, а петли в его дверях от частого пользования срабатывались каждые полгода...

Наверное, излишним было бы упоминать, что никаких расписаний, меню, планов хрюши вначале не признавали напрочь. Хотя позже любопытный исследователь мог бы в беспорядочной хрюшинной жизни найти некоторые закономерности.

Так, по пятницам хрюши обычно любили прыгать (на одной ножке, с шифоньера на подушки, разложенные на полу, по ступенькам вверх и вниз и т.д. и т.п. и пр. и др.). Но если кто не хотел прыгать — мог жить по четвергу, то есть петь или купаться. Единственно, по какому дню нельзя было жить в будни, — это по воскресенью. Дело в том, что по воскресеньям хрюши раздавали друг другу конфеты (запас их в ящиках был ограничен и было бы обидно сожрать всё за неделю, а потом всю жизнь облизывать пустые бумажки...)

Что касается законов, то он у хрюшей был одним-единственным.

Вначале он звучал так: «КАЖДЫЙ ХРЮШОНОК ИМЕЕТ ПРАВО: кушать и танцевать, спать и бегать где угодно, прыгать (по пятницам или по любым другим дням), читать книжки и смотреть телевизор...» И далее в том же роде на ста пятидесяти страницах тонкой папиросной бумаги мелким бисерным почерком аккуратного хрюшонка Две Дырочки...

Никто бы не имел ничего против такого чудесного закона, но многие неуёмные хрюши начали спрашивать: «А имеет ли право хрюшонок ходить

утром босиком?.. Или рисовать мелом?.. Или углём по простыням?.. Или тем и другим одновременно?..» Пришлось вносить в закон многочисленные поправки, в результате чего он распух до энциклопедии, и никто уже в точности не мог вспомнить, какие свободы хрюши уже себе даровали, а какие ещё забыли.

Пришлось закон уплотнять. После чистки и внимательного сокращения он стал звучать так: «КАЖДЫЙ ХРЮШОНОК ИМЕЕТ ПРАВО!»

Но и тут получилась неразбериха. Например, если один хрюшонок вдруг хотел спать, а другой — брэнчать на рояле, да ещё такие противоречивые желания сходились, к несчастью, в одно и то же время и в одном

и том же месте... Пришлось ещё раз переписать закон. Теперь он принял такой вид:

«§ 1. Каждый хрюшонок имеет право.

§ 2. Всем должно быть хорошо»

И всё успокоилось и вошло в свою колею: ура, ура, ура!

КАК ТИЛЁПА ПОТЕРЯЛСЯ

Во всей этой истории виновата, конечно же, исключительно бабочка. А чего она вертится прямо под носом?!

Вот Тилёпа за ней и погнался. Задрал голову к небу — «летит» вперёд, ничего не замечает. А как бабочка на цветок сядет — и Тилёпа садится. Рассматривает атласные крылышки — «павлиний глаз», хоботок, глазки. Но только к усикам потянется, чтоб потрогать, — бабочка порх! — и на другой стебелёк убегает... Так за ней Тилёпа целый час и прыгал — всё пытался понять, ну зачем она усами шевелит?

Наконец бабочке это надоело, и с полянки она юркнула в еловый лес. Тилёпа бросился за ней, но застрял в колючих ветвях и потерял её из виду. Пробрался на коленках под ёлками и стал оглядываться — тропинку домой искать. А тропинки-то и нет!

В животике у него стало нехорошо, кисло как-то, пяточек сам собой захлюпал, по щекам на подбородок побежали слёзки, и тут Тилёпа заревел так, что даже сам удивился, как громко он умеет...

Но никто его не услышал, потому что трава, кустарник, листья деревьев глушили звуки, и плач Тилёпы тут же тонул в вязкой тишине леса.

Тилёпа, конечно, для порядка поревел минут пять. Но потом, здраво рассудив, что раз он не может уйти домой, то надо, хотя бы разыскать бабочку и выяснить, зачем же она всё-таки шевелит усами? Он храбро углубился в лес и стал высматривать спрятавшееся насекомое. Но бабочка почему-то больше не попадалась.

Зато вскоре он набрёл на целый заповедник больших красных (в белый горошек) грибов. Тилёпа прямо залюбовался на эту картинку: нежно-изумрудная травка, строго-зелёные ели и шляпки грибов, похожие на яркие зонтики.

Маленький глупый хрюшонок, только не вздумай есть эти грибы, они ядовитые!

Но нет. Вот Тилёпа отломил несколько сочных ножек, вот сел на пенёк, вот открыл рот...

— Я не советую вам, приятель, пробовать эту дрянь, — раздался чей-то спокойный голос. — Эти грибы называются «мухоморы», но от них мрут не только мухи.

Тилёпа выронил гриб и оглянулся. Никого.

Сверху послышался шум, сломался и полетел вниз сухой сук, зашелестели ветви, и тут Тилёпа увидел, как с дерева спускается долговязый человек в очках, свитере, кедах и затертых джинсах.

— Вы кто? — совершенно одновременно и одинаково спросили они друг у друга.

— Гражданин Лесной республики Морщ, — первым представился барень в очках.

— Тилёпа, хрюшонок, — отрекомендовался Тилёпа, осторожно пожимая жилистую руку Морща.

Тилёпа открыл было рот, намереваясь спросить, не знает ли дяденька Морщ, как ему попасть домой, как вдруг его новый знакомый быстро схватил его за подмышки левой рукой и быстро полез на дерево.

Не успел Тилёпа удивиться, как оказался на небольшой площадке, вооружённой в густой кроне дерева. Морщ дал понять знаками, что нужно хранить молчание, и показал пальцем вниз.

Тилёпа наклонился и увидел, как по поляне, пригнувшись, гуськом пробираются три мерзких, отвратительных существа. Тилёпа успел различить только длинные голые хвосты, которые странные личности почему-то решили заткнуть за пояс, и длинные кафтаны и грязно-жёлтые шапки, из-под которых выглядывали спутанные космы жёстких волос, как полянка опять опустела.

— Это свалочи, — очень тихо указал Морщ. — С этими в лесу лучше не встречаться...

Дяденька Морщ и Тилёпа спустились с дерева и неприметной тропинкой, которую среди мха и опавших листьев мог различить только новый знакомый потерявшегося хрюшонка, прошли сквозь колоннаду берёзовой рощи. Под дубом, скрученным временем, ветрами, дождями, морозом и жарой в узловатого великана, спрятался домик Морща.

— Под дубом грустно я сидел,
Невзрачен, мал, пузат...—

продекламировал хозяин, подсаживая хрюшонка на первую, довольно высокую ступеньку своего крыльца.

— Это чего это? — спросил любопытный Тилёпа.

— Это стихи, — объяснил Морщ, отпирая ключом дверь.

— Это чего это стихи? — не унимался Тилёпа. — Это кто это их делает?

— Поэты, — пояснил Морщ. — А эти стихи сочинил дяденька Леннон. Он пел песни, а потом его убил очень злой человек.

— А чего это злой? — допытывался Тилёпа. — А это почему это он злой?

— Не знаю, — сказал Морщ, подавая Тилёпе огромные теплые тапочки. — Наверное, злые появляются оттого, что мы недостаточно добрые.

Когда Тилёпа вышел из прихожей в комнату, вопросы надолго прекратились. Во-первых, потому что комната оказалась гораздо больше, чем домик выглядел снаружи, и это озадачило Тилёпу. Во-вторых, тут было на что посмотреть.

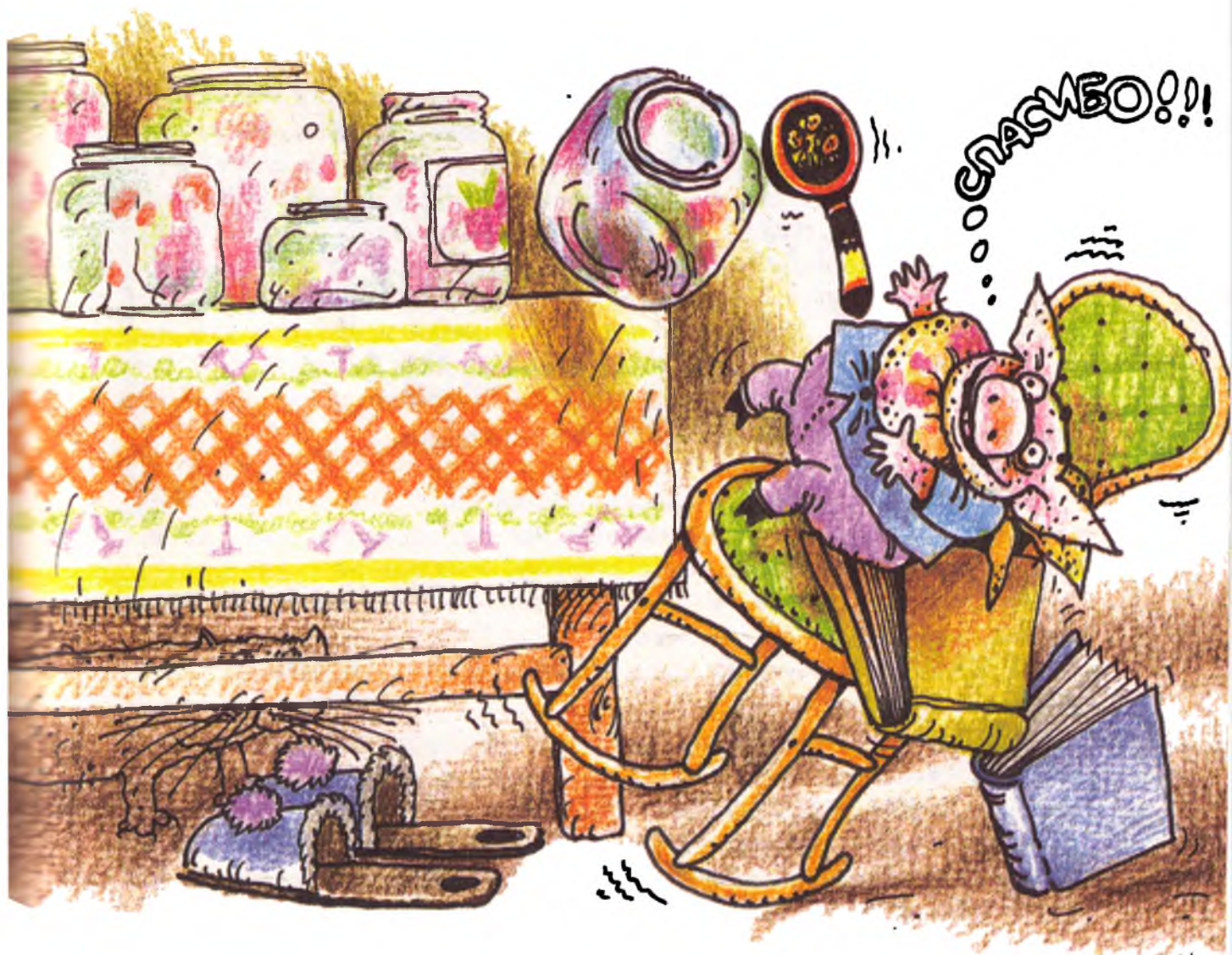
Рядом со входом была сложена чисто побеленная русская печка. Тут же на стене были развешены связки лука и чеснока, душистый зверобой, который некоторые люди считают самым красивым цветком на свете, липовый цвет в сетке с мелкими ячейками, берёзовые веники, какие-то травы, увязанные в пучки...

Вдоль стен тянулись прочные деревянные полки, на которых в живописном беспорядке были распаханы всяческие чудеса — модели парусников, гильзы от патронов к охотничьему ружью, толстые фолианты с полустёршейся позолотой на корешках, сколы горных пород, коробки с гвоздями, болтами, гайками и ... — тут Тилёпин взгляд остановился и застыл, как приклеенный. В левом углу — на трёх полках сразу! — помещались пузатые, трёх- и пятилитровые — налитые доверху! — банки с вареньем. Близорукий Тилёпа прищурился и увидел сквозь стекло иссиня-чёрную массу смородины, беленькие на красном фоне штрихи земляники, лепестки чайной розы впережку с золотистыми медовыми сотами...

— Хотите чаю с вареньем? — спросил Морщ у Тилёпы.

— А можно варенья с чаем? — робко спросил Тилёпа, пожирая глазами банки.

— Конечно, можно! — рассмеялся Морщ и, подхватив Тилёпу своими крепкими руками, посадил его на табурет, подсунув предварительно под малорослого хрюшонка несколько толстых энциклопедий.

Не будем утомлять читателя описанием оттенков запахов и вкусовых ощущений, которые испытал на себе Тилёпа, залезая большой деревянной ложкой то в одну банку, то в другую... Скажем лишь, что из-за стола он не вышел, а бухнулся.

— Спасибо, — сказал он, потирая ушибленности, — а теперь я домой пошёл.

Морщ вывел его на тропинку, которая вела к хрюшиному поселению, и сказал:

— Идите всё прямо, прямо, а потом у большого камня повернёте направо, там и будет ваш домик.

Тилёпа расшаркался и вприпрыжку побежал домой. Изредка он присаживался на корточки, отдувался, говорил: «Ой, мамочки!» — и нёсся дальше, потому что быстрый моторчик, который завёлся в нём от неумеренного потребления варенья, не давал ему останавливаться на месте дольше двух минут.

Морщ тем временем собирал граблями в большие кучи жёлуди, рухнувшие с дуба. Потом он ссыпал их в мешки и выпускал в реку. Жёлуди, постоянно падающие то на дорожки, то в огород, чрезвычайно мешали Морщу. Он частенько жаловался, что не знает вещи более бесполезной, чем жёлуди, — не фрукт и не овощ, и даже не каштан, который можно хотя бы пожарить.

Весь вечер Морщ занимался этой утомительной работой, так что проснулся поздним утром следующего дня, услышав стук в дверь.

Завернувшись в одеяло, он подошел к двери и откинул засов.

Перед ним стоял хрюшонок — точная копия Тилёпы.

— Я — доктор Ковбасюк, — деловито представился посетитель, — погнался за бабочкой и заблудился.

— Заходите, — широко открыл дверь Морщ. — Вы, наверное, устали?

— Да, я бы с вареньем выпил чего-нибудь, — заявил Ковбасюк.

Морщ напоил доктора Ковбасюка чаем с вареньем, дал ему с собой баночку смородины, протертой с сахаром, и вывел на тропинку.

— Идите всё прямо, прямо, а потом у большого камня поверните направо, там и будет ваш домик.

На следующее утро ни свет ни заря в двери к Морщу постучался хрюшонок Копчёный.

— Здравствуйте, — сказал он, когда в окошко выглянул Морщ. — Я потерялся...

Когда очередь дошла до хрюшонка Казя-Базя, Морщ уехал в город по делам.

Казя-Базя постучал в дверь, но ему никто не ответил. Тут он заметил маленький плакатик, прибитый гвоздями прямо у порога:

ЕСЛИ ВЫ ПОГНАЛИСЬ ЗА БАБОЧКОЙ И ЗАБЛУДИЛИСЬ, ТО ВАРЕНЬЕ СТОИТ НА СТОЛЕ. ДВЕРЬ ОТКРЫТА. ОБРАТНО ИДИТЕ ВСЁ ПРЯМО И ПРЯМО, А ПОТОМ У БОЛЬШОГО КАМНЯ ПОВЕРНЁТЕ НАПРАВО. НЕ ЗАБУДЬТЕ — КОНФЕТЫ НЕ ЕДЯТ ВМЕСТЕ С БУМАЖКАМИ!

Когда поздно вечером Морщ вернулся домой, путь к двери ему преградили пять туго набитых мешков с любимым (после варенья) кушаньем хрюшей. Это были жёлуди. Сверху, прижатая камешком, лежала записка:

ПОЧЕМУ ХРЮШИ НЕ ЛЮБЯТ ГАЗЕТ

Если дело началось скверно — не жди хорошего продолжения.

Так было и в то воскресное утро, когда хрюши собрались на лужок с намерением плотненько пополдничают. На травке они разместили столики и лавочки, застелили их белоснежными скатертями. Потом поставили большой самовар, который взялся раскочегаривать, нагнетая воздух старым кирзовым сапогом, хрюшонок Копчѣный, и, наконец, нагроузили столы всякой снедью.

Самый нетерпеливый и падкий до сладкого, доктор Ковбасюк уже зачерпнул своей большущей ложкой похлёбку из клубники со сливками, как вдруг приятную тишину полуденного леса прикончил дикий вопль из придорожной канавы:

— ПОКУПАЙТЕ НЕЗАВИСИМОЕ ИЗДАНИЕ «ВЕСТНИК КООПИРАТОВ!»

Лапочка доктора Ковбасюка дрогнула, и по его рубашечке с узором, вышитым крестиком, стало расплываться большое жирное пятно.

— СЕНСАЦИОННЫЕ НОВОСТИ!

УНИКАЛЬНЫЕ ФАКТЫ!

КРИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА!

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА!

КОЛОНКА ПРОИСШЕСТВИЙ!

— слышался всё ближе
и ближе чей-то
пронзительный
голос.

Хрюши повернули голову в сторону дороги и вскоре увидели престранную фигуру, вынырнувшую из кустов.

Это был мальчишка-газетчик, из тех городских сорванцов, которым только дай волю безобразия хулиганничать, так они живо на шею сядут. Обут он был в совершенно разбитые сандалии с подошвами, протёртыми до дыр, штаны его когда-то были канареечно-жёлтого цвета, что, впрочем, теперь стало почти незаметно из-за грязных «пузырей» на коленках и замасленных до черноты карманов. Одет мальчишка был в цветастую гавайскую рубашку, а сверху на него была нахлобучена кепка козырьком назад. Через его плечо тянулся ремень от огромной клеёнчатой сумки, набитой газетами.

Мальчишка, выскочив на хрюшинную полянку, на секунду остановился и, открыв рот, стал рассматривать невиданных зверушек, завтракающих прямо на траве. Вначале он хотел свернуть из газеты кулёк и наловить туда побольше этих странных существ. Но потом, увидев сердитый взгляд доктора Ковбасюка, который старательно облизывал свою рубашку, отказался от такой идеи.

Продавец смутился всего лишь на секунду, решив, что хрюши, по всей видимости, какие-то иностранные рабочие, которых привезли трудиться на местную фабрику, и решил всучить им несколько номеров своего независимого издания.

Он набрал полные лёгкие воздуха и снова завопил что было сил:

— ИЗНАСИЛОВАНИЕ в Медовом переулке!

— ОГРАБЛЕНИЕ известного деятеля сельского хозяйства!

— КРОВАВАЯ РЕЗНЯ в доме маленькой Веры!

— ЧИТАЙТЕ! ЧИТАЙТЕ! ЧИТАЙТЕ!

При этом он так размахивал своей газетой, что по траве побежали бурные волны ветра, будто на лужайке садился военный вертолет.

Мальчишка старался не зря. В наспех зашитом кармане его канареечных штанов лежала копия договора с газетой «Вестник коопиратов», по которому малолетний разносчик информации получал один процент от стоимости проданных им газет. Включившись в большой газетный бизнес, мальчишка принялся за работу всерьёз и, чтобы опередить конкурентов (таких же сорванцов, как и он сам), предлагал свой товар там, куда его товарищи ходить ленились, — на бензоколонке, на овощебазе, просто стоя на дороге или стоя над душой у двоих влюбленных, решивших уединиться в придорожном лесу. Так он и набрёл на хрюшей.

Теперь он стоял на лужайке и старательно орал уже минут десять.

Вежливые хрюши внимательно слушали.

Наконец продавец газет устал и спросил:

— Хотите купить?

— У нас нет денег, — сказал Казя-Базя. — У нас есть конфеты. Давай меняться?

Глазки у мальчишки хитро блеснули. Конфеты ведь тоже стоят денег, особенно шоколадные, такие, что стояли на столиках у хрюшей (было воскресенье, а именно в этот день, как вы помните, хрюши ели конфеты).

— Ну, ладно, — согласился мальчишка, пожирая глазами и самих хрюшей, и их домик, и их столы, и самовар, и конфеты, — давайте.

Казя-Базя первым схватил свои две конфеты и помчался меняться. За ним бросились и другие хрюши. Конфетницы на столах вмиг опустели.

Бедные маленькие хрюши! Как мы увидим дальше, их здорово надули. Но разве ж они, любители игры в леденцы, охочие до всяких новостей, любопытные до предела, могли устоять перед словами «ОГРАБЛЕНИЕ», а тем более «КРОВАВАЯ РЕЗНЯ»?

И все же осторожный (но, увы, лежковерный) Казя-Базя, расставаясь со своими конфетами, спросил:

— А она, правда, интересная?

— Интересная, интересная! — заверил его мальчишка, отдавая взамен двух прекрасных шоколадных конфет с орешками два плохо пропечатанных листочка с мутными пятнами вместо фотографий.

Засунув обе конфеты глубоко в карман, торговец удовлетворенно хрюкнул. Вскоре оба его кармана сильно оттопырились в стороны, а сумка наполовину опустела.

Когда газету получили все хрюшата, мальчишка мгновенно исчез в лопухах.

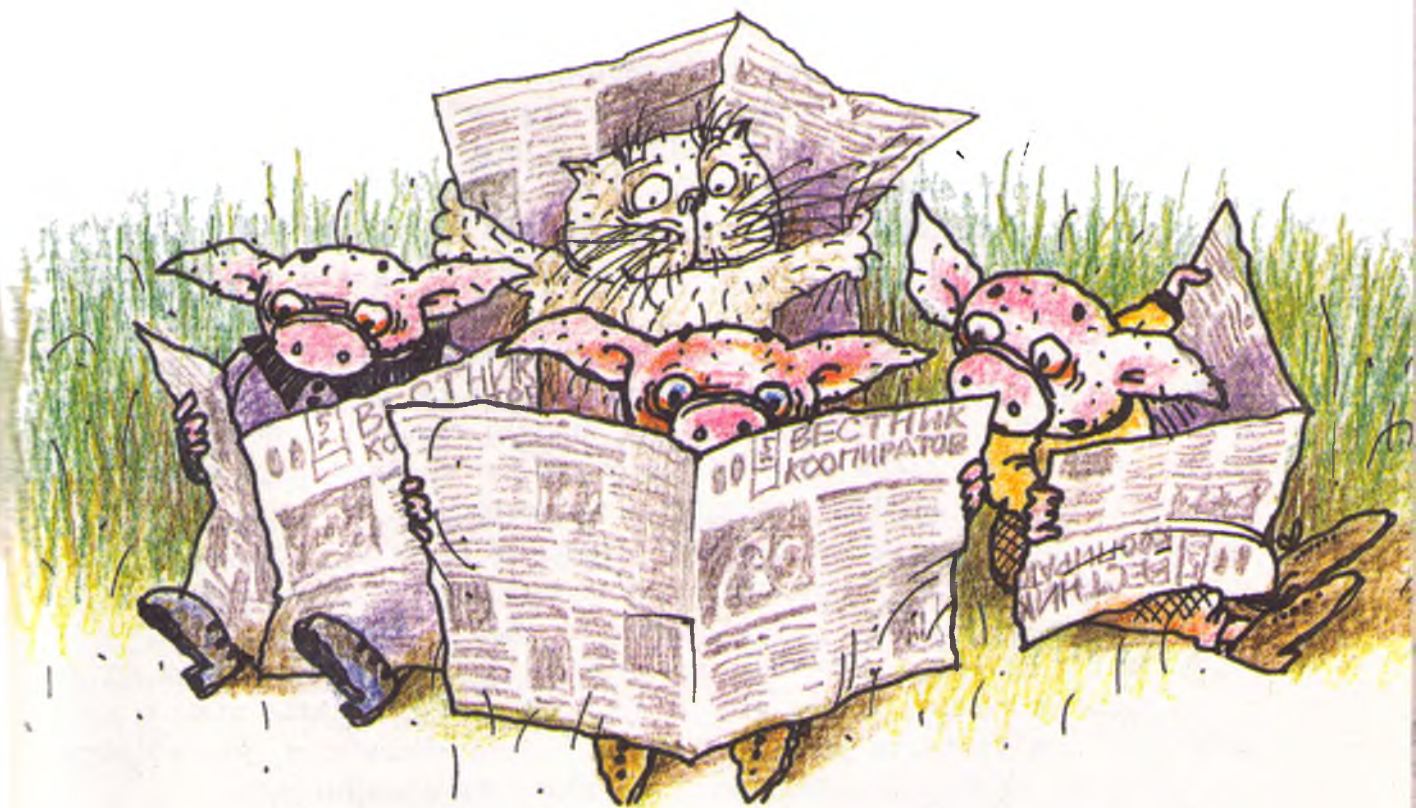
Казя-Базя, Тилёпа, Копчёный и другие хрюшата вернулись к своим столикам и уткнулись каждый в свою страничку.

Вот что прочитал доктор Ковбасюк в колонке происшествий:

«ИЗНАСИЛОВАНИЕ В МЕДОВОМ ПЕРЕУЛКЕ

Вчера, как стало известно из компетентных источников ЖЭКа номер 5, в квартире номер 46, что расположена в угловом доме Медового переулка **НАСИЛЬНО** был накормлен в возрасте трёх лет грибным супом со сметаной мальчик Никита.

Происшествие, о котором оповестил весь двор сам мальчик Никита своим негодующим криком, вызвало большой резонанс среди местной общестственности».

Доктор Ковбасюк с недоумением поднял свои глазки от газеты и орошенно ими замигал. Во-первых, фраза «Накормлен в возрасте трёх лет грибным супом со сметаной мальчик Никита» показалась ему чрезвычайно странной. Было непонятно — то ли мальчику было три года, когда его накормили супом, то ли супу было три года, когда им накормили мальчика. Если суп, действительно, такой старый, то что же за изверги родители мальчика, за что они так ненавидят своего бедного Никиту? А если Никите было три года, то почему же он отказался от прекрасного, вкусного грибного супа? Может быть, его мама совсем не умеет готовить? Но об этом в заметке ничего не было сказано. И доктор Ковбасюк, вздохнув, снова углубился в чтение:

«ОГРАБЛЕНИЕ ИЗВЕСТНОГО ДЕЯТЕЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Широко известный в узких кругах огородник дядя Ваня Песков просил наше уважаемое издание объявить, что субъект, взявший недавно на его участке займы **ГРАБЛИ**, должен немедленно вернуть их владельцу. В противном случае будут применены самые жёсткие меры, вплоть до исключения из рядов членов садово-огороднического товарищества.

Сдача преступника должна быть произведена до 15 часов вторника с.г.»

Доктор Ковбасюк, дочитав заметку полностью, посмотрел на титульный лист газеты и увидел, что она вышла из печати в пятницу. Зачем было публиковать объявление про вторник в пятницу? Этого доктор Ковбасюк постичь не мог и только покачал головой.

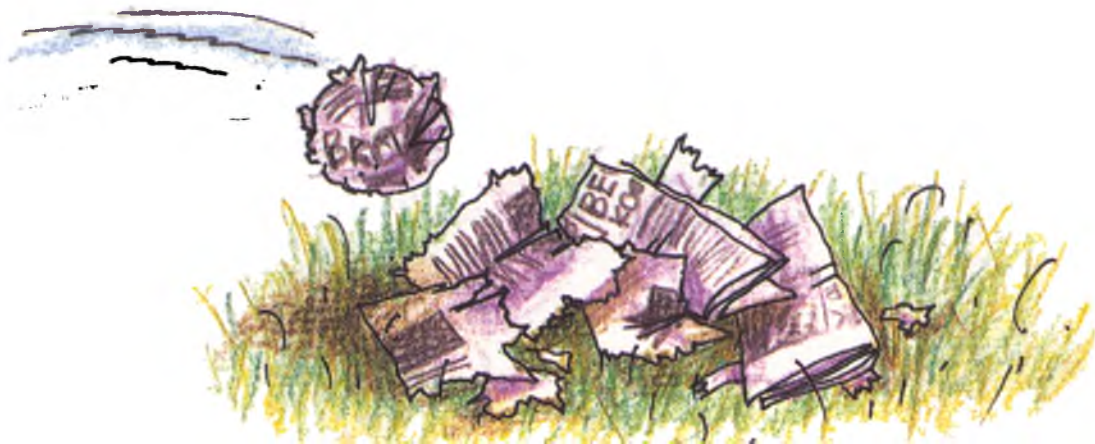
Статья про «**КРОВАВУЮ РЕЗНЮ В ДОМЕ МАЛЕНЬКОЙ ВЕРЫ**» совсем расстроила доктора Ковбасюка. В ней неизвестный Ковбасюку автор в весьма пространных и туманных выражениях дал понять читателям, что папу маленькой Веры товарища Ёлкина **ЗАРЕЗАЛ** на должность Главного начальника некто Гробачёв.

Эта путаная, сплошь состоящая из каких-то непонятных намёков статья, совсем доконала доктора Ковбасюка, и он понял, что зря отдал свои две шоколадные конфеты за эту вручую газету. Даже бумажки от конфет ему читать было бы более приятно. По крайней мере там, хоть и не всегда понятно, но без вранья было написано, что конфеты называются «Белочка», произведены на фабрике «Красный Октябрь» ордена чего-то и весят в нетто и брутто по-разному и по-разному же стоят в разных поясах.

Вскоре и остальные хрюши побросали свои газеты и поняли, что их оставили без сладкого. Особенно злило то, что во всех газетах без исключения было написано одно и то же. Но ведь гадкому мальчишке в кепке набекрень они отдавали разные конфеты — кто «Белочку», кто «Маску», кто «Мишку на Севере». Почему же такая несправедливость?

Мучаясь этим вопросом, хрюши расстроились и забыли о полднике, об обеде и спохватились только к ужину.

Именно поэтому в их хрюшинной истории день прихода мальчишки-торговца был записан не самыми радужными красками, а сами хрюши искренне возненавидели газеты, что облапошивают своих доверчивых читателей, выманивая у них прекрасные шоколадные конфеты взамен всякой чепухи.

КАК ХРЮШИ ПОЙМАЛИ СТЭМПЛХЭНДСКОГО БАШКЕРВИЛЯ

Всё неожиданное происходит вдруг.

Так было и в тот день, когда доктор Ковбасюк, Тилёпа и Казя-Базя вышли на полянку поиграть в «казаков-разбойников». Они встали в кружок, и Тилёпа, обводя всех по очереди лапчочкой, принялся считать:

**Ехала машина лесом,
за каким-то интересом,
инти-инти-интерес,
выходи на букву «эс»!**

«Выходить на букву «эс», то есть, быть «разбойником», досталось доктору Ковбасюку. Он уже приготовился сигануть в высокую траву, чтобы попробовать спрятаться от Тилёпы и Казя-Бази, как вдруг увидел под кустом орешника два красивых красно-зелёных петушиных пера. Недолго думая, он подобрал их и воткнул в свою кепку. Теперь он стал похож на настоящего разбойника.

— Разбойник, разбойник, мы — казаки, идем тебя ловить! — ужасными голосами закричали Казя-Базя и Тилёпа. Доктор Ковбасюк опрометью бросился в лес, не разбирая дороги. Позади улюлюкали его друзья, слышался треск сучков, испуганный щебет птиц. Доктор Ковбасюк вылетел в просторный, залитый светом сосновый бор, упал на коленки и тут же исчез в густых папоротниковых зарослях. Казя-Базя и Тилёпа бросились за ним.

И тут доктору Ковбасюку сначала повезло, а потом не очень. Ползая по папоротниковым джунглям, он наткнулся на узенькую, но хорошо утопанную тропинку. Доктор Ковбасюк тут же сообразил, что, пока его друзья будут плутать в труднопроходимых кустах, он по тропинке сможет убежать так далеко, что его не догонят.

Доктор Ковбасюк поправил кепку с петушиными перьями, отряхнул ладошки и коленки и, весело насвистывая, припустил по тропинке, перепрыгивая через корни деревьев, упавшие ветки и шишки.

— Ах вот ты где, разбойник! — услышал вдруг доктор Ковбасюк и почувствовал, что его ноги отрываются от земли. Доктор Ковбасюк скосил сколько мог глазки и увидел здоровущую тётку, которая одной рукой держала его на весу за шиворот, а другой спадала пёрышки с его кепки и внимательно их рассматривала.

— А ну пойдём со мной, разберёмся, — грозно сказала тётка.

Доктор Ковбасюк болтнул своими сандаликами в воздухе. Стало ясно, что в таком подвешенном состоянии никуда пойти он не сможет.

Тогда тётка отпустила доктора Ковбасюка на землю и, крепко держа его за лапочку, повела с собой, не обращая никакого внимания на отчаянный рёв пленника. Вероятно, Ядрёна Матрёна — именно так звали тётку, чувствовала себя не так уверенно, если бы знала, что за ней как пришитые пробираются два бравых «казака».

Казя-Базя и Тилёпа выследили Ядрёну Матрёну до самого её дома, где она, отперев огромным ключом тяжеленный замок, втокнула в амбар несчастного доктора Ковбасюка. Потом она опять заперла дверь и отправилась к своей соседке рассказать о пойманном разбойнике.

«Казяки» порыскали вокруг амбара, источавшего крепкий дух колбас и всяческих разносолов, и поняли, что сразу освободить товарища не получится.

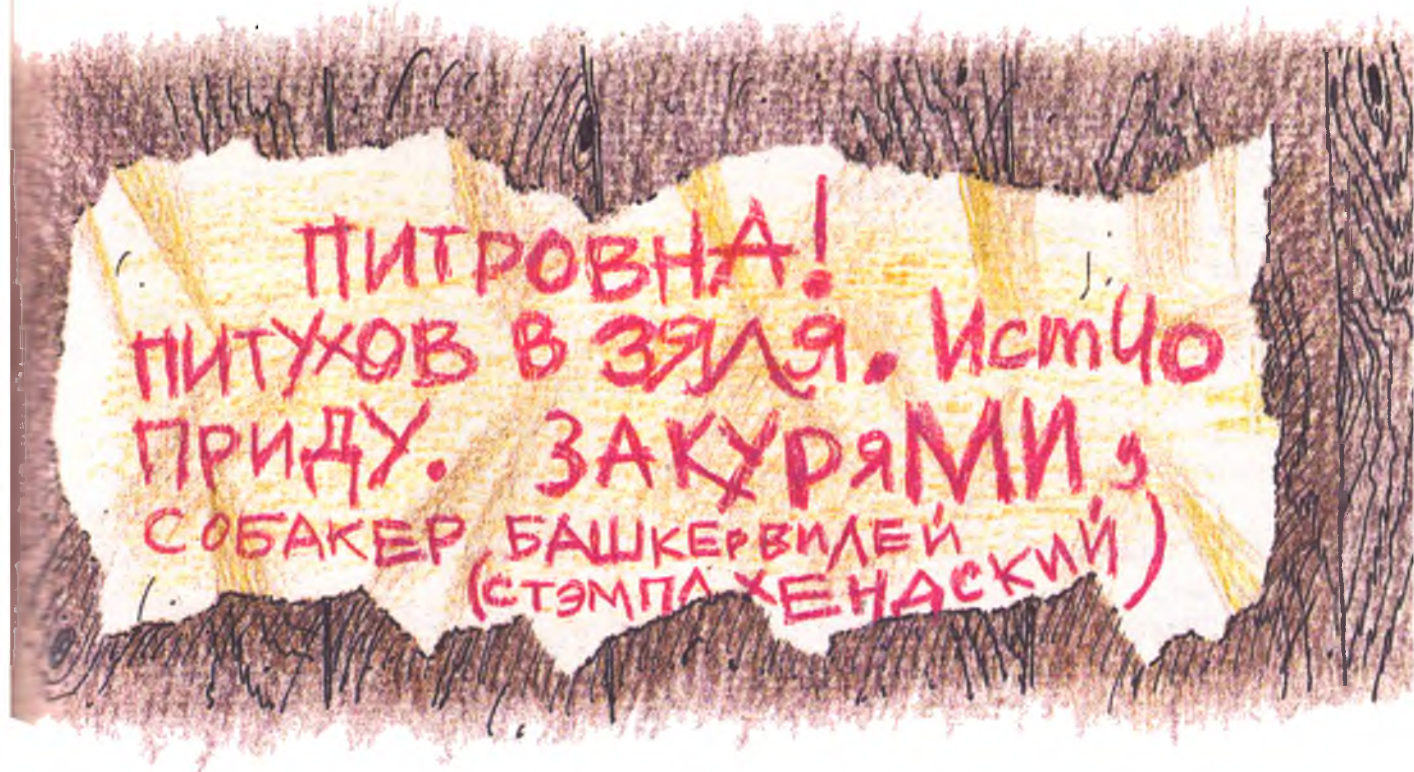
— Эй! Ковбасюк! — закричали они шёпотом. — Ты там держись, появляйся? Мы здесь!

— Я держусь! — отвечал доктор Ковбасюк, хлюпая хрюкальцем.

Ободрив таким образом узника, «казяки» отправились на разведку. Они потолкались под лавочкой в клубе, где местная молодёжь собиралась на очередной сеанс фильма про Шерлока Холмса, пробрались под прилавок местного магазина-сельпо и выяснили необычную вещь.

Оказалось, что три дня назад в селе Мотылькове стали происходить загадочные события. Из курятника бабки Петровны — соседки Ядрёны Матрёны, пропали все петухи. Через день они вернулись домой в невообразимо кургузом виде — с выщипанными начисто хвостами. От огорчения и стыда все они как один заболели и круглые сутки сидели спиной к стене на насесте, ни за что не соглашаясь спуститься вниз.

Потом в почтовый ящик Петровны чья-то злодейская рука подкинула записку, отчего туман вокруг этого запутанного дела стал еще гуще. Написано там было вот что:

Над этим вот посланием Петровна и Ядрёна Матрёна проколдовали всё утро. То, что петухов обкорнал некто Собакер, отчасти проясняло ситуацию, так как снимало подозрения с местных сорванцов. Но две соседки не сразу поняли, за чем именно «ИСТЧО» грозился прийти Собакер. Не менее загадочным казалось странное выражение «ЗАКУРЯМИ», которым таинственный Собакер Башкервилей завершил своё послание. Больше всего оно было похоже на какое-то грузинское слово: что-то вроде «до свидания» или «всех благ».

Но какие тут «блага», когда он, с одной стороны, говорит «ЗАКУРЯМИ», а с другой — петухов ворует?

— Якой такой Башкервиль? — ломала голову Петровна. — Сроду таких в Мотылькове не было.

Наконец Ядрёна Матрёна, торжественно подняв толстый палец, изрекла:

— Поняла я! «ЗАКУРЯМИ» — это значит «ЗА КУРЯМИ». Он ещё, паршивец, курей обдерёт.

Диспозиция стала проясняться. Наглый грабитель не только не собирался отречься от своих планов, но и прямо предупреждал о новом покушении на курятник.

Выхода было два: идти с поклоном к местному участковому милиционеру или самим устроить засаду на хоздворе.

— К участковому сейчас без четверти самогона не сунешься, — подвела итог Петровна. — Сами разберемся, по-семейному.

И она решительно вооружилась тяжёлой кочергой. Ядрёна Матрёна, у которой имелось полное основание беспокоиться за судьбу собственного курятника, подхватила из угла метлу с толстым крепким черенком.

О бедном докторе Ковбасюке, который держался в амбаре из последних сил, они как-то забыли.

На небе тем временем весело замигали синие звёздочки. Из-за леса выкатила огромная жёлтая луна, похожая на круг свежайшего голландского сыра.

Два «казака», два всё знающих и всё слышащих через открытые окна избы разведчика, ёжась от выпавшей росы, вели наблюдение сквозь зубчатые листья огурцов за двором Петровны. Они видели, как Петровна и Ядрёна Матрёна вышли через сени к курятнику и, затаившись за поленницей, стали поджидать Собакера Башкервилей.

Время шло. Вышли на охоту кровопийцы-комары. Проголодавшийся Казя-Базя неслышно хрумкнул разок-другой лежавший рядом пупырчатый огурец.

Вдруг в избе Петровны послышался страшный шум — падали на пол какие-то железные штуковины, звонко лопались фаянсовые тарелки, что-

то скрежетало и звякало... Ощущение было такое, что чугунный паровоз, набравший третью космическую скорость, врезался в переполненный посудохозяйственный склад.

— Горшки! Горшки! — услышали «казаки» крик Петровны и увидели, как обе соседки ринулись обратно в избу спасти свою бакалею. В тот же миг из окна выскочила какая-то зверюга и проскользнула в курятник.

Через минуту все было кончено — зверюга с квохчащим мешком на спине выскочила из курятника и бросилась в лес. Отважные «казаки» неслись во весь дух за разбойником. Бежать им пришлось недолго. Зверюга, тяжело дыша, остановилась на той самой полянке, где хрюши начали утром игру. В лунном свете, как два зеркальца, сверкнули ее глаза, и началось ощипывание кур.

— Перинка, перинка, перинка, — напевала себе под нос зверюга, увлечённо занимаясь своим делом.

Смелые хрюши тем временем потихоньку стащили опустевший мешок и, взяв его с двух сторон, осторожно пошли в наступление.

— Перинка, перинка, перинка, — продолжала бормотать зверюга и, не успев ничего сообразить, оказалась в мешке.

Обратный путь для Кази-Бази и Тилёпы оказался непростым. Зверюга в мешке брыкалась и рычала, по лесу то и дело, пугая хрюшат своим белым оперением, пробегали ошалевшие куры, пот заливал глаза, и луна как назло закрылась тучей.

Наконец «казаки» дотащили мешок до двора Петровны.

— Ковбасюк! — позвали они. — Ты держишься?

— Держусь! — тихо ответил пленённый хрюшонок.

В окно избы было видно, как Петровна и Ядрёна Матрёна собирают последние черепки.

— А вот сейчас мы из амбара того артиста приведём, — грозилась Ядрёна Матрёна, — и пусть он объяснит, откуда у него перья петушьиные и где его дружки прячутся.

— Мы здесь, — сказали хрюшата, вваливаясь в дверь. — Мы вам Башкервиля словили.

Кази-Базя и Тилёпа развязали мешок и вытряхнули зверюгу на пол.

— Егор! — всплеснула руками Петровна. — Егор, как ты мог?!

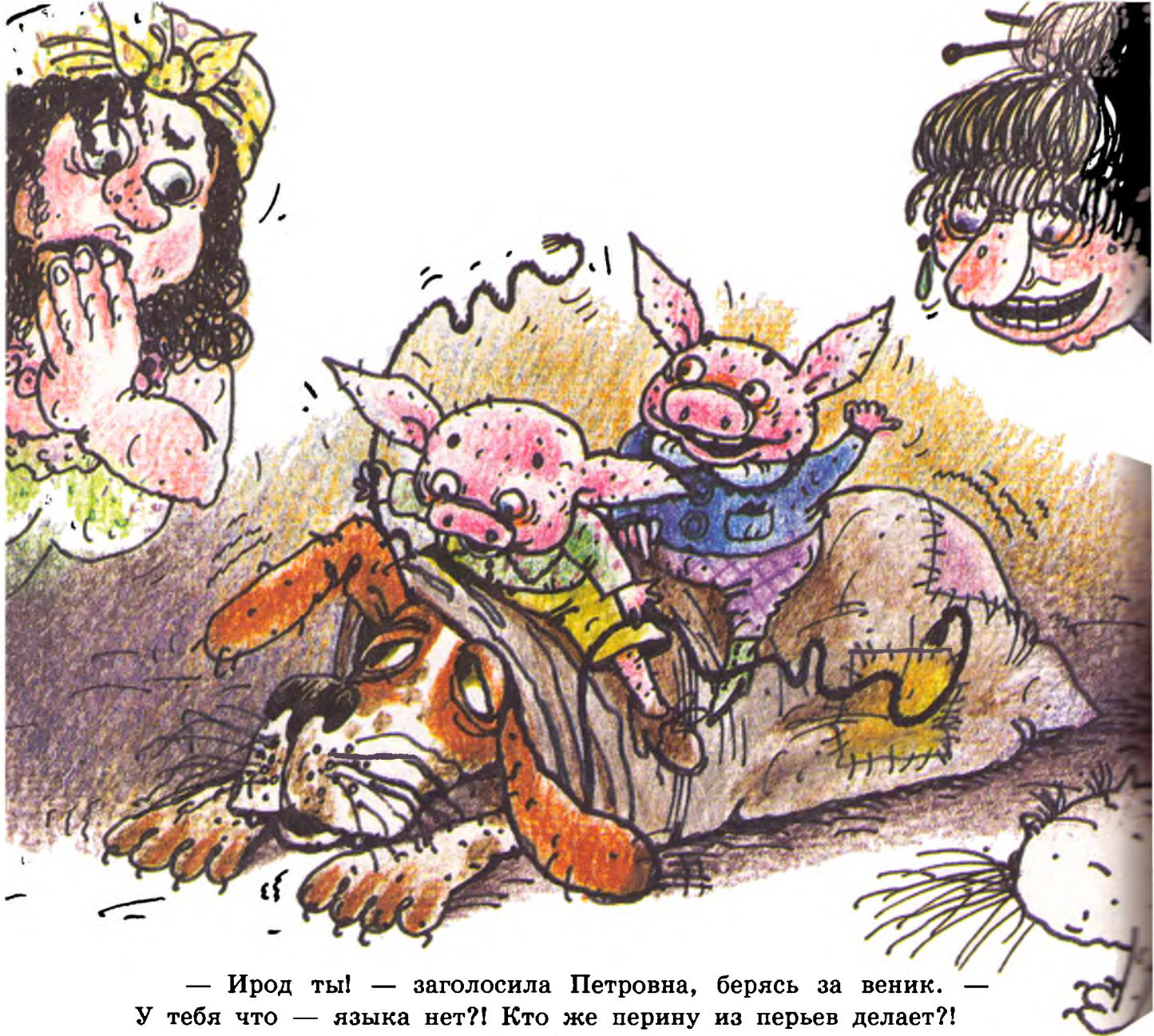
Дворовый пес Петровны, весь облепленный перьями, заюзил животом по остаткам горшков и заскулил:

— Я, тётя Петрона, только перинку хотел себе сделать...

— Какую перинку?! — схватила за голову Петровна. — Какую перинку, горе моё!

— Да-а, — спрятал глаза Егор, — вон соседскому псу хозяйка старую телогрейку в будку дала, а мне — шиш с маслом?

— Ирод ты! — заголосила Петровна, берясь за веник. —
У тебя что — языка нет?! Кто же перину из перьев делает?!
— Я же не знал! — взвизгнул Егор и полез со страху под лавку.
— Тётянька, — дёрнул Ядрёну Матрёну за сарафан Казя-Базя, —
теперь доктора Ковбасюка выпустите скорей, а то он не выдержит...
Ядрёна Матрёна сняла замок и отворила двери амбара.
Доктор Ковбасюк вылез из темноты подозрительно неохотно.
— Не выдержал! — ахнули друзья. — Объялся!
Доктор Ковбасюк сыто заурчал...
Ночь над Мотыльковым медленно перерастала в день.
В состоянии тяжёлого раскаяния Собакер Башкервилей (Стэмплхэнд-
ский) Егор устраивался в будке со своим новым ватным матрасиком, по-
даренным после взбучки доброй «тётей Петроной».

Хрюши, поддерживая отяжелевшего доктора Ковбасюка, сговаривались доиграть в «казаков-разбойников» утром и торопились домой.

Хмурая Ядрёна Матрёна со свечой в руке стояла в амбаре и озадаченно рассматривала три шпагатика с ошметками колбасы, свисающих с потолка.

— Это же надо, — пробормотала Ядрёна Матрёна. — Летучие они что ли, эти мыши? — И тут же дала себе слово, что завтра пойдёт в сельпо и купит три мышеловки. А то колбас на них не напасёшься...

КАК ХРЮШИ ОБУЗДАЛИ КЛЕВАЦКОГО ПЕТУХА

Безвыходные положения бывают разные — более безвыходные и менее безвыходные.

Правда, доктор Ковбасюк, Казя-Базя и Тилёпа, направляясь как-то утром по тропинке в деревню Мотыльково, об этом ещё не подозревали.

Они торопились в гости к тёте Петроне. Правда, не совсем к тёте Петроне, а скорее к её внукам, которые приехали к ней (и к козе Белке) погостить на лето.

Два мальчика — Тарасик и Никита уже давно ждали хрюшей, поминутно выглядывали в форточку и развлекались расплющиванием своих носов об оконное стекло, отчего сами тут же становились чрезвычайно похожими на маленьких проказливых хрюшат.

— Смотри, вот они, хрюши! — вдруг толкнул Никита Тарасика. Правда, он немного не рассчитал своих сил, и его братик кубарем полетел с табуретки на пол.

Тарасик немедленно снова взобрался на подоконник, и они с Никитой, сопя, как паровозы, устроили отчаянную пихню. По справедливости сказать, у окна свободно могли разместиться два Тарасика и два Никиты и спокойно смотреть во двор, но так ведь неинтересно, верно?

Хрюши тем временем, удачно обогнув островок крапивы, подошли к забору, окружающему двор тёти Петроны. Калитка была заперта, и гости, недолго думая, направились к дыре под забором. Её когда-то прокопал пес Егор (из озорства), а потом расширили курицы (чтобы ходить на улицу — на охоту за червяками).

Первым нырнул в дыру Казя-Базя. За ним протиснулся доктор Ковбасюк. Последним в лаз бросился Тилёпа. И ... застрял! Голова и передние лапочки у него оказались по одну сторону забора, а задние лапочки — по другую.

— Ну, ты чего, Тилёпа? — поторопил его Казя-Базя. — Опять телепашься?

— Я, братцы, это, — стал оправдываться Тилёпа, вертясь ужом в тесной дырке, — я, кажись, закупорился.

И в самом деле — Тилёпа сидел в дыре, как пробка, плотно притёртая к узкому горлышку бутылки.

— Лезь обратно, — посоветовал доктор Ковбасюк, — мы тебя через калитку пустим.

Тилёпа втянул голову в плечи и попытался дать задний ход. Но ничего из этого не вышло — забор плотно сел на несчастного хрюшонка, словно опытный всадник на лошадь с норовом.

— Так, — сказал Казя-Базя, — вперёд он не может, назад — тоже не может. Вверх — он снова не может, а вниз ... Вниз опять не может. Может быть, вбок? Нет, надо под этой ямой ещё одну яму вырыть. Тогда Тилёпа в неё упадёт и вылезет.

Хрюшата уже хотели приступить к этому отчаянному предпрятию и искали глазами лопату, как доктор Ковбасюк пронзительно взвизгнул:

— Ай, мама, петух клевацкий!

По ту сторону забора, прямо-ком через крапиву, на маленьких хрюшат мчался огромный белый петух с твёрдым, как гвоздь, клювом.

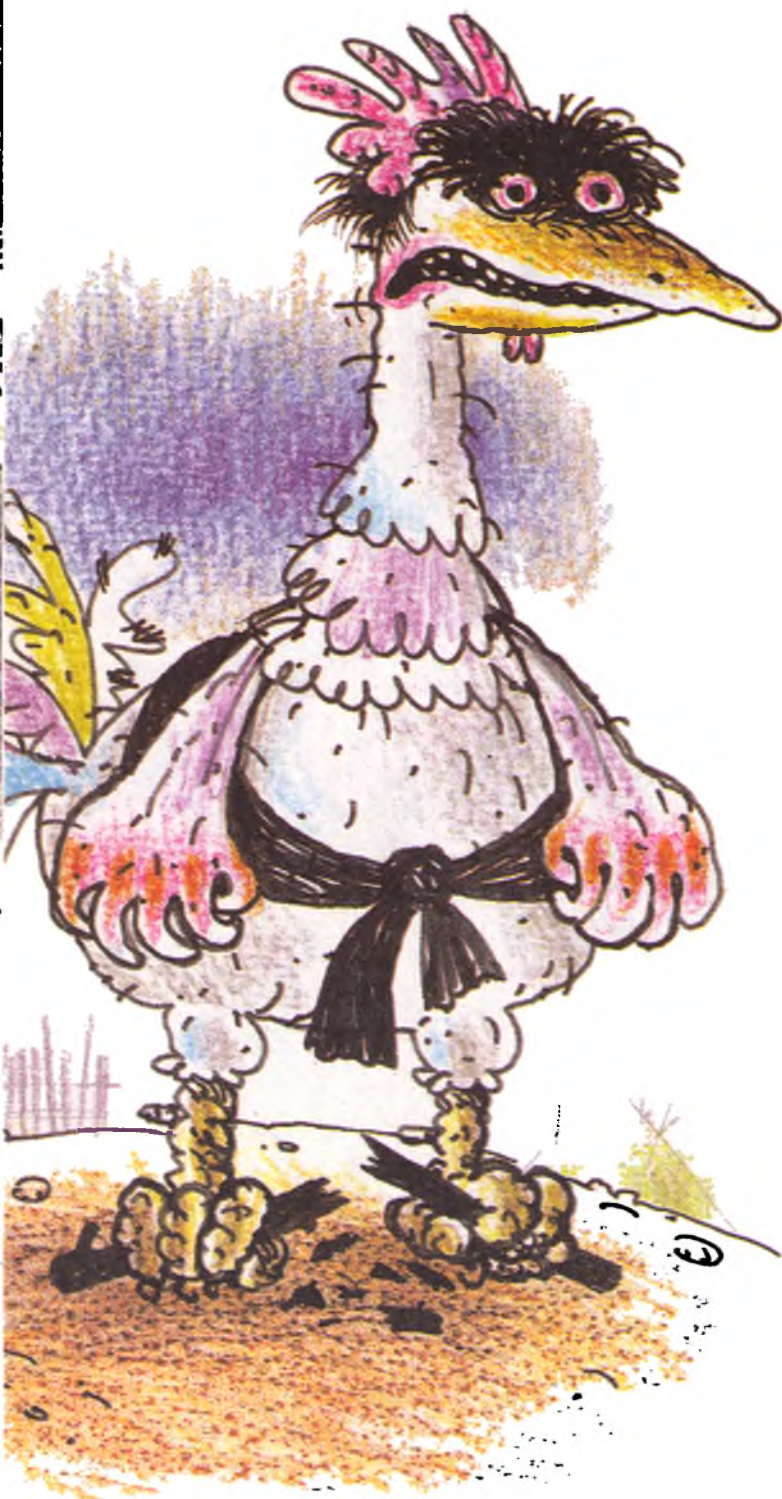
Тилёпа снова засуетился в своей дырке, вывернул как мог шею и, увидев, что страшный клевацкий петух уже совсем рядом, рванулся изо всех сил. Забор страшно скрипнул, покачнулся и грохнулся прямо на петуха. Освобождённый Тилёпа выскочил из ямки. Испуганные Тарасик и Никита выбежали во двор. Тем временем злой петух напел в прихлопнувшем его заборе отломившуюся штакетину и выскочил наружу.

— Клевацкий! — пискнул Казя-Базя и понесся в дом со скоростью кошки, удирающей от злой собаки. Но, как Казя-Базя ни торопился, в избу он влетел последним — запыхавшийся доктор Ковбасюк, Тарасик с вытаращенными глазами, притихший вдруг Никита и даже медлительный (в обычных обстоятельствах) Тилёпа уже сидели на недосыгаемой для петуха печке.

Казя-Базя молниеносно захлопнул дверь, чуть не прищемив клюв хозяину курятника, и закрыл её на засов.

Увидев, что опасность миновала, дети и хрюши, как ириски из дырявого кармана, посыпались с печки на пол.

Первым к окну осмелился по-

дойти Никита — как самый старший. Он открыл форточку, высунулся наружу и увидел клевацкого петуха, который ожесточённо рыл землю своими жилистыми лапами со стальными когтями.

— Тьфу-тьфу-тьфу, чёрт прегорький! — совсем, как тётя Петрона, плюнул в сердцах Никита и тут же спрятался обратно в избу, потому что клевацкий зыркнул в его сторону жёлтым и круглым, как оптический прицел, глазом.

Никита спрыгнул с табурета на пол и обомлел — на часах было без пятнадцати минут десять часов! А ведь именно сегодня, в десять, они с Тарасиком и хрюшами должны были идти в сельский кинотеатр на утренний сеанс смотреть знаменитый фильм «Неуволимые мстители»!

Синенькие билеты в кино лежали на столе, придавленные кружкой молока, времени оставалось в обрез, а у дверей и окон, мешая выйти, дежурил сердитый петух со страшным клювом!

Положение складывалось безвыходное.

Никита отдал кружку молока хрюшам (пусть тётя Петрона порадует, будто он ее выпил) и сунул билеты в карманы своих штанов.

— Я это, — сказал он, — побегу вперед, клевацкий за мной, а вы — за ним.

Он храбро выскочил на улицу, но не успел сделать и двух шагов, как клевацкий, расставив крылья на манер реактивного самолёта, отсёк его от калитки. Никита кинулся в другую сторону, но петух, резко изменив курс, снова бросился ему наперерез.

Испуганный Никита юркнул обратно в сени, а клевацкий, захлопав крыльями, взлетел на столб и победно закукарекал.

Положение стало ещё безвыходнее.

Никита спрятал лицо в ладошки и заплакал:

— Ну я же (всхлип) только хотел (всхлип) на «Неуволи-и-и...»

Маленький Тарасик, глядя на своего брата, вдруг тоже почувствовал, что ему срочно необходимо немного поплакать, и по его чумазой мордочке, прокладывая себе светлые дорожки, побежали наперегонки ручейки слёз.

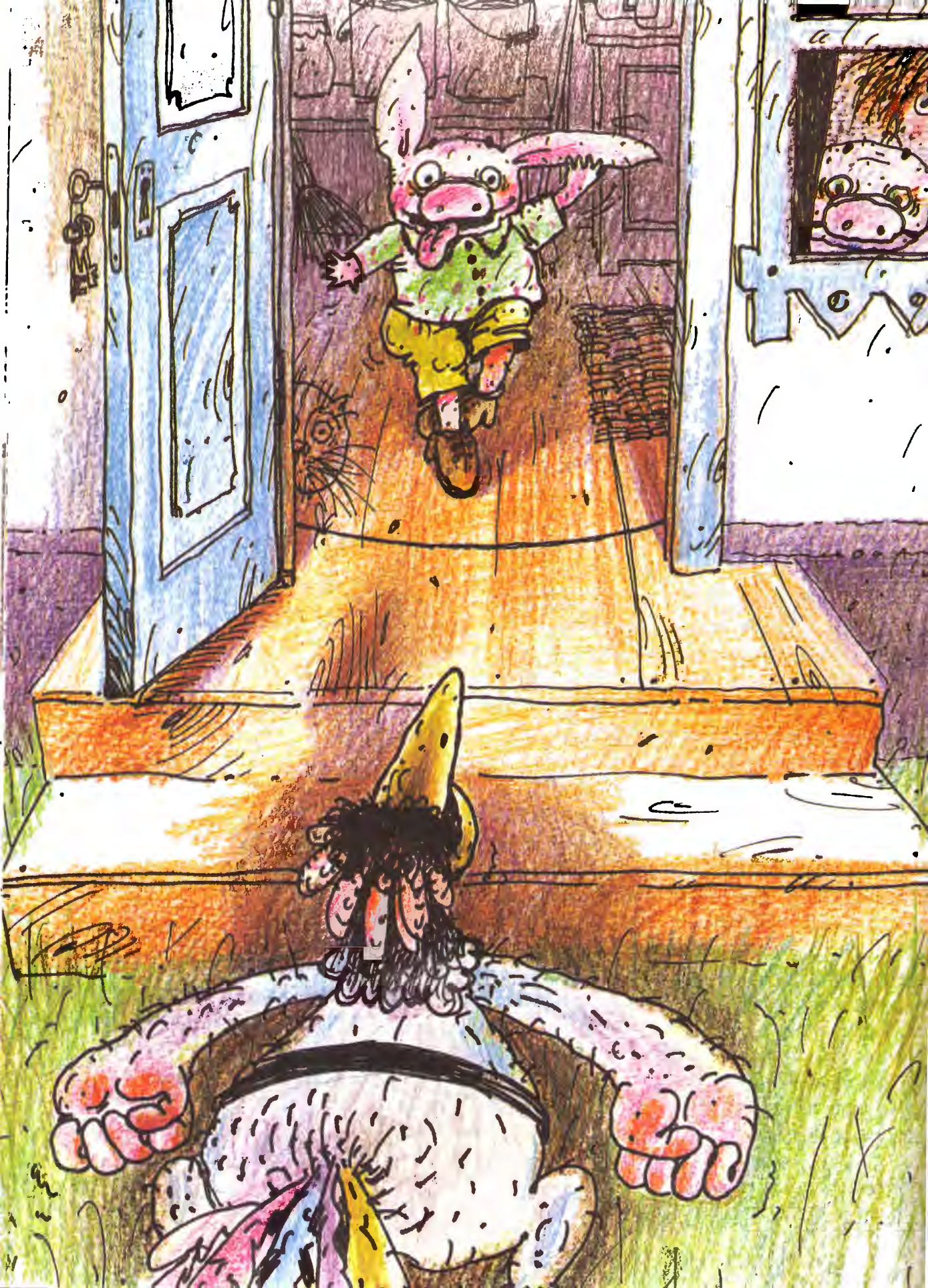
Часы показывали без десяти десять.

Расстроенные хрюши переглянулись и поняли, что клевацкого пора обуздать. Они о чем-то пошушукались и стали действовать.

Казя-Базя залез в комод и вытащил оттуда моток толстых суровых ниток. Доктор Ковбасюк нашарил под кроватью коробку с инструментами и вынул оттуда тяжёлую стальную гайку. Тилёпа стоял на месте и усиленно думал. Наконец он понял, что ему нужно делать. Он стремглав бросился за ножницами, отхватил кусок нитки; привязал к ней крепким морским узлом гайку и поволок её к выходу.

Если вы когда-нибудь услышите, что кто-то скажет «красный, как

помидор», отнеситесь к этому с сомнением. Любой помидор покажется зелёным по сравнению с цветом гребешка у разъярённого петуха.

Когда дверь в избу отворилась, и клевацкий увидел в глубине сеней Казю-Базю, строившего ему отчаянные рожи, его гребешок стал наливаясь густо-красной кровью. Казя-Базя тем временем продолжал его дразнить: расплющил хрюкальце, оттянул со всей силы левое ухо и, прыгая на одной ножке, высовывал язык и кричал:

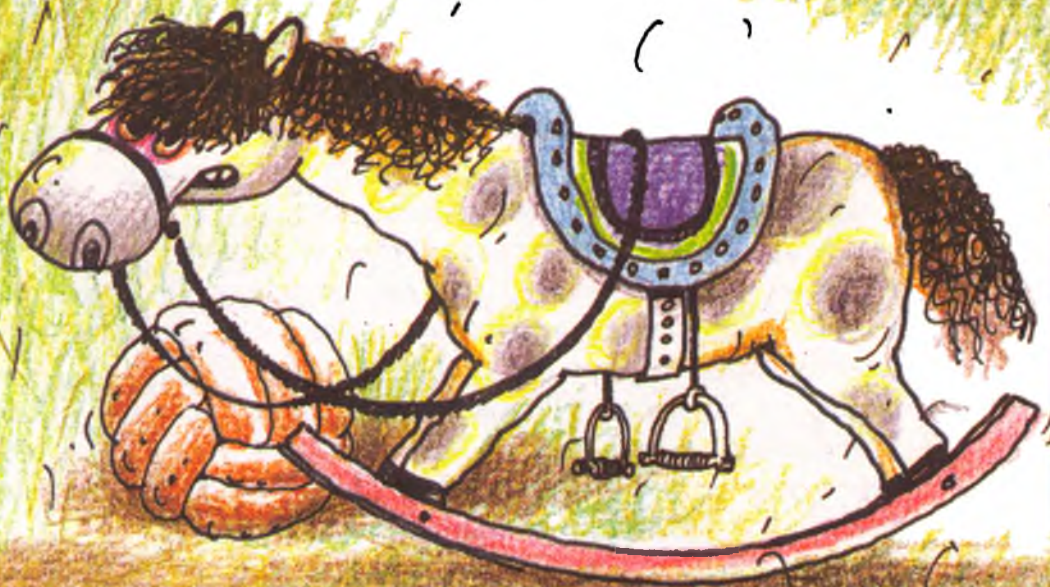
— Иди сюда, дурацкий, наш петух клевацкий! М-мэ-э-э-э...

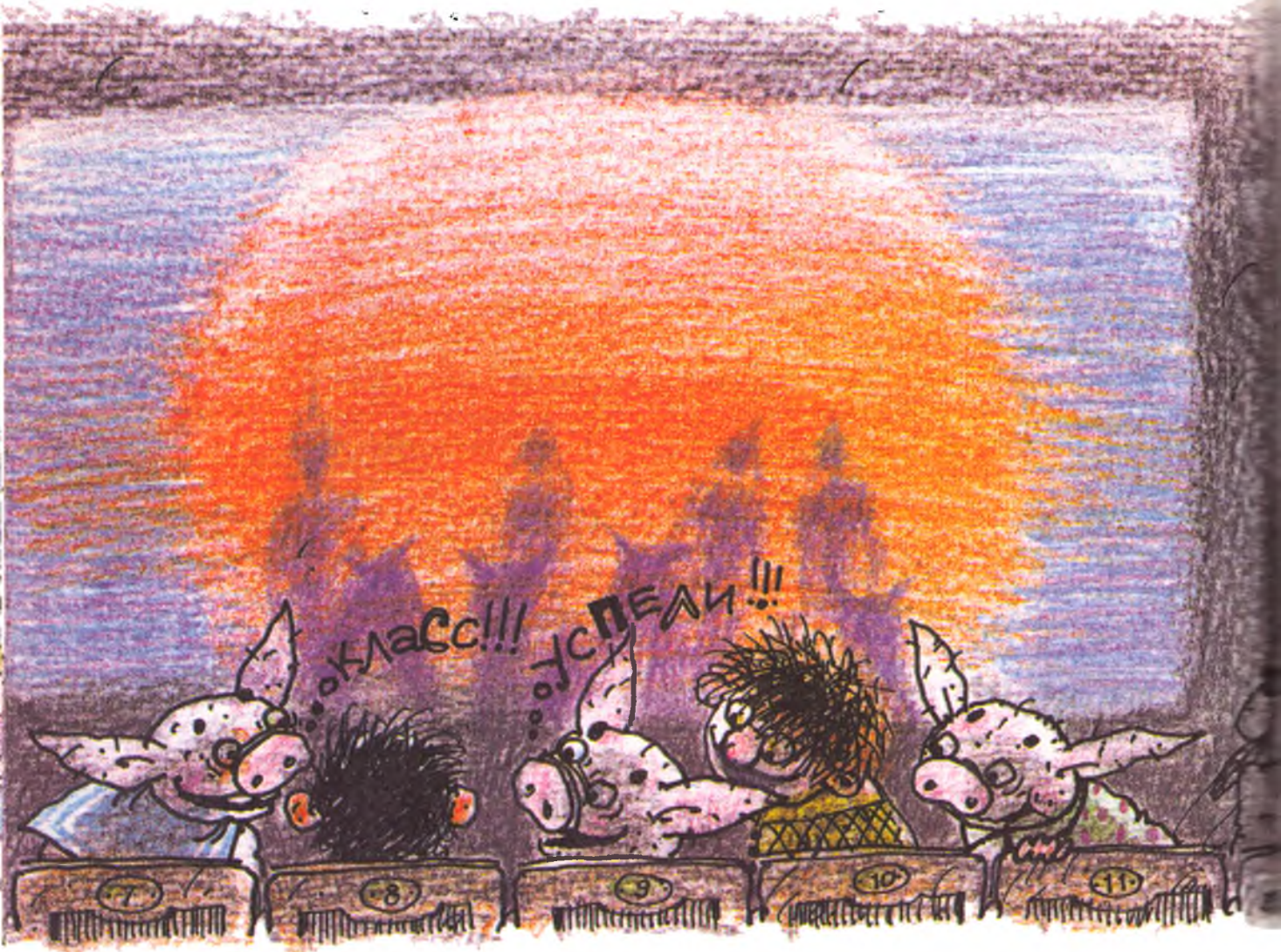
Услышав это «м-мэ-э-э-э...», петух осатанел и бросился на маленького хрюшонка коршуном. Но в порыве злости он не заметил суровой нитки, которую натянули с двух сторон, спрятавшиеся за дверью доктор Ковбасюк и Тилёпа. Клевацкий запнулся о внезапно возникшую преграду и рухнул на пол.

Тарасик, Никита и хрюшата бросились на улицу. Клевацкий было рванулся за ними, но тут же снова упал — его правая лапа запуталась в нитке, к которой с другой стороны была привязана массивная гайка. Теперь клевацкий мог передвигаться только мелкими шажками, и от него свободно мог убежать не только Никита, но и маленький Тарасик.

Такие, совсем не опасные убегалки понравились детям и хрюшам, и они принялись носиться по двору как оглашенные.

А часы тем временем быстро добежали до цифры «десять»! Тут Никита спохватился, крикнул: «Неуломимые мстители!» и бросился к сельскому клубу со всех ног, будто за ним гнались пять клевацких петухов (без стальных гаек на лапах).

К счастью, перед кино взрослым показывали ещё журнал из скучных и непонятных документальных фильмов про железные станки, гонку вооружений (без самой, как это ни странно, гонки на машинах или лошадях), загадочный капитальный мир с худыми измождёнными жителями... Так что хрюшата и дети вполне успели на фильм и даже прихватили по пути с полянки несколько земляничинок.

А злой клевацкий петух остался бродить по двору. Правда, в глубине души он и сам был рад, что его обуздали. В конце концов ему теперь не нужно было бегать за вёрткими детьми, отстаивая свою честь перед курицами, или по тем же соображениям, бросаться на Егора, или, что ещё хуже, на мужиков в тяжёлых кирзовых сапогах. Неспешный способ передвижения навёл его на философский лад, характер его исправился, и через год с совсем обузданного петуха тётя Пётрона сняла хрюшиный браслет — тяжёлую стальную гайку.

БОЯТЬСЯ НАДО БОЯТЬСЯ

Или хотя бы так: бояться надо, когда надо.

Теперь-то хрюши это знают. А раньше, когда Коля збунтовался — ужас что было!

Началось все с того, что самый маленький хрюшонок Коля выплюнул соску. Соска шлепнулась на пол и крутанулась на месте, будто охотничий пёс, потерявший след.

Доктор Ковбасюк, который как раз проходил мимо, подхватил соску с пола, машинально сполоснул её под умывальником и сунул обратно Коле.

Коля в задумчивости пожевал соску и сделал губами так:

— Бр-рюм-бум-бум...

Соска снова покатила по полу прямо под ноги Казе-Базе, который как раз в это время бежал на улицу гонять кузнечиков. Казя-Базя нечаянно наступил на мокрую соску, поскользнулся и брякнулся что было силы прямо на ящик с Колиными игрушками.

— Ой, Коленька, прости, — сказал он и, сполоснув соску под умывальником, ткнул её обратно Коле.

— Бр-рюм-бум-бум, — сказал Коля, очевидно, изображая мотоцикл в действии, и выплюнул соску снова.

Доктор Ковбасюк поднял соску, вытер её о рукав и внимательно рассмотрел. Соска как соска. Доктор Ковбасюк сунул её к себе в рот и причмокнул. Вкусная соска! Сладкая!

— Бр-рюм-бум-бум... — сказал Коля, как только ему опять сунули соску.

Вокруг стояли уже десять хрюшей, и каждый, в очередной раз сполоснув соску под умывальником, совал её Коле. Но соска вылетала из него, будто мокрая вишнёвая косточка из-под пальцев.

Это было непонятно, а потому страшно.

Доктор Ковбасюк вытащил из ящика любимую Колину игрушку — синий паровозик с красными колёсами. Коля взял паровозик, швырнул его на пол и как-то гнусненько захихикал.

— Чего это, братцы? — испуганно спросил Казя-Базя. Может, он заболел? Может, у нас тут эпимедия?

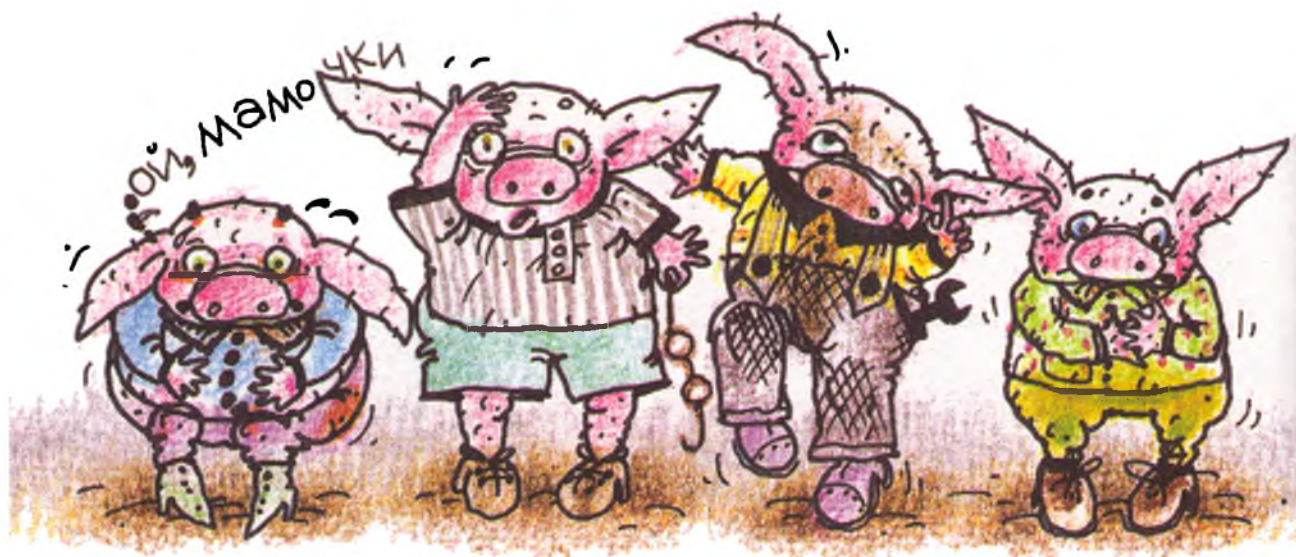
— Эпидемия, — авторитетно заявил Две Дырочки, поправляя очки. — Но эпидемия бывает, когда все кругом болеют, а у нас только Коля. Хотя, если вирус распространяется...

— Ой, мамочки, — прошептал мнительный Тилёпа, — а я, кажется, уже того, распространился...

Он схватился за живот обеими лапочками, сел на корточки и закусил губу.

Тут Две Дырочки почувствовал, что и у него тоже что-то где-то, кажется, болит. Он снял свои очки, протёр носовым платочком стёклышки, потом снова водрузил их на пятачок. Он не ошибся. Болела голова — всё явственней и явственней.

Эпидемия распространялась с ужасающей быстротой. В последующие две минуты у Копчёного начало постреливать в ухе, у Кази-Бази заныло сердце, а доктору Ковбасюку ужасно захотелось колбасы сорта «докторская», из-за которой он, кстати, и получил свое прозвище.

— Чего же теперь делать? — упавшим голосом спросил Казя-Базя.

— Лечиться надо, — заявил Две Дырочки, потирая виски лапочками, — у доктора.

— Слышь, Ковбасюк, — толкнул друга Казя-Базя, — ты у нас доктор. Лечи.

Хрюши тут же оживились и сгрудились вокруг доктора Ковбасюка.

— Я же не доктор! — пытался отбрыкиваться Ковбасюк. — Вернее, конечно же, доктор, но не тот доктор! Нет, вернее, я тот доктор, но...

— Ты, Ковбасюк, это брось, — сердито буркнул Казя-Базя. — Лечи, пока не поздно.

Ковбасюк развёл лапочками, будто хотел сказать, что в таком случае он ни за что не ручается, и согласился стать доктором.

Общими усилиями Ковбасюку оборудовали кабинет для приёма и на-
малевали на дверях красный крест. Ковбасюку нашли белый халат и белую
панамку, усадили его за стол и сказали: «Ну, начинай».

Доктор Ковбасюк почесал за ухом и крикнул в коридор:

— Пусть зайдёт больной!

В кабинет протиснулся Казя-Базя.

— Вас как зовут, больной? — спросил доктор Ковбасюк.

Смутившийся вдруг Казя-Базя с удивлением посмотрел на друга и
открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Ковбасюк его перебил.

— Я повторяю свой вопрос, — сказал доктор Ковбасюк, помахивая
перед пяточком своего друга резиновым молоточком, — как ваше имя,
больной? Вы сомневаетесь? Почему? Может быть, у вас провал в памяти?

— Я это, — оробел Казя-Базя, — Казя-Базя.

— Поня-ятно, — протянул Ковбасюк, сдвигая панамку на затылок, —
гумание заторможенное. Садитесь, больной.

Казя-Базя присел на краешек стула и положил ладошки на колени.

— Высуньте язык и скажите «а»! — скомандовал Ковбасюк.

— Зачем это? — насторожился Казя-Базя.

— Не ваше дело, — отрезал Ковбасюк, входя в роль строгого доктора.

— А-а-а, — сказал Казя-Базя, рассматривая кончик своего языка, —
э-э-э...

— Дальше не надо, — остановил его Ковбасюк. — Что беспокоит?

— Сердце... — таинственным шёпотом сообщил больной.

— А где у нас сердце? — как бы ни к кому не обращаясь, спросил
доктор.

— Слева, — ответил Казя-Базя.

— Подойдите ко мне, — распорядился доктор Ковбасюк и, приложив
своё левое ухо к правому плечу Казя-Бази, стал внимательно слушать.

Наконец он оторвался от этого увлекательного занятия и изрёк:

— Всё в порядке. У вас нет сердца.

— Как это нет?! — возмутился Казя-Базя. — Когда я сюда заходил,
было!

— Что ж вы думаете, — рассердился доктор Ковбасюк, — я его себе
взял?

Тут Казя-Базя приставил своё левое ухо к правой, а не левой стороне
груди, где у Ковбасюка действительно находилось сердце. Он долго и вни-
мательно слушал и согласился:

— Да, у тебя тоже нет сердца.

— Значит, так и должно быть, — подвёл итог доктор Ковбасюк. — Вы
свободны. Следующий!

Следующим в кабинет зашёл Две Дырочки.

— Что у вас? — спросил Ковбасюк.

— Голова, — пожал плечами Две Дырочки.

— Я вижу, что голова, — нетерпеливо заёрзал на стуле доктор Ковбасюк, которому уже давно хотелось чего-нибудь перекусить. — А болит-то у вас что? Ну, там... в голове...

— Мозги, наверное, — предположил Две Дырочки.

— Надо выпить талбетку, — решил доктор.

— Не талбетку, а таблетку, — поправил Ковбасюка Две Дырочки.

— Как сказал, так и выпьете! — рассердился Ковбасюк. — Здесь кто доктор — я или ты?

— Ты такой же доктор, — вскипел Две Дырочки, — как я... как я... даже диагноз...

— Это я диагнос?! — закричал доктор Ковбасюк и хлопнул своей панамкой о стол. — Нет, я так не играю!

В комнату вбежали хрюши, которые еще не успели полечиться, и стали уговаривать доктора Ковбасюка продолжить прием.

— Нет, я так не играю! — твердил доктор Ковбасюк. — Пусть вас Две Дырочки лечит, он у нас умный.

Пришлось хрюшонка Две Дырочки живо выпроводить из кабинета, и только тогда прием был продолжен.

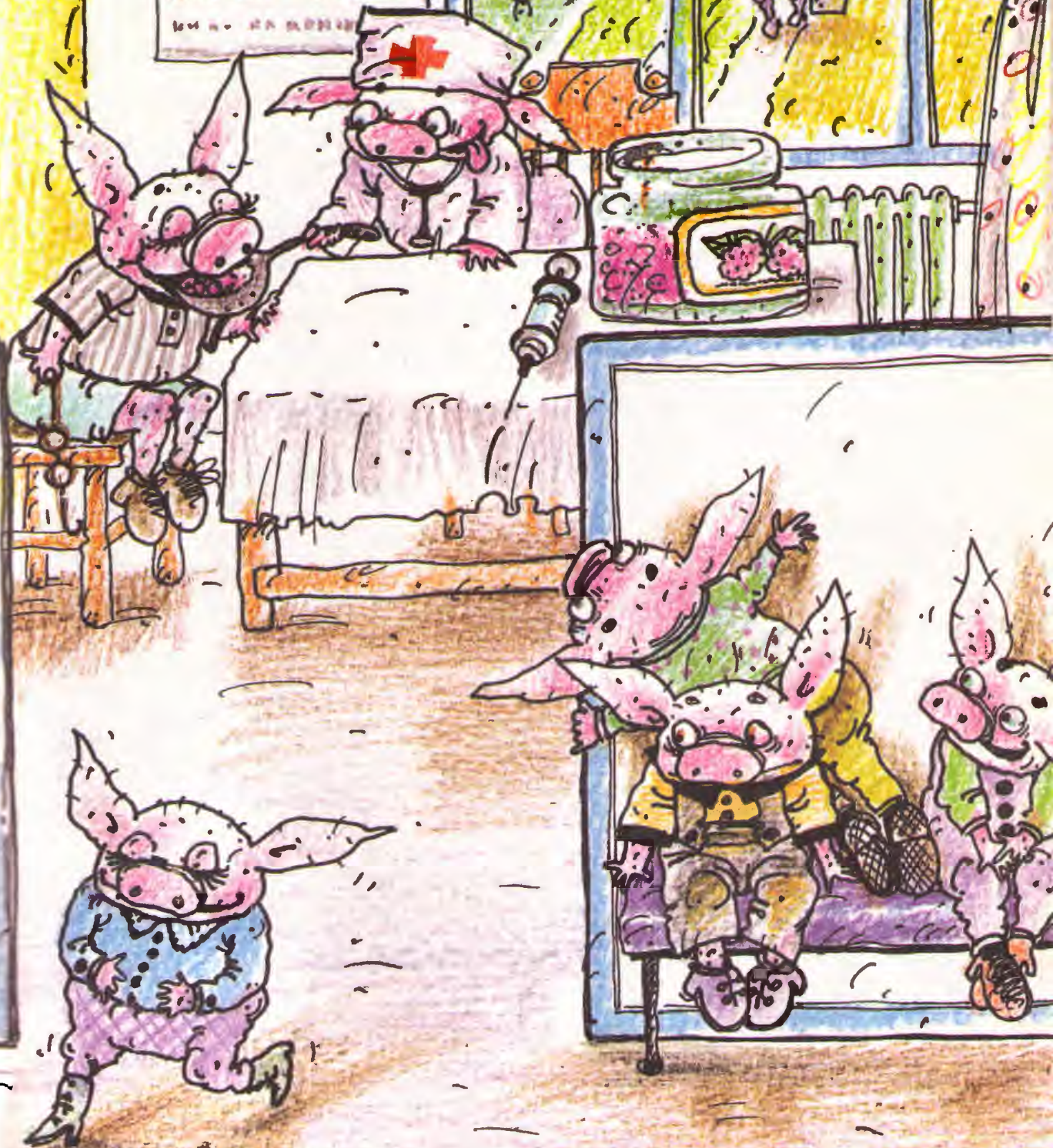
Доктор Ковбасюк поставил ещё десяток диагнозов (хоть он и не знал, что это такое) и нашел универсальное средство от всех болезней. Он притащил из кладовой здоровущую банку варенья (для внутреннего пользования) и каждому пациенту тут же прописывал по три ложки. Такой способ лечения ни у кого не вызвал возражения, и, что самое удивительное, лекарство действовало почти мгновенно. За какой-то час доктор Ковбасюк окончательно расправился с эпидемией среди хрюшей и уже готовился закрыть кабинет, как вспомнил, что он совсем забыл о хрюшонке Коле!

Доктор Ковбасюк в страшном волнении обежал весь домик, но странное дело — Коли нигде не было! Тогда Ковбасюк в своём развевающемся от ветра белом халате «облетел» полянку, где выздоровевшие хрюши играли в «ручеек». Коли не было. Ковбасюк забежал за угол дома и увидел, что на клубничных грядках кто-то копошится. Это был преобразившийся, повзрослевший Коля. Своим совочком он рыхлил землю вокруг кустиков, подсыпал питательный для корней торф и поливал лунки из ведёрка.

Доктор Ковбасюк вздохнул и побрел прятать Колину соску на склад.

АМ
ХРЮ ПЧ
ЕЛЫ ПЖИКО
НОВ КРАЯ КОМ
ИМ - КА ДОНИ

КАК ХРЮШИ ГРИБЫ ЛОВИЛИ, А ПОТОМ ИХ ДЕЛИЛИ

Никогда не знаешь, где найдёшь гриб. То целый день мотаешься по лесу, заглядываешь под каждую кочку, под каждую ёлку, вымокнешь весь, как промокашка, а толку — чуть: так ни одного гриба в корзинку не поймает. А то идешь в городе, в кино, например, и глядь, прямо из асфальта пробивается целая семья сочных шампиньонов. А у тебя в руках ни корзинки, ни авоськи — вот жалость-то!

Это всё потому, что грибы ужасно хитрые. Факт. Они когда кого-нибудь видят, тут же прячутся, да так ловко, что в жизни их не сыщешь. Но уж если ты первым заметил гриб, он стоит как вкопанный и никуда уже деться не может.

Примерно в таком ключе вели разговор трое хрюшат — Казя-Базя, Тилёпа и Две Дырочки, отправившись как-то утром пострелять грибов.

В лапочках каждый из них нёс огромное лукошко, потому что и Казя-Базя, и Тилёпа, и Две Дырочки были уверены, что, зная привычки грибов, наловят их сколько душа пожелает. Правда, метод охоты у каждого хрюшонка был свой.

На границе леса Казя-Базя с таинственным видом снял свои резиновые сапоги и на цыпочках пошёл по мягкому мху, зорко вглядываясь вдаль.

Тилёпа, прицепив на шляпу не-
мало веточек, чтобы походить
больше на зелёный кустик, чем на
толстого хрюшонка, пополз вперёд
по-пластунски.

Две Дырочки прикинулся ко-
ровой — встал на четвереньки
и, громко мукая, болтая головой,
побежал по тропинке. Две Ды-
рочки рассчитывал на то, что
коровы не едят грибов, и потому
грибы не должны их бояться.

Но хитрые грибы уже давным-давно заметили глупеньких хрюшат. Древесный гриб, который когда-то прилепился к молоденькой сосенке и со временем вырос до весьма высокого положения, увидел их еще на подходах к лесу. Он свистнул условным свистом вниз, и грибы, бывшие поблизости, с весёлым визгом бросились врассыпную. Подберёзовики в красных шляпках, волнушки в волнительных кружевных воротничках, благородные белые грибы и даже сомнительные свинушки припустили, что есть мочи прочь от опасного места. Только смертельно опасные для человеческого и хрюшиного организма бледные поганки да мухоморы не двинулись ни на шаг. К счастью, Тилёпа, наученный ядёнкой Морщом различать лесные растения, не поддавался на прово-
аацию, и ни одного ядовитого гриба хрюшата не взяли.

Однако обычные грибы тем временем им не попадались.

Первому повезло Казе-Базе. Он увидел бьющийся в липкой, будто пролитое на пол варенье, паутине белого гриба, и тут же накрыл его своей кепкой.

Тилёпа поймал парочку закемаривших на солнце волнушек.

Потом снова Казя-Базя схватил рыжик, который из любопытства решил подобраться поближе и хоть одним глазком взглянуть на неожиданных визитёров. Но вышло так, что первым рыжика заметил Казя-Базя, и теперь незадачливый следопыт сидел в корзинке и соображал, как бы оттуда выбраться.

Под конец отличился Две Дырочки. В густых можжевельниковых зарослях он разыскал ленивого подберёзовика, которому было слишком неохота сниматься с насиженного места, за что он и попал в лукошко.

Больше хрюши, как ни пыхтели, как ни ворошили листики, как ни заглядывали под кустики, ничего не нашли.

Они вышли все вместе на опушку и, как и договаривались, решили разделить все пойманные грибы поровну.

Дележку поручили произвести хрюшонку Две Дырочки, так как он выродился из свиноматки, выращиваемой в подсобном хозяйстве при одном кибернетическом институте, а потому худо-бедно умел считать.

Две Дырочки расстелил на травке чистый платочек (он был чистюля, наверное, потому, что все ученые в работориях ходят в белоснежных халатах).

— Один, — сказал Две Дырочки, выкладывая из лукошка белый гриб, — два, три, — на землю посыпались снулые волнушки, — четыре, — к ним присоединился рыжик, — пять, — закончил он счет подберезовиком.

— Теперь, — сказал Две Дырочки, — надо посчитать, сколько нас. — Раз, два, три...

— И неправильно ты всё считаешь, — вмешался Казя-Базя. — Не так надо. Ты только себя и своих друзей посчитал — раз, два, три, раз, два, три... А почему моих друзей не вспомнил? А Тилёпиных?

— А сколько у тебя друзей? — озадаченно спросил Две Дырочки.

— Как сколько? — возмутился Казя-Базя. — Двое. Ты и Тилёпа. Ну, а я, конечно. Значит, три, правильно? А у тебя Тилёпа?

Тилёпа присел на корточки и задумался так глубоко, что на его лобике пролегла внушительная морщина. Потом сказал:

— У меня тоже три друга. Ты, Казя-Базя, ты, Две Дырочки, и я, Тилёпа.

— Ну вот, — подвёл итог Казя-Базя, — три да три, да три — сколько будет?

— Девять, — не задумываясь, ответил Две Дырочки. — Теперь, — продолжил он, — надо пять грибов разделить на девять хрюшат.

Две Дырочки взял прутик и на пыльной дорожке нарисовал им так:

Потом он немного постоял, что-то соображая, и носком сандалии стёр записанное.

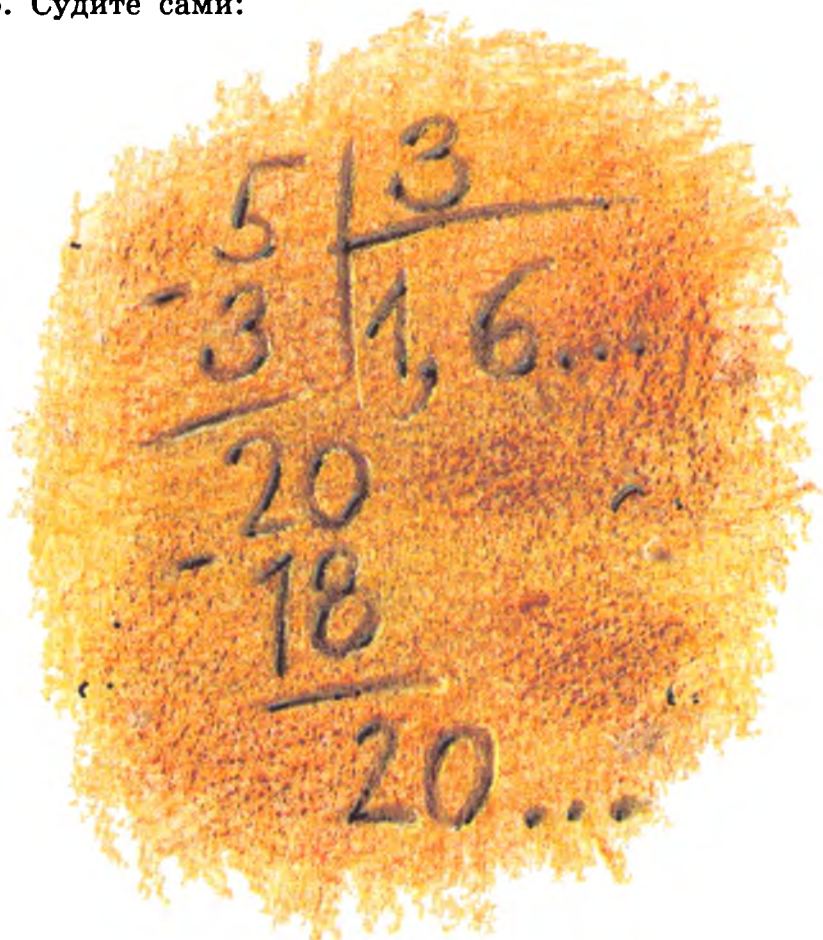
— Не делится, — пояснил он. — Наверное, надо девять хрюшей разделить на пять грибов. Вот так:

Тут Две Дырочки забормотал нечто вовсе несуразное:

— Берем по одному, получается пятью один — пять. Мало. Берем по два, пятью два равно десять. Много. Ничего не понимаю.

Конечно же, в решаемой задачке Две Дырочки допустил несколько ошибок. Во-первых, не надо было слушать путаника Казю-Базю и делить 5 грибов на 9 хрюшат. Во-вторых, Две Дырочки забыл, что есть числа, которые без остатка не делятся. Точно разделить 5 грибов на 3 хрюшонка невозможно. Судите сами:

Но хрюши до таких глубин алгебраической премудрости просто-напросто еще не доросли. Потому они в растерянности стояли на опушке и всё пытались разделить то 5 на 9, то 9 на 5. Пока они занимались этим головомолмным делом, грибы потихоньку соскользнули в густую траву и задали стрекача.

Так что делить теперь было нечего. Казя-Базя, Тилёпа выбрали свои лукошки и двинулись домой. Потом обернулись и вздохнули:

— Пошли, что ли ...математик!

Две Дырочки, который от обиды уже готов был разреветься, подхватил свою корзинку и бросился за друзьями.

МНОГО ХОРОШЕГО — ТОЖЕ МАЛО ХОРОШЕГО

Иногда бывает очень хорошо, но чего-то не хватает.

Вот почему зимой, под Новый год, хрюшам было немножечко грустно.

Утром, в последний день старого года, они вскочили с кроваток и, ёжась от холода, побежали к окну — посмотреть, не замёрзла ли речка. По крайней мере они так утверждали, хотя было ли это правдой, каждый может рассудить сам, зная, что уже месяц назад доктор Ковбасюк вместе с Казей-Базей катался по льду в эмалированном тазу (доктор Ковбасюк был ямщиком, а Казя-Базя лошадкой (с пучком хвоста, сделанного из мочала и заткнутого за хлястик осеннего пальто)).

Хрюши, подобрав свои тёпленькие ночные рубашечки, тыкались пятачками в холодное стекло, разрисованное искристыми веточками, продыхивали маленькие окошечки, и пока прилежный иней затягивал светлые кругляшки лёгкой кружевной каймой, любопытные хрюшиные глазки выглядывали на улицу.

За окном ветер гнал с сугроба на сугроб голубые снежинки, бело-зелёные лапы елей чуть покачивались, как будто хотели отшлёпать не в меру развеселившегося шалуна, солнце еле просвечивало сквозь дымчатое и подвижное серебро облаков.

И самое главное — ни на тропинке, ни у крыльца дома, ни даже на дальнем холме никого не было видно.

Хрюши глубоко вздохнули и вернулись к своим кроваткам. Будь ты хоть десять раз взрослым (а каждый хрюшонок себя таковым считал), будь ты папой, мамой, дедушкой или абсолютно самостоятельным, трезвомыслящим хрюшонком, все же очень хочется, чтобы и к тебе на Новый год пришёл Дед Мороз.

Но об этом у хрюшей не принято было говорить вслух — не то тебя поднимут на смех: кто же верит в детские сказки? Разве что маленький Коля...

Его-то и было жальче всех. Он ведь совсем-совсем не знал, кто такой Дед Мороз, какие замечательные подарки он приносит в ночь под Новый год.

Именно об этом и вели беседу доктор Ковбасюк и Казя-Базя, занимаясь заготовкой дров для камбуза (так, по-морскому, доктор Ковбасюк называл кухню).

Выглядело это так: доктор Ковбасюк выкатывал из дровяного склада дубовую чурку, а Казя-Базя что было силы шарахал по ней огромнейшим стальным колуном. Задачей доктора Ковбасюка в этот момент было увер-

нуться от разлетающихся поленьев и остаться в живых, а Казя-Базя должен был внимательно следить за тем, чтобы колун не просвистел мимо чурки и не унесся вместе с дровосеком в ближайший сугроб.

— И всё же у ребёнка должен быть праздник! — отдуваясь, сказал доктор Ковбасюк.

— Я тоже так думаю, — согласился с ним Казя-Базя, разваливая огромный дубовый пень на две половины.

— Но откуда же возьмётся этот Дед Мороз? — сам себя спросил доктор Ковбасюк и присел на полено отдохнуть.

— А мы его сами, — сделал неопределённый жест в воздухе Казя-Базя, — возьмём. Сделаем всем сюрприз.

Доктор Ковбасюк внимательно посмотрел на красную, с белым воротничком курточку Кази-Бази, мысленно нахлобучил ему на голову красную же шапку с блёстками, в одну лапку вложил посох, в другую — мешок с подарками и всё понял.

Вероятно, идея, пришедшая друзьям в голову, была неплоха, если бы о том же самом не задумались и Копчёный с Тилёпой, которые в тот день кухарили в камбузе, и Две Дырочки с Ухти-Тухти, которые наряжали ёлочку, и другие хрюшата...

Один только Коля ни о чем не догадывался — он сидел за столом и

вырезал из цветной бумаги новогодние фонарики и ни о каком Дед Морозе и не думал (ему и так было хорошо).

Именно в тот день в хрюшином домике начали происходить необыкновенные вещи — хрюшата парочками суетились и шушукались в укромных уголках, в чулане непостижимым образом пропали все обрезки красной фланели, а в аптечке — вата, бинты и белый лейкопластырь.

Как только в лесу спряталось солнце, и в доме на ёлочке зажглись цветные лампочки, хрюшата по-одному, незаметно стали выскальзывать из общей комнаты, где только что кипел украшательный процесс. С утра комната значительно изменилась — гирлянды из флажков крест-накрест пересекали зал, в углах мерцали фонарики, на стекле приклеились большие снежинки, вырезанные из ресторанных салфеток, а запах!.. Какой чудный новогодний запах шёл от зелёных острых иголок ёлки, от мандаринов и конфет, сложенных горкой на столе, где в гордом одиночестве сидел хрюшонок Коля и, высунув от старательности кончик языка, вырезал очередную снежинку.

Вдруг дверь, зловеще скрипнув, отворилась, и на пороге комнаты появилось нечто ужасное. Чудовище было в два хрюшиных роста, обряжено в какие-то обмотки всех оттенков красного цвета, вместо головы у него торчала оранжевая кастрюля в белый горошек, из-под которой безобразными клочками выпирала белая борода.

— Здравствуй, Коленька, — лстивым голосом пропел Казя-Базя, стараясь разглядеть хоть что-нибудь в узкой полоске света между своим подбородком и краем кастрюли, — я Дед Мороз, я тебе принёс подарок.

Коля от неожиданности выронил снежинку и ножницы и, не сводя глаз с чудища, медленно сполз со стула под стол.

— Не так надо! — зашипел доктор Ковбасюк, который стоял внизу, под Казей-Базей, и в отличие от него всё видел. — Испугал ребёнка! Это ты, Коля?! — грозным басом спросил он. — Я Дед Мороз, мне нужно вручить тебе подарок.

Доктор Ковбасюк дважды шагнул вперед, сделал величественный жест и, наступив на полу собственного Дед-Морозовского кафтана, зашатался и грохнулся вниз.

Не успел Казя-Базя, оглушенный звоном кастрюли по своей голове опомниться, как дверь снова отворилась, и в комнату вошло ещё более кошмарное существо. Оно было пониже и гораздо толще первого, но так же плохо ориентировалось в пространстве. Существо налетело на стул и обратилось к весело трещавшему огоньку в камине: «Здравствуй, Коленька, я Дед Мороз, я принёс...»

«... тебе подарки!» — быстро подхватило третье чудовище, обвешанное, будто пугало, пустыми консервными банками.

Из-под стола раздался отчаянный рёв
маленького Коли. Он крепко зажмурил глаза,
чтобы не видеть набившихся в комнату Дедов
Морозов, и вопил благим матом.

— Коля, эй, Коля! — позвал его Казя-Ба-
зя. — Не бойся, это же мы — хрюши!

Казя-Базя подбежал к чудищу, стоявшему у
камина, и, приподняв полу его рубища, сказал:

— Вот видишь, это же Тилёпа! А это, — он кивнул в сторону «пугала», — Две Дырочки, наверное.

— Это нечестно! — закричал Две Дырочки, перекрывая рёв Коли. — Мы тебя не выдавали!

— Ха-ха-ха! — театрально засмеялся Казя-Базя, — а тебя и выдавать не надо: ботинки, как всегда, перепутаны — левый вместо правого!

— Это так должно быть у Деда Мороза, — размахался руками Две Дырочки и опрокинул ёлку прямо в новогодний торт.

— Нет, не должно быть! — заспорил Казя-Базя. — У Деда Мороза вообще на ногах валенки, а не сандалии.

— А на голове кастрюля, да? — иронично вступило в разговор «пугало».

В общем, Коля ревел, хрюши, скинув свои тулупы, яростно спорили, ёлка лежала на столе, а до Нового года оставалось всего пять минут!

Из-за вспыхнувшей перебранки хрюши вначале и не услышали, как кто-то постучался к ним в окно — раз, другой, третий. Первым в окошко уставился маленький Коля и даже забыл закрыть рот. Вслед за ним повернулись к окну Казя-Базя, Тилёпа, Копчёный... За стеклом — в соболиной шапке и алом кафтане, с бородой, в которой запутались снежинки, с посохом, мешком, в бирюзовых сафьяновых сапогах стоял Дед Мороз. Настоящий, новогодний Дед Мороз с настоящими, новогодними подарками.

Хрюши, взвизгнув, кто в чем был ринулись на улицу. Последним, утирая на ходу слёзы, проковылял к двери маленький Коля.

Дед Мороз тем временем развязывал свой волшебный мешок и вынимал подарки — и Казе-Базе, и доктору Ковбасюку, и каждому другому хрюшонку свой, именной подарок. А маленького Колю он, кроме того, взял на руки и несколько раз подкинул вверх на вытянутых руках, отчего Коля зашёлся ужасно заразительным смехом. Тут и другие хрюшата стали хохотать, подталкивать друг друга под бочок, кидаться снежками, «намыливать» щёчки снегом и валяться в пушистых сугробах... За всей этой весёлой возней никто и не заметил, как Дед Мороз потихоньку зашел за угол дома и скрылся в лесу.

Если бы ночью не разразился обильный снегопад, утром хрюши по цепочке следов Деда Мороза могли бы добраться прямиком до домика дяденьки Морща. Впрочем, в этом не было бы ничего удивительного. Наверное, Дед Мороз под Новый год приходит и ко взрослым...

ВСЁ ОТТОГО, ЧТО У НАС С ПЬЯНСТВОМ НЕ БОРЮЦА И ДОРОГИ ПЛОХИЕ

Сразу после новогодних праздников шофёр дядя Миша Капелькин отправился в рейс. По дороге он заехал на бензоколонку к своему большому (больше двух метров) другу дяде Лёше Лешакову. Дядя Лёша очень обрадовался дяде Мише и, вывесив в окошечке бензоколонки таблички: «БИНЗИН В НАЛИЧИИ ОТСУТСТВУЕТ», «ПО ТЕХНИЧЕСКИМ ПРИЧИНАМ СОНИТАРНЫЙ ЧАС», «ПИРЕУЧЕТ ЗАКРЫТО», тут же вынул из шкафчика бутылку портвейна розового полусладкого номер восемнадцать и предложил:

— Ну что — по маленькой?

— Не, — мотнул головой дядя Миша, — всё, завязал, больше не пью.

И дядя Миша рассказал дяде Лёше, как прошлой весной, будучи в подпитом состоянии, он потерял где-то на дороге несколько ящиков, за что чуть не вылетел из гаража.

— А без машины-то мне куда? — оправдывался дядя Миша, видя разочарование своего друга. — Мне без машины, что моряку без парохода! Вот и пришлось бросить пить! Новый год с лимонадом встречал!

— Может, хоть пивка? — просительно заглянул в глаза дяде Мише дядя Лёша.

— Разве что полстаканчика... — сдался дядя Лёша. — Пиво, оно вроде не совсем того...

Вернувшись к своим непосредственным трудовым обязанностям, дядя Миша простился с дядей Лёшей, разогрел мотор своего «Зила» и отправился в путь.

На улице начиналась метель. Белые сугробы, словно волны холодного студеного океана, неслись мимо машины. Ветер швырял в окно комья снега, похожие на клочковатую морскую пену. Всё кругом дышало океанскими просторами — и даже скрип какого-то плохо пригнанного болта напоминал дяде Мише почему-то не о том, что надо заехать в мастерскую и подтянуть гайку, а о криках альбатросов — скитальцев морей.

Вдруг за одним из поворотов среди снежных заносов дядя Миша увидел весьма странную картину. Там, где ещё совсем недавно не было ничего, кроме симпатичной придорожной поляны, стояло какое-то удивительное сооружение, напоминающее и жилой многоквартирный дом, и рыцарский замок, и избу на-курых-ножках одновременно. Из нескольких труб, венчающих это чудо архитектуры, словно из труб эскадренного крейсера, залил густой дым. Рядом — хохоча и забрасывая друг друга снежками,

резвились какие-то необыкновенные существа, закутанные в шубки и шарфики. Дядя Миша успел заметить, что трое из них водружают на голову снеговика маленькую кастрюльку, еще четверо увлечённо строят снежную крепость, как вдруг его «Зил» влетел правым задним колесом в огромную ухабину, полузанесённую снегом.

Дядя Миша чертыхнулся, глянул вперёд на дорогу, сбросил скорость и снова повернул голову к диковинной картинке. Но среди густых хлопьев плотно повалившего снега не было заметно и намека на какой-то домик, а тем более на загадочных существ.

Дядя Миша с досадой хмыкнул, сдвинул шапку на затылок, вытер ладонью пот со лба и решил, что и с пивом пора завязывать тоже.

Ведь всё оттого, что у нас с пьянством не борюцца и дороги плохие...

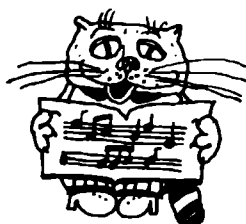

САГА

Эксперимент

100

*ПЕСНЬ 1 (прелюдия), в которой один
маленький лемминг входит в
большую жизнь*

Лемминг-младший проснулся за секунду до того, как загремели водяные часы. Он приоткрыл один глаз (другой ещё спал) и увидел, что к нему осторожно, на цыпочках подходит лемминг-папа.

— Лемс, вставай! — сказал глава семейства леммингов и хотел было протянуть руку, чтобы потрясти за плечо сына, но тот, как пуля из ружбайса, уже вылетел из постели.

Лемминг-папа вынул из нагрудного кармана пижамы свои очки, водрузил их на нос и с удивлением воззрился на сына. Вместо фланелевой ночной пижамы на Лемсе были надеты ватные штаны, толстый шерстяной свитер и носки с подкладкой на заячьем меху.

— Я сейчас! Я уже почти одет! — пискнул Лемс и, как тролль, сзывающий мёртвых духов, запрыгал на одной ноге, пытаясь другой попасть в штанину тёплого полярного комбинезона.

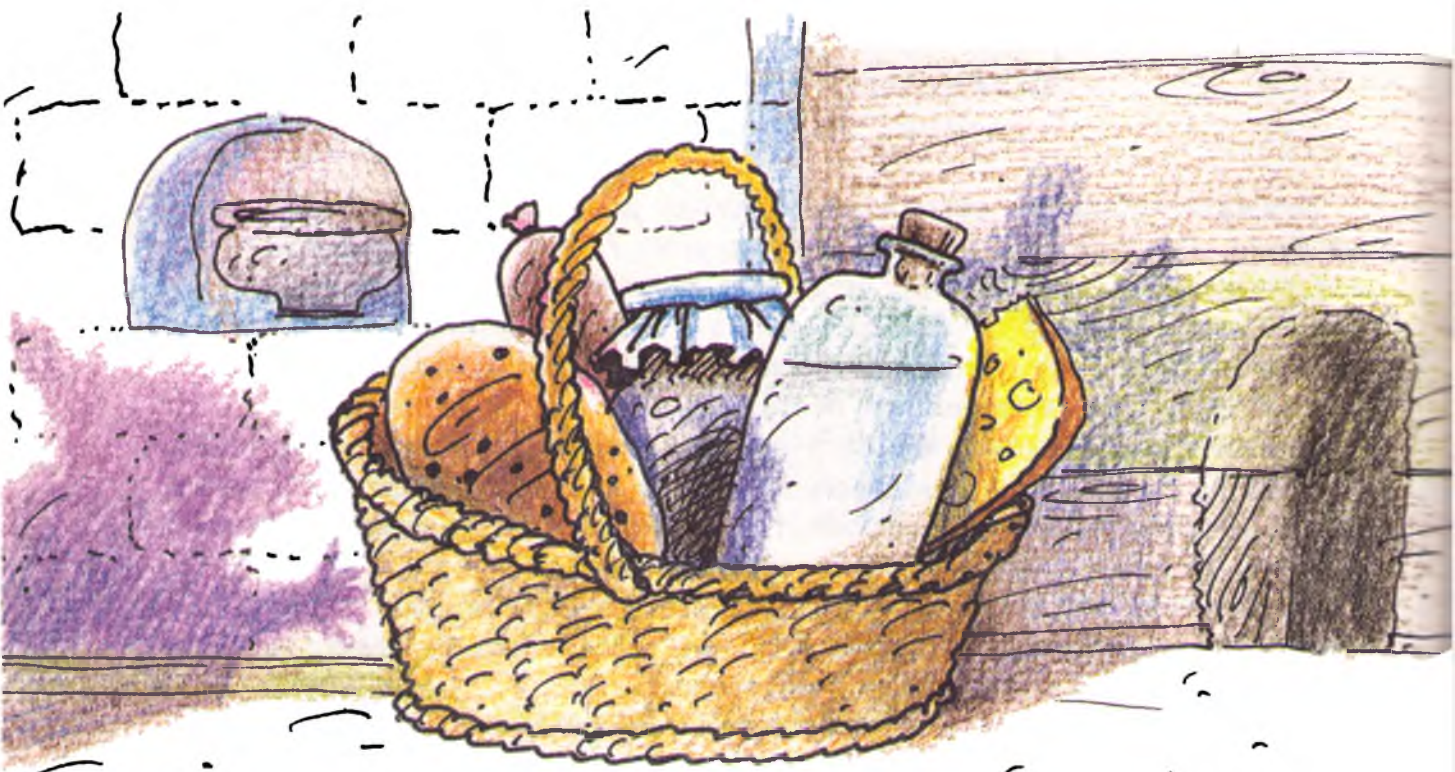
— Лемс! Положи на место куртку! — распорядился лемминг-папа. — Перед дорогой сначала нужно поесть.

Лемминг-папа подобрал с пола свой хвост, заправил его за пояс, потрепал Лемса за мягкие уши и заковывал на кухню.

Так начался полный приключений и опасностей первый самостоятельный рабочий день Лемса.

Лемс, как было сказано выше, был леммингом. Как и все лемминги, жил он в Лемландии, на одном из хуторов. Хутор их семьи назывался Гранитный, поскольку располагался внутри огромного валуна, который появился в Лемландии ещё в Великую Ледовую Эпоху. Многочисленные предки Лемса прорубили в камне коридоры, комнаты и залы, хозяйственные помещения, окна (замаскированные теперь лишайником) и запасные потайные ходы. Как и следовало ожидать, несколько десятков лет назад, рядом с Гранитным появились люди и не без тайной помощи леммингов выстроили себе усадьбу Пухелин.

Люди (за исключением детей) о существовании леммингов достоверно не знали, но догадывались. Ведь именно лемминги крутят жернова мельницы, направляют лошадь по борозде, вытаскивают сети с рыбой на берег... По крайней мере так казалось самим леммингам, а для них этого было совершенно достаточно, чтобы каждый вечер с чистой совестью забирать в Гранитный флягу молока, краюху хлеба и другое варево, жарено и печиво, что подавалось к столу в усадьбе Пухелин. Ставилось всё это для леммингов в особое место у печи, и Лемс очень

любил бегать зимой за продуктами по горячим, прогретым плитой потайным ходам. Как бывало здорово, дождавшись, пока хозяйка отвернётся к окну, сгрести в охапку корзину с едой и уже в коридоре услышать лемландскую поговорку, сказанную хозяйкой усадьбы Анне: «Лемминг с едой из дома — счастье с удачей в дом!»

Так, в дружбе, семейство леммингов из Гранитного и семейство Олилла из Пухелина жили не один год. Лемминг-папа, урождённый Лемпа, незаметно помогал хозяину Пухелина Иохану в земледельческих, охотничьих и рыболовных делах; лемминг-мама, урожденная Лемма, незримо руководила действиями Анне на кухне и в огороде; и только Лемсу разрешалось играть и показываться на глаза Олилла-младшему, которого звали Юри, чтобы он в самое неподходящее время не путался под ногами у взрослых. Часто Юри, сидя за столом и безбожно растягивая время ужина, чтобы не идти спать, рассказывал о своих похождениях и о Лемсе, но ему, естественно, никто из взрослых не верил.

Такое справедливое распределение обязанностей продолжалось бы и дальше, но непредвиденное обстоятельство нарушило плавный ход жизни хутора Гранитный.

Как-то утром Лемпа пошёл на огород накопать из-под снега свежей клюквы и провалился в большую яму, вырытую землеройкой, проснувшейся в неурочный час до окончания полярной ночи. Лемпа кубарем скатился в яму, сильно ушиб голову своей же лопатой, но — самое главное — растянул связки на лапе. Опираясь на черенок лопаты, он насили выкарабкался из ловушки и доковылял до дома. А ведь на следующее утро ему предстояло ехать вместе с Иоханом за рыбой на озеро! Отговорить Иохана от работы каким-то косвенным образом не было времени (уж очень он был упрям). Оставлять же хозяина Пухелина без присмотра в таком опасном деле, как ловля рыбы на весеннем льду, тоже не хотелось. Заменить лемминг-старшего в этой ситуации мог только его сын. Так для маленького Лемса пробил звёздный час, вместе с которым кончилось его безоблачное детство и настала жизнь, полная опасностей и приключений.

ПЕСНЬ 2 (героическая), в которой Лемс совершает два подвига, за один из которых его похвалят, а за другой — не очень

Лемс выскочил на улицу, спугнул пару рябчиков и длинными прыжками побежал к Пухелину. Настроение у него было отличное. Слёту перемахивая через низенькие кочки, Лемс громко хлопал своими кожаными рукавицами и мурлыкал себе под нос старинную лемминговскую песенку:

**Эни-бени, лики-паки,
Турбо-урбо, энерваки,
Бом-бом, бачмадон —
Бац!!!**

Пропищав своё победное «бац!!!», Лемс нырнул в чёрную дыру потайного хода и вприпрыжку, но на этот раз на цыпочках, понёсся по знакомым коридорам. Плесень на стенах и белёсые от недостатка света пучки мха вскоре оказались позади, заметно потеплело, и Лемс оказался в самом сердце горячей печи. Лемс выглянул из трещины в стене и увидел, что корзинка с румяными булочками, бутылкой молока и куском сыра для хутора Гранитный уже стоит на своём месте. Но сегодня за ней должна была прийти Лемма. У Лемса были дела поважнее! Он убедился, что Иохан, позёывая, ещё только садится за стол завтракать, и помчался в хлев.

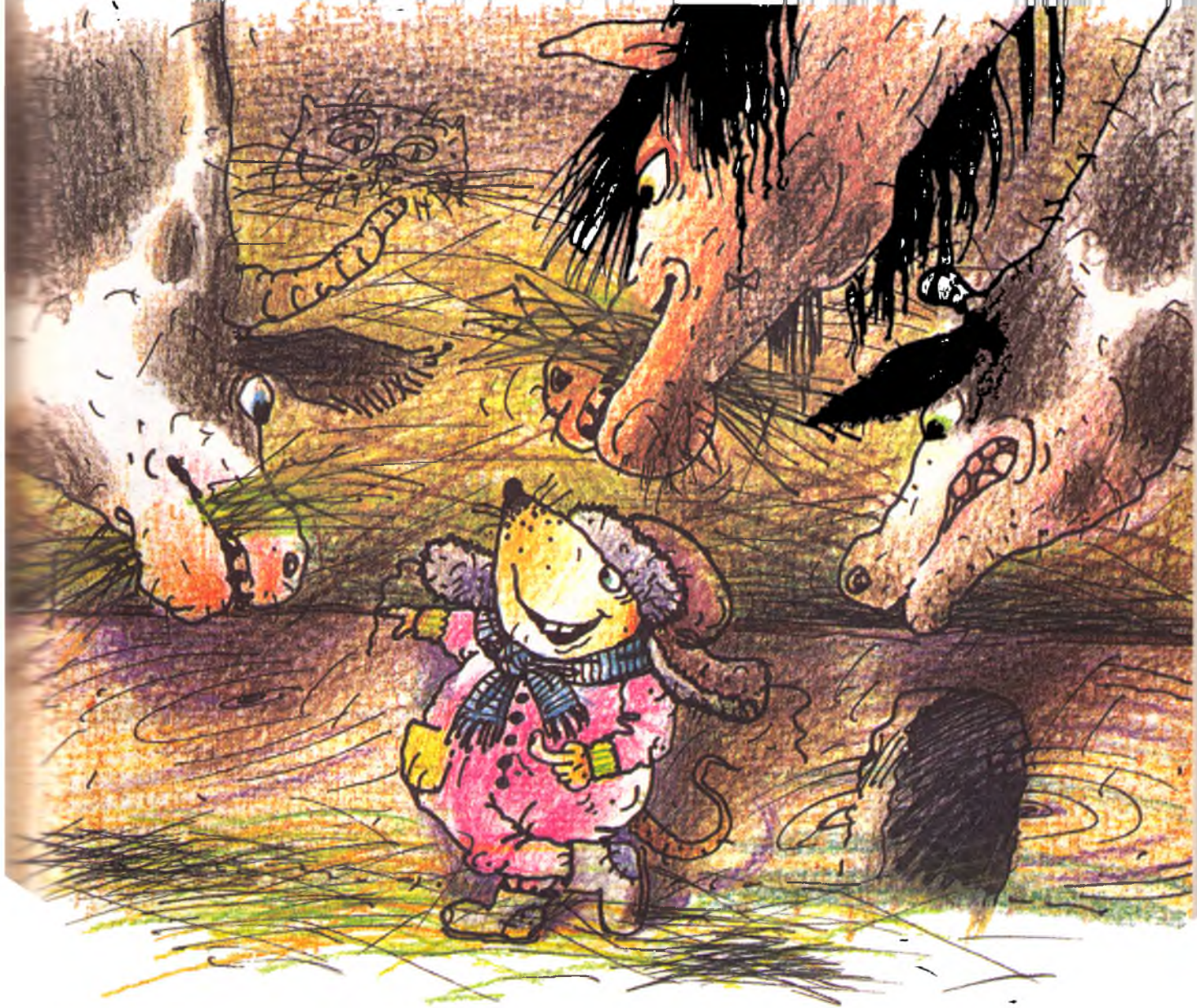
Как только Лемс почувствовал запах перепрелой соломы и услышал ласковое сытое мычание, он перестал таиться. Кобыла Эни и корова Вейле с телятком Эриком были его старыми знакомыми.

Лемс выскочил из земляной норки за кучей сена и, заглянув в ясли, подхватил со дна одну овсину. Хрустя зёрнышком, Лемс поздоровался с обитателями хлева:

— Здравствуйте, госпожа Вейле! Хрум-хрум. Здравствуйте, госпожа Эни! Хрум. Хрум. Здравствуйте, господин Эрик! Хрум-хрум-хрум.

— Как дела, Лемс? — добродушно откликнулась корова. — Всё ли у тебя в порядке дома?

— Всё в порядке! — беспечно заявил Лемс. — Только папа упал вчера в яму (хрум-хрум) и подвернул себе ногу (хрум), а мама утром вместо подсолнечного масла вылила на сковородку бутылку одухолона (хрум-хрум-хрум).

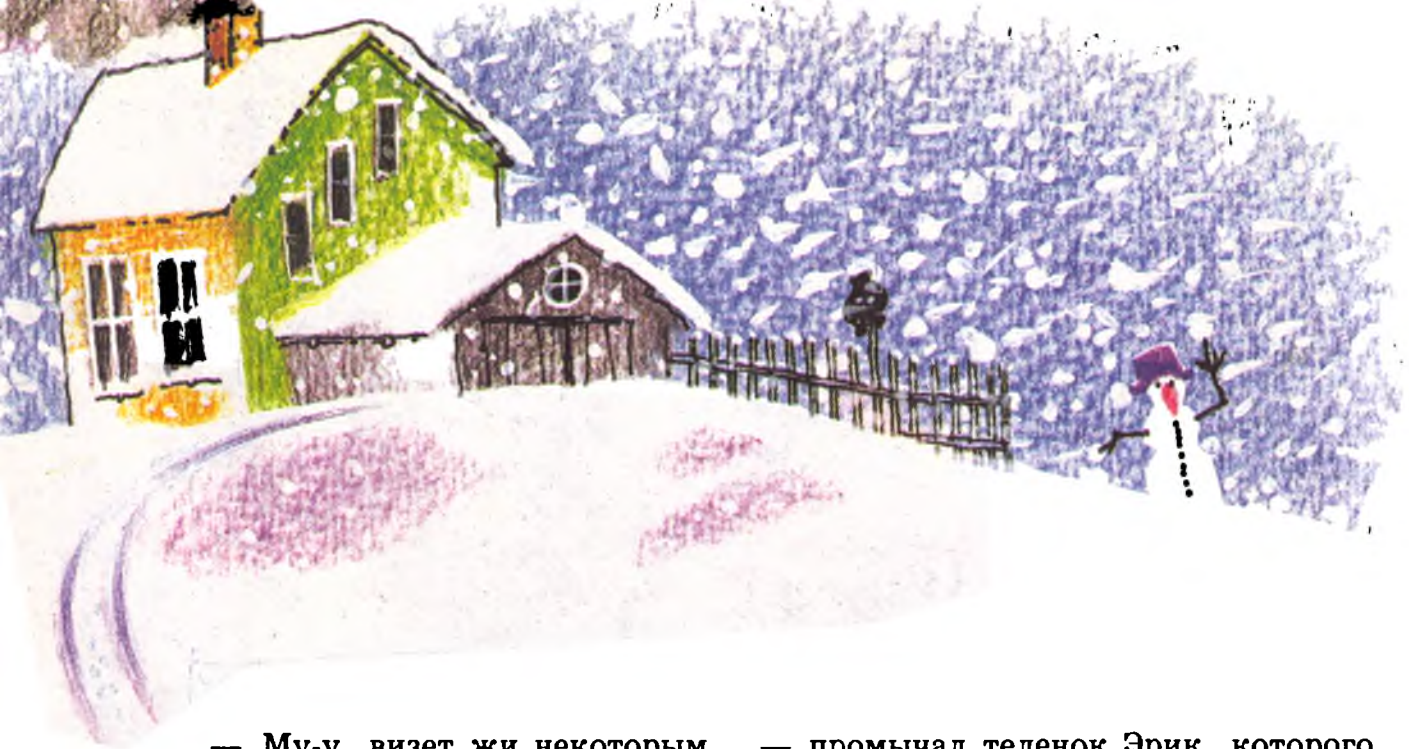

— Как?! — вскинула ресницы кобыла Эни. — Разве старый Лемпа не поедет сегодня с Иоханом на рыбалку? Иохан же такой рассеянный — за ним глаз да глаз нужен! Вот на днях, например, собрались мы в лес за дровами. Так он, поверите ли, спросонья вместо меня на госпожу Вейле хомут напялил! Так бы корову в сани и запряг, да я вовремя заржала...

— Я прослежу за Иоханом, — как можно небрежнее обронил Лемс.

— Что?! — вскрикнули одновременно Вейле и Эни. — Да где ж это видано, чтобы несовершеннолетний лемминг за взрослым человеком приглядывал?

— Какой есть, — буркнул Лемс, обиженный на то, что его здесь держат за малявку, — других в хуторе Гранитном нет. Тем более мне Лемпа сам поручил сегодня на работу ехать.

— Му-у, визет жи некоторым... — промычал теленок Эрик, которого воспитывали, как маленького, сразу две строгие дамы — Вейле и Эни. — На азёра паедешь...

Лемс ничего не ответил. Он внимательно осматривал упряжь, оглобли и сани.

Корова и лошадь не спускали с него глаз, надеясь уловить в его действиях какую-нибудь ошибку и показать, кто здесь взрослый, а кто несмышленый маленький лемминг.

Но Лемс всё делал правильно. Еще бы! Уже целых два года, вместо того чтобы валяться по утрам в постели, он наблюдал за тем, как готовил инвентарь к работе Лемпа. Мама, с утра занятая возней со своими шкаффингами, сковородсами и ведрлами, не замечала, что сын тратит на хождение за продуктами в хутор Пухелин времени чуть ли не в пять раз больше, чем это необходимо на самом деле. Зато теперь, когда неожиданное происшествие вывело папу из строя, Лемс оказался на высоте!

— Госпожа Эни, — обратился Лемс к кобыле, — будьте добры, покажите мне ваши копыта.

Лошадь неохотно повиновалась. Все подковы были на месте и держались крепко.

Ворота хлева тихонько скрипнули, и едва Лемс успел спрятаться за мешки с овсом, как на лошадь легла тень Иохана. Бурча что-то себе под нос насчёт промозглой погоды, в которую хороший хозяин и собаку на улицу не выгонит, Иохан стал надевать на лошадь хомут. Пока он возился с упряжью, Лемс забрался в деревянные сани и затаился в большой, облюбленной ещё Лемпой, трещине.

Иохан, по привычке стелая и причитая, хотя на самом деле у него было отличное настроение, вывел Эни с саниами во двор, нагнулся было, чтобы проверить у кобылы копыта, да махнув рукой, проворчал: «Лемминг в доме — подковы на месте» и дал лошади знак трогаться.

Эни пошла вперед неторопливой поступью.

На улице было прохладно и сыро — резкий ветер шершавой ладонью тербил Лемса за уши; Эни, отфыркиваясь, выдыхала целые облака пара; Иохан, завернувшись в медвежью шкуру, потягивал из бутылки, оплетённой соломой, крепкую водку.

Иохан — не то чтобы пьяница, но и не то чтобы трезвенник, любил иногда, как он выражался, «нырнуть за воротник». Его жена Анне этого увлечения никак не одобряла, вот и приходилось хозяину хутора Пухелин припрятывать спиртное в хлеву и прикладываться к бутылке во время недолгих перерывов в работе.

Лемс со своего места с интересом следил за быстро убывающим содержанием бутылки, за носом Иохана, который с каждым глотком, будто простыня на фоне заката, менял свой цвет, становясь то розовым, то красным, то бордовым, а то и фиолетовым. Лемс знал, что и папаша Лемпа по праздникам тоже непрочь пропустить рюмлю-другую этого напитка, но сам его ещё никогда не пробовал.

Лемс вздохнул, отвернулся от заинтересовавшей его бутылки и выглянул из повозки. Широкий язык дороги уже завёл их в лес. Тяжёлые, мокрые от остатков ноздреватого подтаявшего снега лапы елей покачивались в такт порывам ветра, будто приветствуя Эни, Иохана и Лемса. Низкие, серые, пропитанные влагой облака в задумчивости толпились на небе. Холодный ветер нетерпеливыми ударами, будто подстёгивал Эни, и с привычной медлительной поступи лошадь перешла на быструю рысь.

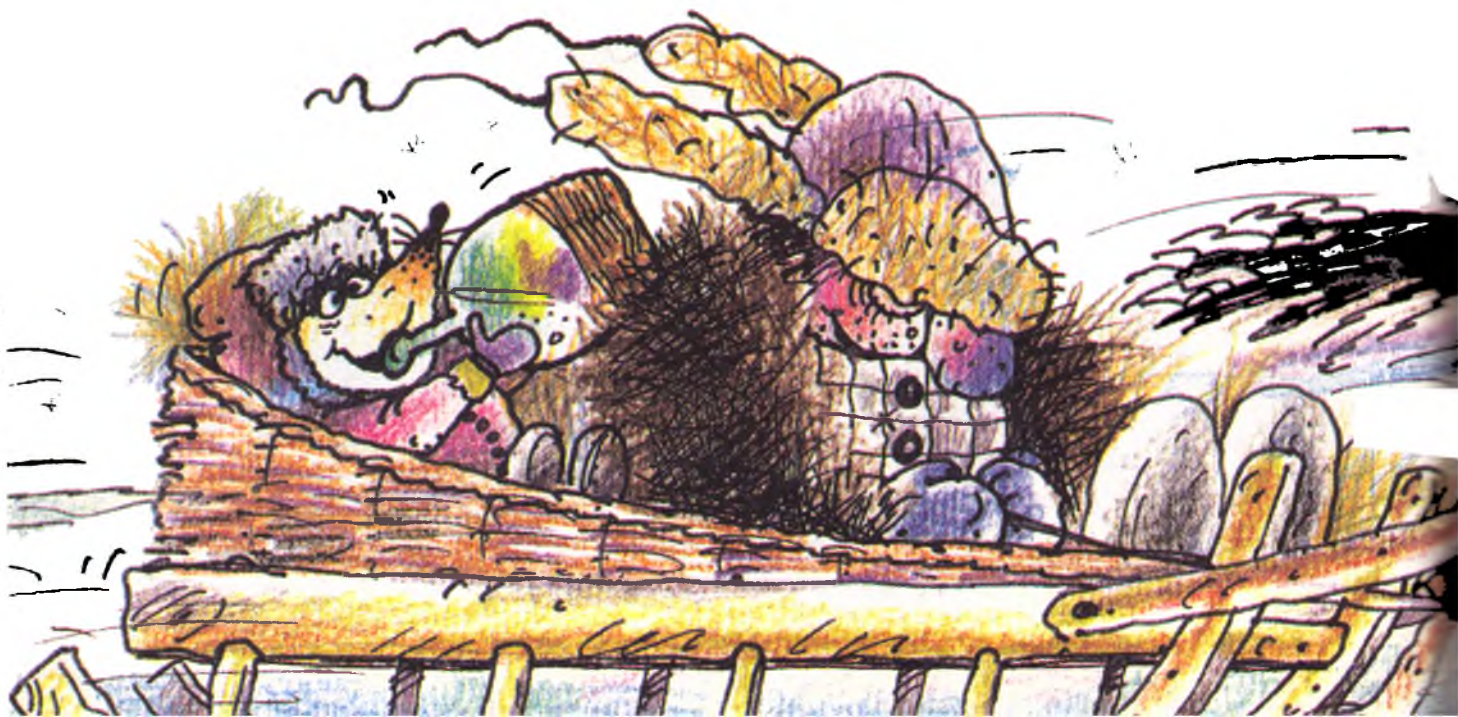

Иохан, опустив поводья, задремал на своём месте. Недопитую бутылку он положил рядом с собой на сиденье так, что её горлышко упиралось чуть ли не в нос Лемсу. Лемс покровительственно положил лапу на пробку и представил себя эдаким **БОЛЬШУЩИМ ЛЕМСОМ**, который сидит на облучке саней, одной рукой ловко управляет с поводьями, а другой лихо орудует бутылкой.

Жидкость в бутылке на каждом ухабе соблазнительно булькала, пробка упорно заслоняла Лемсу видимость, и наконец лемминг решил убрать её с глаз долой. Как-то само-собой так получилось, что, передвигая бутылку, Лемс вынул пробку и, воровато оглядевшись, сделал из сосуда щедрый глоток.

От неожиданности он чуть не выронил пробку — жидкость в бутылке оказалась не сладкой, не кисленькой и даже не солёненькой, а какого-то противного, трудно определимого вкуса! Лемминг, хвативший большой глоток крепчайшей водки, закашлялся, с опаской глянул на Иохана, на лужицу пролитой жидкости и живо определил пробку на место. Потом он вытер слезлившиеся глаза, несколько раз плюнул, пытаясь избавиться от неприятного жжения во рту, и решил, что, вероятно, Иохан очень сильно заболел, если, не моргнув глазом, выпил чуть ли не целую бутылку этого лекарства. Только лекарство, и ни что иное, по разумению Лемса, могло иметь такой безобидный с виду цвет и такой мерзкий вкус!

Дорога, как уходящая из-под рук рыба, вильнула в сторону, и впереди открылось широкое бугристое полотно покрытого льдом и снегом озера. Эни замедлила шаг и остановилась. Иохан вздрогнул, открыл глаза и сочно зевнул. Допивая на ходу остатки водки в бутылке, он пошел к прорубям, где ещё вчера установил крючки с наживкой.

Размякший, по неизвестной для него причине, Лемс, закинув ногу на ногу, сидел в саях и грезил: вот Иохан, чуть покачиваясь (видимо, из-за скользкого льда), идёт вынимать из воды рыбу и внезапно, не заметив припорошённой снегом проруби, проваливается в неё с головой. Барахтаясь в студёной воде, ломая тонкий лёд по краям проруби, Иохан пытается выбраться из озера. Однако тяжёлый, намокнувший тулуп неумолимо тянет его на дно. От неминуемой смерти его спасает один маленький, но чрезвычайно храбрый лемминг. В последнюю секунду он протягивает утопающему оглоблю и вытаскивает незадачливого рыболова на твердый лёд...

Пока Иохан складывал улов в большую плетёную корзину, Лемс, совершенно не понимая, что с ним происходит, хмелел всё больше и вскоре дошел до такого состояния, которое люди обычно называют «пьяному море по колено».

Иохан тем временем развернул сани, пристроил корзину рядом с собой на сиденье, завернул ноги в медвежью шкуру и взял в руки поводья. Эни, не дожидаясь понукания, пошла вперёд неторопливым шагом лошади, на половину выполнившей свой долг.

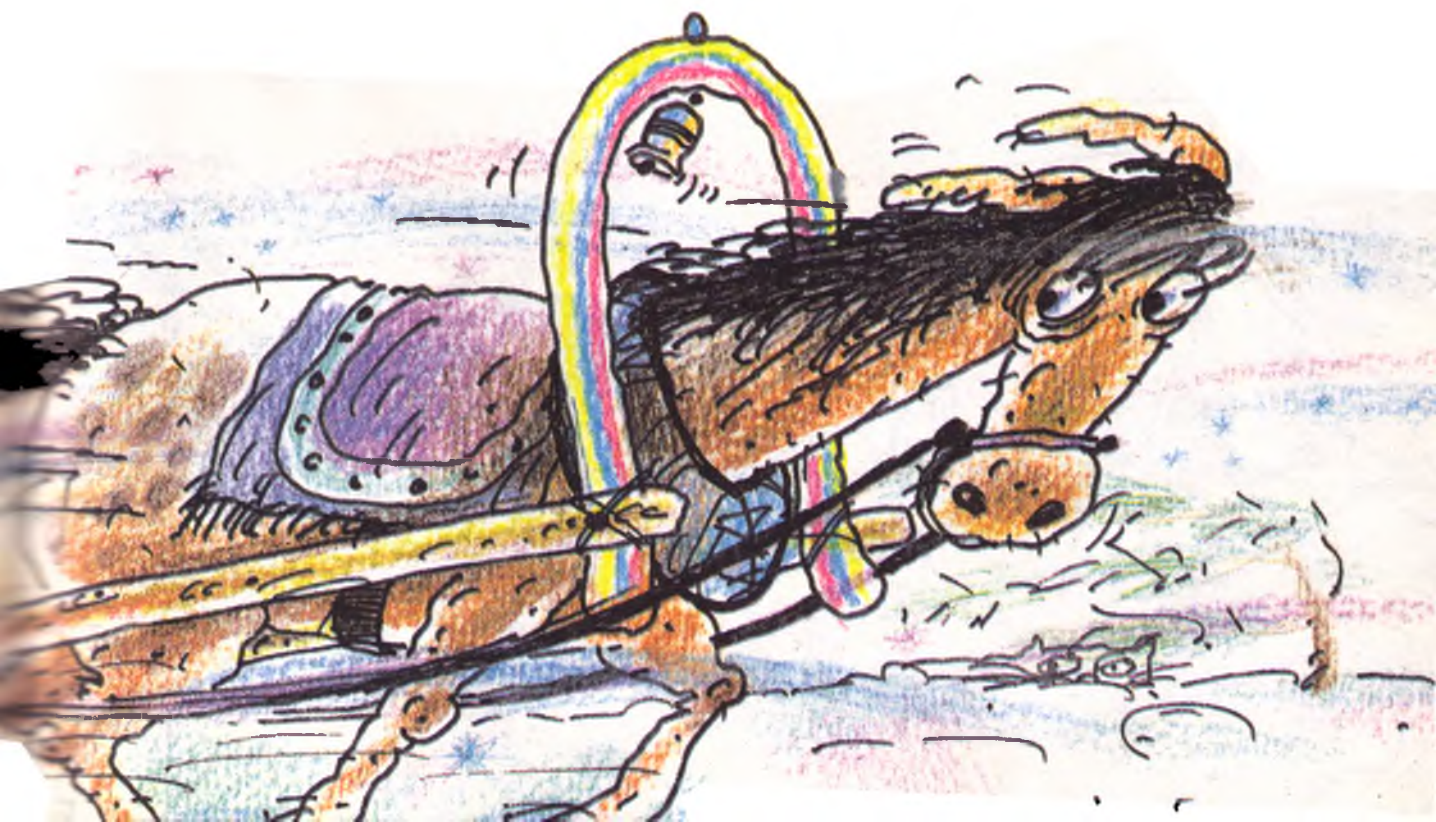
Иохан, чрезвычайно довольный удачно начатым днём, поёрзал на своём месте, от скуки несколько раз зевнул и затанул своим густым, как выдержанная сметана, басом старинную лемландскую песню о разбойниках:

Вышел месяц из тумана,

Йо-хо-хо-хо-хо!

Вынул ножик из кармана,

Йо-хо-хо-хо-хо!

Лемс прекрасно знал эту песню, и сам любил распевать её, сидя с чашкой какао у камина. И потому сейчас, от полноты чувств, обуревавших его, он решил поддержать Иохана и, притоптывая ногой, как пьяный матрос в кабаке, загорланил что было сил второй куплет:

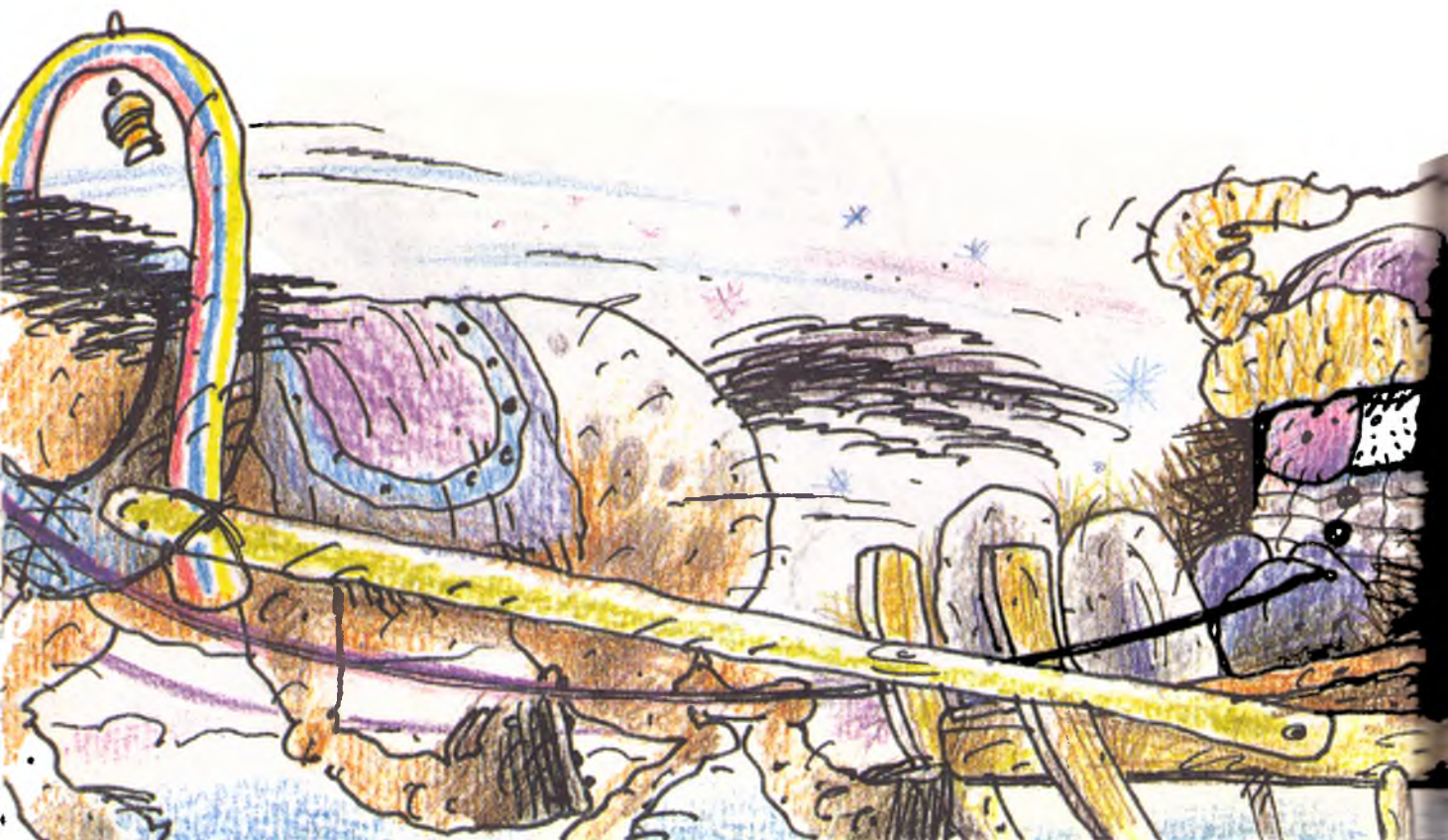
Буду резать, буду бить,
Йо-хо-хо-хо-хо!
С кем останешься дружить?
Йо-хо-хо-хо-хо!

Внезапно Иохан замолчал, в недоумении повертел головой в разные стороны и пробормотал себе под нос:

— Что-то голос у меня стал больно тонкий... Простудился никак? Надо будет баню истопить, попариться...

Плавное скольжение саней вскоре убаюкало Иохана, и он крепко заснул, доверив лошади определять дорогу домой самостоятельно.

Лемс тоже попробовал задремать, но даже и минуты не смог высидеть с закрытыми глазами. Хотелось вскочить, куда-нибудь побежать, первым влезть на стену вражеской крепости, захватить знамя противника, в общем, совершить что-нибудь героическое. Но, увы, ничего более героического, чем колка дров для печи, ожидать Лемса сегодня не могло, и с этим приходилось мириться.

Лемс вздохнул, потянулся, да так и остался с открытым ртом, зытаращенными глазами и раскинутыми в стороны, как крылья у птицы, лапами. За санями молча длинными стелющимися прыжками мчались два матёрых волка. В густом ельнике мелькнуло ещё несколько теней, и к преследователям присоединилась тройка грязно-серых в жёлтых подпалинах зверюг. Лемс прищурился и узнал в одном из волков атамана Одноглазого из знаменитой шайки, разбойничавшей в этих местах.

Героизм Лемса мигом куда-то улетучился, нос его стал холодным и твёрдым, как амбарный замок на морозе, а коленки подкосила противная дрожь.

— Волки! — пискнул Лемс. — Шайка Одноглазого!

Но его никто не слышал.

Лемс, карабкаясь по медвежьей шкуре, взлетел прямо к уху Иохана и закричал что было сил:

— Хозяин! Волки! Уже совсем близко! Волки!!!

Иохан улыбнулся чему-то во сне, всхрапнул и, уронив голову на грудь, заснул ещё крепче.

Но Эни услышала тоненький, как писк новорожденного комара, голос Лемса, обернулась, уронила от испуга слюну с губы и помчалась вперёд так, как не бегала и в далекой беззаботной молодости.

Однако, увы, уже было поздно. Одноглазый оказался в это время совсем близко к саням и примеривался, как бы ему ловчее вскочить в них и вцепиться человеку в горло.

Лемс взвизгнул, схватил из корзины большую рыбину и что было сил бросил ею в Одноглазого. Тот ловко увернулся и хотел было уже прыгнуть в сани, как ещё живая зубастая щука тяпнула атамана шайки со всей силой за правую заднюю ногу.

Одноглазый завертелся на месте юлой и сбил боевой порядок своей шайки. Наконец, он оторвал от себя щуку и снова бросился в погоню.

Эни неслась вперёд, как на скачках, но её бег чрезвычайно замедляли сани с тяжеленным мертвецки пьяным седоком. И постепенно, шаг за шагом Одноглазый со своими бандитами стал снова нагонять беглецов.

Тяжёлая волна, идущая от желудка, захлестнула Лемса, он снова почувствовал, что захмелел и, еле ворочая языком, стал ругать на все лады настигающих его волков. Когда Лемс додумался обозвать Одноглазого пожирателем капусты и бесхвостой ящерицей, атаман подпрыгнул на месте, рявкнул: «А тебя, тушканчик, я сожру первым!» и ещё прибавил ходу.

Когда волки, по мнению Лемса, оказались достаточно близко, он стал вынимать из корзины карасей и метать их в преследователей. Тяжелые, набравшие на морозе вес караси разлетались при ударе о землю, словно гранаты, и больно ранили осколками морды бандитов. После двух удачных бросков, когда каменные рыбины попадали по живым мишеням, Одноглазый вдруг отстал, поднял морду вверх и отчаянно завыл.

— Ага! — закричал Лемс. — Испугался!

Но это был не испуг. С другой стороны дороги, оттуда, куда мчалась Эни, ответил другой, такой же злобный вой. Одноглазый приготовил для своих жертв ловушку.

Теперь враги взяли Эни, Лемса и Иохана с двух сторон в клещи. Эни, увидев, что дорогу впереди преградил огромный волчище с мрачным, как у мясника на скотобойне, взглядом, остановилась и в ужасе попятилась. Но с другой стороны, уже не торопясь, ковыляли к саням Одноглазый и его разбойники.

Бежать было некуда. Вдоль дороги суровой стеной стоял лес. А шайка Одноглазого приближалась с ухмылками, не обещавшими беглецам ничего хорошего. Вот тогда-то Лемс и пожалел, что он родился всего лишь хвостатым леммингом, а не крылатой летучей мышью.

— Ну что, тушканчик, допрыгался? — выкрикнул Одноглазый. — Славная из тебя, дружище, выйдет закуска! Только вот шерсть сначала придется опалить да хвост отчекрыжить...

— Боюсь, Одноглазый, что эта закуска тебе не по зубам. Как бы у тебя от неё заворот кишок не случился! — ответил Лемс, сам изумляясь своей ничем не обеспеченной смелости.

— Атаман! — встрял в разговор волк, перегородивший путь лошади. — Позволь я оторву голову этому болтливому леммингу!

— Сначала побереги свою! — разозлился Лемс и что было сил швырнул в волка бутылкой Иохана.

Бутылка, бешено крутанувшись в воздухе, ударила разбойника точно в лоб, отчего волк икнул, присел от испуга на задние лапы и начал медленно заваливаться набок.

— Эни, вперед! — скомандовал Лемс.

Эни рванула сани так, что Иохан чуть не вылетел за борт. Когда Лемс оглянулся назад, то увидел, что от поверженного волка осталась только бесформенная шкура, не годная даже для того, чтобы скроить из неё прикроватный коврик.

Шайка Одноглазого, опомнившись, снова бросилась в погоню. Но Эни уже вынесла сани из леса в поле, за которым виднелся хутор Пухелин с ненавистными для волков людьми, огнём и ружьями.

Волки остановились на краю леса, глаза их полыхнули злобным голодным огнём. Вскоре, повинуясь команде Одноглазого, они развернулись и

цепочкой, переругиваясь и огрызаясь друг на друга, пошли в свое логово в чаще леса.

Но Лемс ничего этого уже не видел. Почувствовав безумную усталость, он присел вздремнуть и крепко уснул.

Когда Эни остановилась у своего дома, Иохан открыл глаза и, сонно щурясь, пошёл отпирать ворота.

Вытирая руки на ходу передником, на крыльцо выскочила Анне.

— Иохан, — крикнула она, — скорей давай рыбу, пока угли в печи не остыли!

— Рыбу? — переспросил Иохан, с недоумением глядя на пустую корзину. — А где же рыба?!

Иохан поворошил шкуру на сиденье саней, заглянул под лавку и выудил оттуда одну маленькую худенькую плотвичку.

— Клянусь своим аккордеоном, — пробормотал он. — Когда я отъезжал от озера, корзина была полна рыбы!

Анне, успевшая к тому времени накинуть полушубок и натянуть валенки, стояла рядом и тоже вертела в руках пустую корзину, разглядывая прилипшие у неё на дне чешуйки рыбы. Потом она с подозрением глянула на мужа, потянула воздух носом и заголосила так, словно у неё на плите убежала целая кастрюля кипячёного молока.

— Иохан, да ты ведь пьян, как сапожник!

— Это всё духи! Духи озера! — бормотал испуганный Иохан. — Это они сыграли со мной такую шутку. Клянусь своим аккордеоном...

Но Анне не слушала его. Она ещё раз обшарила повозку, обнаружила в трещине какого-то снулого зверька, вытащила его за хвост на свет, критически осмотрела со всех сторон и, решив, что такой маленький грызун никак не мог слопать целую корзину рыбы, бросила его в сторону.

Пока Анне честила на все корки своего супруга, их маленький сын Юри осторожно поднял с земли своего старого знакомого лемминга и унёс его в тёплый хлев.

Лемма, пришедшая в Пухелин за едой, обнаружила своего вальяжно развалившегося сына за яслями с овсом.

— Боже мой, Лемпа! — всплеснула она руками после бесплодных попыток растолкать сына. — Да ведь от нашего сыночка разит, как из винной бочки!

Лемпа, который тоже вышел на двор прогуляться и потому тут же оказался рядом, наклонился над Лемсом. После тягостной паузы, нарушаемой только нервным движением его усов, он изрёк:

— Да, запах мне что-то напоминает...

— Да что там напоминает! — рассердилась Лемма, — Он же пьян, пьян, как сапожник!

— Это всё духи! Духи озера! — растерянно лепетал Лемпа. — Это они сыграли с ним такую шутку! Клянусь своим пыхтеллом, что...

Клятвы и заверения Лемпы, пытавшегося выгородить своего любимца, дипломатично прервала лошадь Эни.

— Господин Лемпа, — обратилась она к главе семейства леммингов, — возвольте вас отозвать в сторону для конфиденциального разговора.

Эни и Лемпа отошли в дальний угол хлева. Эни, возбуждённо поводя ушами, стала что-то рассказывать Лемпе. Тот внимательно слушал и с каждым словом лошади распрямлял спину и даже, казалось, становился выше ростом. Когда лошадь закончила, Лемпа поклонился ей и поспешил к бесчувственному и безбожно храпящему сыну. Осторожно взяв его на руки, шёпотом он сказал Лемме:

— Я всегда говорил, что наш сын настоящий лемминг старой боевой закваски. Сегодня он совершил деяние, достойное того, чтобы его вписали в Великую Летопись Леммингов. Думаю, о его прегрешении в свете этого деяния можно и позабыть.

— Нечего-нечего! — буркнула Лемма (заметим, почти добродушно). — Оба вы хороши! У вас старая боевая закваска бродит почему-то исключительно в винных бутылках! Как будто нельзя совершать подвиги на трезвую голову... Ну, пошли, пошли домой, горемыки вы мои!

ПЕСНЬ 3 (лирическая), в которой Лемс понимает, что лучше быть здоровым и работающим, чем бедным и больным

Пробуждение было ужасным. Лемс поднялся с тяжёлой, как чугунный утюг, головой. В горле першило, страшно хотелось пить. Он пошлёпал на кухню, чтобы добыть воды, и наткнулся на Лемму. Она сидела у кухонного окна, поджав нижние лапы под табуреточку, а верхние — сложив на груди.

Лемс тихо подошёл к маме и уткнулся ей лбом в колени. Мама погладила его по голове, прижала к себе, и из глаз Лемса покатались одна за другой крупные и чистые, как речной жемчуг, слёзки.

Лемма, которая из воспитательных целей решила вчера проявить холодность и родительскую строгость к проштрафившемуся сыну, тут же забыла о всех своих решениях, сгребла Лемса в охапку, посадила к себе на колени. И, странное дело, если ещё вчера Лемс, недовольно буркнув что-нибудь по поводу телячьих нежностей, которые взрослым леммингам ни к чему, тут же спрыгнул бы с колен, то теперь он смиренно сидел в объятиях Леммы и тихо всхлипывал. Стать взрослым, совершенно самостоятельным, зрелым леммингом ему сейчас почему-то совсем не хотелось.

Как следует выплакавшись, Лемс пошёл в свою комнату и лёг спать.

Пробуждение было прекрасным!

Ясное, словно только что умытое, над Лемландией вставало солнце. Его тонкие и острые, как иголки, лучики пробивали неплотные, колышаемые ветром лишайниковые ставни, весёлой стаей влетали в комнату Лемса и гонялись друг за другом, вычерчивая на стенах и полу замысловатые фигуры. Один лучик во время беготни ударил своим золотым молоточком по старинному хрустальному графину, и холодные

границы стекла тут же ожили. В каждом отшлифованном квадратике хрустали отражалась теперь озорная мордочка Лучика. Он лупил молоточком по графину и, меняя свой цвет от красного до фиолетового, мурлыкал солнечную песню лучиков: Каждый Охотник Желает Знать Где Сидит Фазан — Красный, Оранжевый, Желтый, Зеленый, Голубой, Синий, Фиолетовый.

Когда Лучику надоело баловаться с графином, он перепрыгнул на кровать к Лемсу и, подбочившись, стал что-то вытанцовывать на подушке.

— Утро... — удивился Лемс. — Значит, я проспал целый день и целую ночь... Значит, сегодня воскресенье... Значит...

— Значит, сегодня будем отдыхать! — крикнул Лучик и прыгнул на комод.

— Да ты что! — рассердился Лемс, влетая в свои брюки. — Сегодня Иохан топит баню. А помочь-то ему некому! А вдруг дрова сырые? А вдруг — воздушная пробка в трубе?

— Ну и ну! — скорчил рожицу Лучик. — Маленький лемминг, а рассуждает совсем, как взрослый. Пошли лучше в «пятнашки» поиграем!

— Нет, — вздохнул Лемс. — Не могу. Побегу в баню!

Лемс быстро и совершенно бесшумно, как это умеют делать настоящие лемминги, оделся и, забыв позавтракать, бросился на работу.

ПЕСНЬ 4 (рабочая), в которой Лемс всё делает не в лад, не в такт и невпопад

В бане было темно, сыро и неуютно. Совсем другая картина здесь будет через несколько часов!

Сначала старым, оголившимся до прутьев берёзовым веником нужно вымести дощатый пол. Потом соскоблить с дубовых стен бани редкие бледно-жёлтые наросты плесени. Потом натаскать из колодца воды в два чугунных бака и дров (да посуше!) из поленицы. Далее наступит самая ответственная часть работы — растопка печи. Бывало, сильный боковой ветер не давал дыму спокойно выходить из трубы или плотная пробка застоявшегося в каменной кладке печи воздуха преграждала ему путь, и тогда дым возвращался обратно в баню, мешал дышать, немилосердно щипал глаза и, как дикий зверь, гонял неудачливого растопщика от полка до предбанника и обратно.

Зато, если тяга воздуха установится, только успевай подбрасывать в пылающую пасть печи тяжёлые, налитые силой, дубовые и берёзовые поленья. И тогда в ней, на подмостках стальных колосников, на которые кладут дрова, начинается настоящее сражение между деревом и огнём.

Вначале весёлым озорным щенком, а потом, всё более распаляясь, огонь прыгает вокруг охапки дров. Дерево сердито пузырится, отфыркивается, отплёвывается закипающей смолой, но медленно и неумолимо поддаётся яростным ударам огня. В мрачном предчувствии беды лица воинов-древлян чернеют, обугливаются, и вот уже пламя пробивает их плотные ряды острыми кинжальными выпадами. Охваченные жёлтыми и красными стягами наступающего огненного войска, древляне в последней отчаянной попытке начинают отстреливаться спрятанной в них влагой, которая от страшного жара превращается в пар и рáздирает их внутренности. И вот тогда, бросив в бой последний отборный полк древлян и слушая

звуки, доносящиеся из печи, удивительно похожие на ржание коней, лязг боевых доспехов, сухое пощёлкивание мушкетов и тяжёлое уханье пушек, можно было поверить, что за докрасна раскалившейся заслонкой действительно идёт жаркое сражение.

Но вот война окончена, и обессилевший огонь, как ветеран, для которого уже нет настоящего дела, превращается в сварливого старикашку, отравляющего всем существование синими огоньками угарного газа, похожего на всплески бесконечного старческого ворчания. Этот вот угарный газ и был, кстати сказать, самым опасным явлением в бане. Если неопытный банщик (или лемминг) закроет заслонку раньше, чем среди мерцающих угольков перестанут вспыхивать злобные глазки угарного газа, человек в парилке может этим газом отравиться и умереть.

Но не надо о страшном. Баня — это весело! Прогорит огонь в печи, окатишь кипятком полок, замочишь в горячей воде еловые ветки, берёзовый или дубовый веник, поддашь пара — и пошла потеха!

Надо сказать, что Лемс до недавнего времени бани побаивался и ни под каким предлогом не соглашался лазить париться на самый верхний полк. Да и попробуй туда полезь! Лемминг-папа как ливанет воды на раскалённые камни, они как зашипят и как выдохнут облачко горячего пара! От такого не только уши в трубочку скручиваются, но и веник вянет — приходится его всё время в воде смачивать.

Однако Лемс замечтался так, что в сырой темноте бани ему стало зябко. Он огляделся вокруг и с удивлением увидел, что старые сухие листья, облетевшие с веника, так и лежат на полу ещё с того времени, как здесь в последний раз топили баню. Вообще-то убирать мусор после

бани — входило в обязанности господина Банника, для этого он здесь и жил. Но почему-то его нигде не было видно: ни под полком, ни за каменной... Лемс пожал плечами, схватил старый веник и начал ожесточённо скрести пол.

В углу, среди поднявшейся от неистового подметания пыли, кто-то завозился и громко чихнул. Лемс повернулся и увидел в темноте под зонтиком паутины Банника.

— Господин Банник... — растерянно сказал он, опуская веник. — А я думал вы уехали на соседний хутор...

— Точно, давно пора, — сварливым голосом проскрежетал Банник, — давайте теперь меня сошлём куда подальше... А-пчи! Давайте меня вообще... а-пчи!.. из дома выживем! Давайте мне не будем горячей воды оставлять, мочалки всякие мокрые разбрасывать...А-пчи! Мылом пол вымажем, листиками посыпем, чтоб у меня погрязней было. Может, тогда я и сам уеду... А-пчи!

Лемс хотя и считался маленьким несмышлёным леммингом, но суть обиды Банника он прекрасно понял. По традиции, после бани в парной положено для Банника оставлять шайку горячей воды, чистую мочалку, мыло и промытый веник. Но в прошлый раз Иохан взял с собой париться своего сына Юри, а тот закапризничал (уши от пара в трубочку скручиваются, мыло глаза щиплет, в общем, весь набор отговорок, которыми в своё время пользовался и Лемс, не желая лезть на верхний полоч, где и в самом деле бывало жарковато). Пришлось Иохану, недомывшись и недопарившись, спешно идти домой с ревущим и брыкающимся, как норовистый бычок, Юри. В результате Банник остался без воды, чистой мочалки и веника. И хотя сам Банник ни мыться, ни париться не любил и вечно ходил по бане и прилегающим к ней окрестностям лохматый, осыпанный увядшими листьями и веточками, но нарушение традиций и проявленное к нему невнимание его задело.

— А мне ведь что, — бурчал себе под нос Банник, — мне ведь немного и надо. Придут человеки попариться и... а-пчи!.. печную заслоночку и закрыть. Угарный газик-то и пойдёт, и пойдёт в баньку. Это вы потом надолго запомните, как Баннику водички не оставлять! Задохнутся человеки, и... а-пчи!.. и всё! И копыта отбросят, и лапы склеят. Суши сандалии, табань...

Лемс не понял реплики по поводу сушёных сандалий и отброшенных копыт, но из невнятного бурчания он ухватил самое главное — Банник рассердился не на шутку, и человекам грозит опасность!

— Лемс? Ты что здесь делаешь? — услышал он вдруг недовольный голос мамы. — Немедленно в постель! Ты же болен!

— Да, но баня... — хотел вставить слово Лемс, но мама его тут же перебила:

— Господин Банник и сам прекрасно справится! В конце концов следить за баней — это его обязанность!

— Справится?! — Уши у Лемса от возмущения налились густо-малиновым цветом. — Да он сегодня хотел всех угарным газом потравить!

— Врёт и не краснеет, якорь мне в глотку, — испугался Банник, — да чтобы я... да в родной бане... и такое... смертоубийство!

— Это он! Он врёт! — кричал Лемс, но мама, конечно же, его не слушала и тащила домой.

Она привела его в Гранитный, уложила в постель, и сама присела рядом. Убежать пока не было никакой возможности, убедить маму в своей правоте тоже. Оставалось одно — притвориться спящим, а потом потихоньку выскользнуть из Гранитного, незаметно, как и положено истинным героям, совершить свой очередной подвиг для спасения людей.

Лемс закрыл глаза и в самом деле задремал. Мама сидела рядом долго, очень долго. Тёплые руки сна убаюкали Лемса, вязкой тяжестью навалились на тело нега и лень. Очнулся Лемс от резкого звука — мама, выходя из комнаты, решила для своего спокойствия запереть сына на ключ. Это была катастрофа!

Лемс выбрался из-под пухового одеяла и подбежал к окну. Если сейчас начать открывать заклеенные и законопаченные на зиму рамы — шума будет выше головы! Да и высокоовато — без верёвки не слезешь...

Лемс подбежал к двери и дёрнул её за ручку. Крепкая и массивная, как и всё в доме леммингов, дубовая дверь даже не шелохнулась.

Лемс присел на краешек кровати и задумался. Он всё глядел и глядел на дверь, будто она могла подсказать ему, как выбраться из этой ловушки, расставленной собственной мамой. Вдруг Лемс обратил внимание на полосу света, пробивающегося из-под двери, однако большая замочная скважина была чем-то закрыта, и через неё свет не проходит. Лемс подошёл поближе и увидел, что путь свету заслонил ключ, оставленный мамой в замочной скважине с той стороны двери. Если карандашом вытолкнуть этот ключ, тогда можно будет посмотреть, что делается в коридоре. Ну и что? Вот если бы Лемс мог достать сам ключ, тогда...

И тут Лемс понял, как открыть дверь.

Он взял большой лист бумаги и просунул его в щель между дверью и полом. Потом карандашом он вытолкнул ключ из замочной скважины. Ключ, негромко звякнув, упал прямо на лист бумаги. Теперь Лемсу оставалось всего лишь перетянуть лист бумаги с ключом на свою сторону, тихонько отворить дверь — и он на свободе!

Багровый, мрачный зрачок солнца уже еле выглядывал из-за тёмного елового леса. Ночной холод сжал землю своими ледяными челюстями. Всё живое притихло. Лемс, обуреваемый нехорошими предчувствиями, мчался к бане. Он нырнул в подземный ход и через несколько секунд выскочил из входа в мышиную норку, прогрызенную в углу предбанника. Лемс спрятался за веник, прислонённый к стене, и сквозь его веточки огляделся.

За маленьким столом, на котором стояла бутылка, два стакана и тарелка с малосольными огурцами сидели Иохан и Банник. Оба они были закутаны в белые простыни, из-под которых нет-нет да и вырывался наружу парок, отделившийся от разгорячённых в бане тел. Глаза Иохана и Банника маслянисто блестели. Настроение у них, судя по всему, было отличное.

— Ты меня уважаешь? — спрашивал захмелевший и размокший Иохан.

— Ув-важаю! — кивал в ответ Банник, расплываясь в глупейшей, но совершенно добродушной улыбке.

— Тогда по последней? — предложил Иохан.

— По последней! — восторженно согласился Банник.

Они выпили и закусили.

— Банька была — закачаешься! — мечтательно произнёс Иохан.

— Точно! — ответил Банник, обмахиваясь краем простыни.

— Ты, старик, за то, что в прошлый раз тебе водички не оставили, не обижайся, — снова потянулся к бутылке Иохан. — Мы ведь с тобой всё равно друзья.

— Да чего там! Ерунда! — охотно простил Иохана Банник и тут же предложил: — По последней?

— По последней! — подхватил Иохан.

— Ну что, Лемс, убедился, кто был прав? — услышал вдруг Лемс шёпот за своей спиной. От испуга он резко обернулся и увидел Лемпу, который, как и подобает истинному опытному леммингу, подобрался к нему совершенно бесшумно.

— Не всему сказанному надо верить, сынок, — взял его за плечи Лемпа. — Верь тому, что человеки делают. А слова... Слова они рассеиваются, как туман, как дым, как пар... Да разве ты сам в запальчивости, поссорившись с Юри, не говорил, что ты больше никогда-никогда не будешь с ним играть и даже разговаривать! А на следующее утро всё это забывалось. Всё в этом мире сложнее, чем выглядит на первый взгляд, и проще, чем может показаться на второй.

Лемс стоял за веником, опустив хвост и потупившись. Он изо всех сил старался сдержать неподобающие взрослому леммингу слёзы. К счастью, добрый, любимый, мохнатый папа всё понял, взял его за лапу, и они отправились вдвоем, как старые приятели, в парилку — выгнать паром скуку и болезни.

ПЕСНЬ 5 (разведчицкая), в которой в мирной жизни леммингов появляется новая проблема

Лемминги только что отужинали и собрались на кухне, чтобы выпить душистого отвара из липового цвета, зверобоя и чистотела, как вдруг маленький золотой колокольчик в прихожей требовательно зазвонил, сообщая о том, что кто-то стоит у двери.

— Кого это на ночь глядя черти несут? — удивилась Лемма, отложила в сторону бутерброд и пошла отпирать дверь.

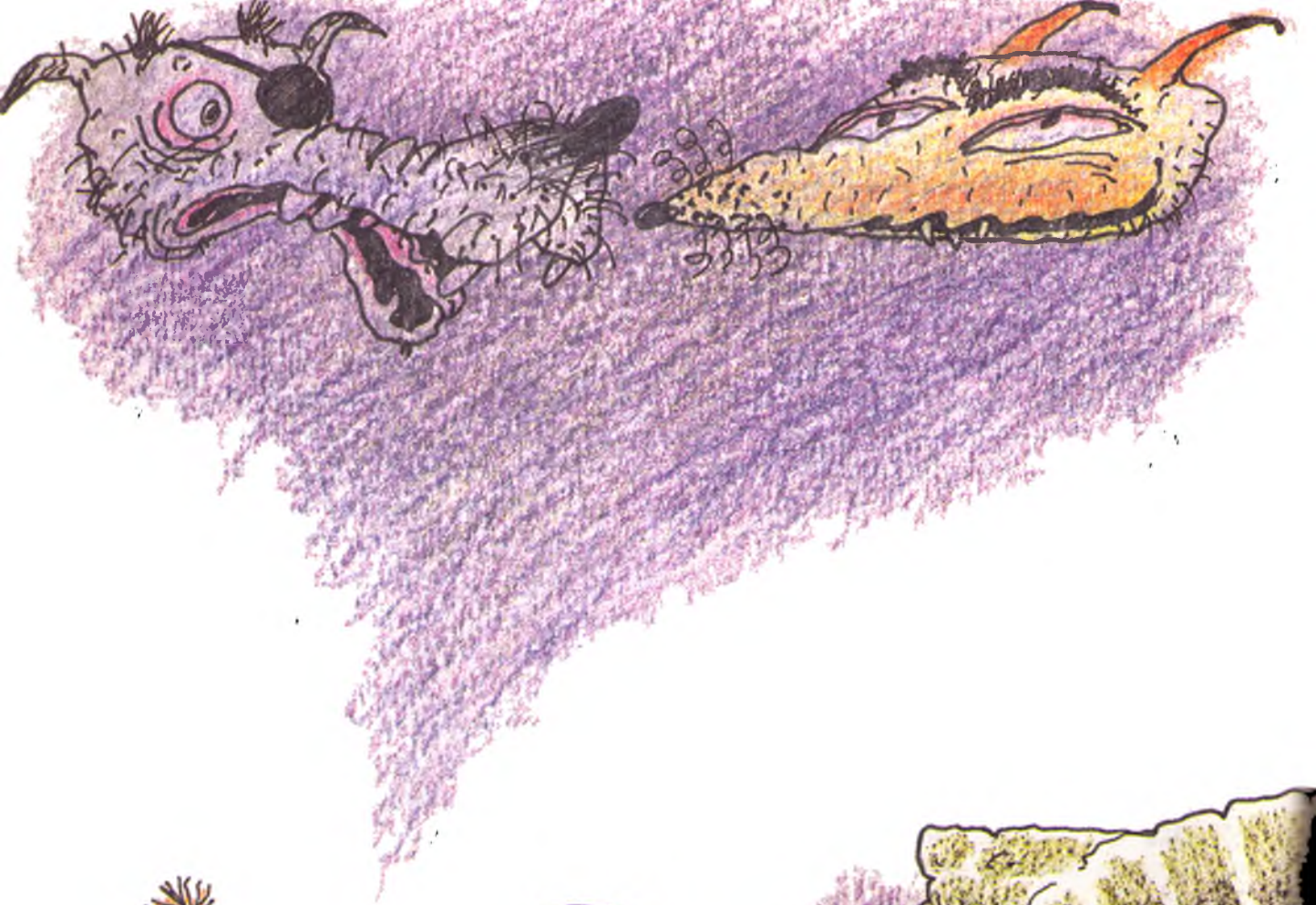
Лемпа, сидящий у камина с пыхтеллом в лапе, к неожиданному визитёру никакого интереса не проявил, зато Лемс тут же наострил уши. Вначале он ничего не мог разобрать — кажется, хлопнула дверь, а потом раздалось нестройное и торопливое кудахтанье, что обычно сопровождает первые минуты встречи двух знакомых женщин.

В кухню, щурясь от яркого огня, вошла тётка Мила из Соснового Бора. Её обычно аккуратно уложенная чёлка была сегодня сбита набок и напоминала завалившийся под ударами ветра стог сена. Её белый передник с рисунком, вышитым крестиком, был заляпан кляксами грязи, а зелёные сафьяновые сапожки совсем потеряли свой молодцеватый бойкий вид.

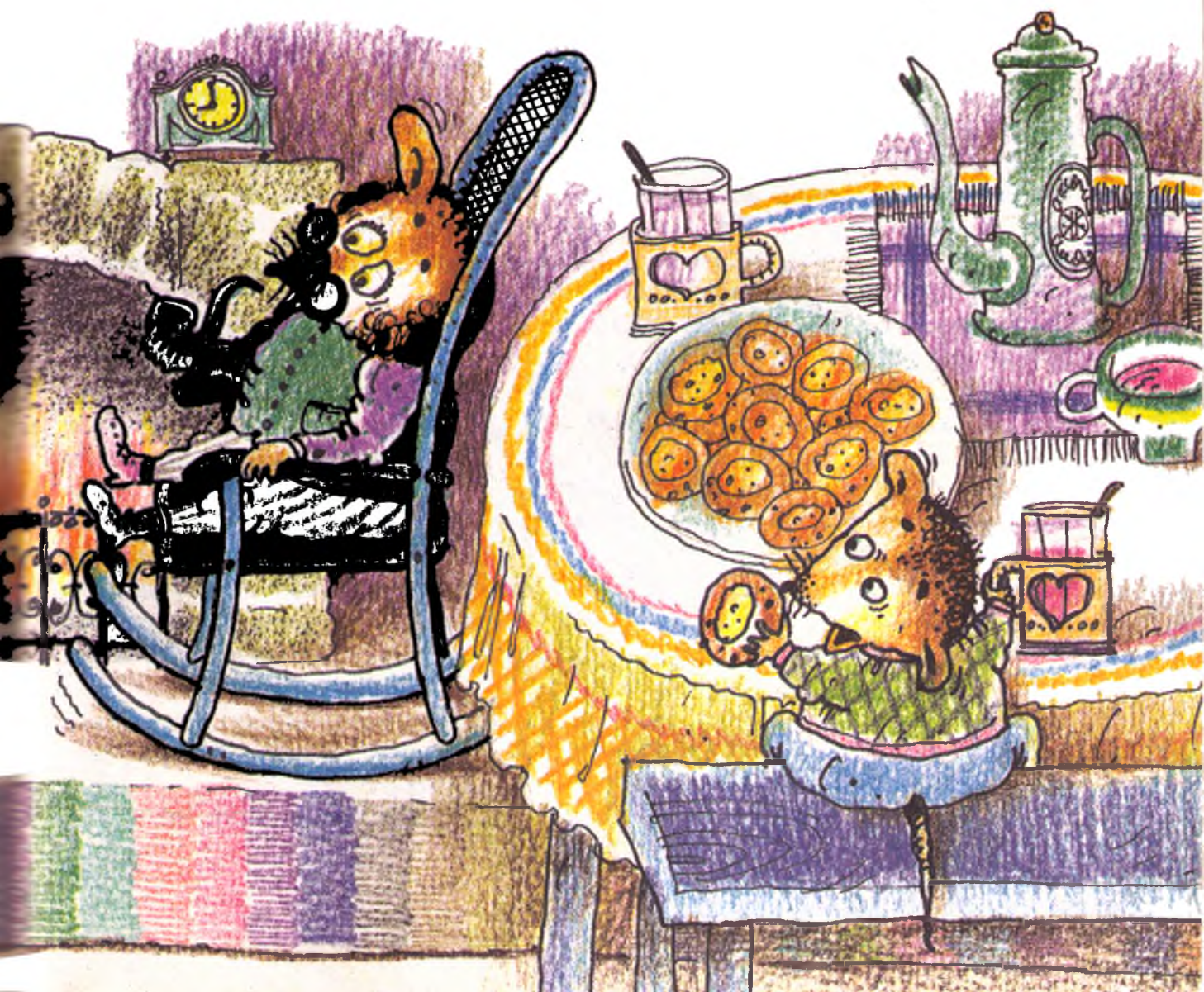
— Может быть, грибов в шоколаде? — любезно предложила Лемма, пододвигая белке Миле чашку травницы.

— Воды... — пролепетала Мила и, ужасно волнуясь, стала теребить лапками край своего передника. — Уж и не знаю, как сказать, — подняла она, наконец, свои глаза от чашки. — Не моё это, может быть, дело, да и человеки нам в лесу вроде не товарищи, но... В общем, решила я сегодня вечером навестить свою дачку — ну, вы знаете — в Ольховой ложине... Проверить, как там и чего... Вдруг, думаю, там плесень в грибах завелась, или долгоносик дерево подтачивает, или в дупло, не дай Бог, кто залез... Во-от... В общем, припрыжила я туда, дверь открыла и сижу себе тихонько — припасы в кладовой перебираю... И вдруг слышу, внизу, под деревом, кто-то разговаривает, невнятно так бормочет, знаете ли... Во-от... Я потихоньку из дупла выглядываю и вижу — лежат под моим деревом Одноглазый и старый лис Чернохвост. Я вообще-то не любительница чужие разговоры слушать, но тут деваться некуда... Во-от... «Так, значит, завтра ночью?» Это Одноглазый лиса спрашивает. А тот хитро так и сладенько улыбается, камышинку в пасти катает и говорит: «А какие ты, Одноглазый, можешь дать гарантии, что твои головорезы в курятник не полезут?» Одноглазый поперхнулся, что-то в уме прикинул и отвечает: «Договор в шайке есть: тебе, если сможешь устроить, чтобы мы тайком в хутор Пухелин проникли, отдаём курятник со всеми его потрохами. Резвись на здоровье, старый ты хрыч. Моим молодцам кобылы, коровы и человеков за глаза хватит. А мне так и вовсе ничего не надо — кроме вещи, для вас совершенно бесполезной...» «Это что же имеется в виду? — интересуется лис. — Может, ты всю кладовую хочешь к лапам прибрать?»

Тут Одноглазый воздух в себя зло так, через ноздри, втянул и говорит: «Ты, лис, старый прохвост, может, и поймёшь... Золото мне нужно...» Во-от... «Золото? — сплюнул камышинку лис, — вот уж, действительно,

попал пальцем в небо. Уж не ошейник ли из него думаешь себе заказать?» Одноглазый только усмехнулся: «Ты, лис, ещё главного не знаешь, насме-хаешься. Мне золото нужно, потому что я не просто волк. А волк-оборо-тень». «Оборотень?! — вскочил на лапы лис. — В человека превращаешь?!» «Да сядь ты, — цыкнул на него Одноглазый, — не мельтеши. Мне твоя молю побитая шкура и не нужна вовсе. Мне золото нужно, серебро, драгоценные камни там всякие... Это в лесу все это ни к чему. А в городе, среди людей, за золото сладко есть будешь, сладко спать и сладко пить...» «И чего это тебе в лесу не сидится? — покрутил головой лис. — Ты и тут неплохо устроился...» «Это до поры до времени, — буркнул Одноглазый, — а неровён час охотники придут, облаву устроят? А в городе с деньгами я — король! Даже старые грешки, из-за которых в волчью шкуру пришлось прятаться, простят... Так что действуй... Пусть твой ге-рой, что нас ночью в дом обещался впустить, насчёт золотишка там раз-

нюхает. Чтоб не блукать потом по всему дому... Да! И деньги тоже годятся... Давай, лис, за работу, а завтра в полдень у Трёх Дубов обсудим со всей шайкой-лейкой детали и к вечеру выступим на хутор Пухелин... И не болтай обо мне особо. Ни к чему это...»

— Вот так, значит, всё оно и было — слово в слово, — развела лапами тётка Мила. — Лис потом к Пухелину побежал, а Одноглазый в лес... А я подумала-подумала: человеки-то мне до большой сосны, а вот лемминги вроде как родственниками приходятся, и это самое золото да серебро, — тут белка покосилась на серебряный кофейник, гордо возвышающийся на столе, — у них открыто стоит. Вдруг у Одноглазого не только в хуторе Пухелине шпион есть, но и в Гранитном...

Когда тётка Мила закончила свой рассказ, внезапная тишина назойливым комаром повисла в воздухе. Наконец, стрельнуло полено в огне, булькнули водяные часы, и папа-лемминг, выбивая пепел из своего пыхтелла о решётку камина, принялся рассуждать:

— Положим, Гранитный волкам не по зубам — на то он и Гранитный. Вход булыжниками завалить — и вся недолга. А вот Пухелин... Подземные ходы... Чердак... Сарай...

— А что нам Пухелин? — внезапно оживилась лемминг-мама и, заглядывая поочерёдно всем в глаза, будто ища поддержки, затараторила: — Правильно белка Мила говорит — человеки нам никакая не родня. Предупредить их — и дело с концом. Мы — сами по себе, они — сами по себе. Верно я говорю? Лемс уже один раз человека вырубил — и хватит! Мы что им тут — стража? Охрана? Верно я говорю? Предупредить их — и ...

— Замолчи! — крикнул Лемпа и в ярости разбил свой пыхтелл о ручку кресла. — Да если б мы даже не ели один хлеб с хутором Пухелин! Если бы даже их сын и наш сын не дружили! Если бы даже мы не работали вместе и рядом не жили! Всё равно — лемминги никогда не прятались в кусты, когда человекам грозила опасность! В 1464 году, как свидетельствует Великая Летопись Леммингов, наши предки бились вместе с человеками против злобных викингов Синеуса. В 1627 году наши предки вместе спасались от наводнения на острове Похтла-Юрве, и человеки, испытывая ужасные муки голода, и пальцем не тронули своих друзей-леммингов. В 1758 году, когда гнус несметными тучами напал из тундры на Лемландию, — человеки и лемминги были рядом! В 1814 году, наконец...

Лемма, увидев в глазах родных явное осуждение своих намерений, отчаянно разрыдалась, чем и прервала исторический экскурс Лемпы. Лемпа встал со своего кресла, обнял Лемму и пробормотал:

— Ну, будет, будет тебе... Нужно всего лишь сходить на разведку,

послушать, что там задумали эти разбойники, и вместе с людьми поставить на них ловушки. Не так-то всё и страшно, — нарочно бодрым голосом продолжил он. — Сейчас почищу ружбайс — и в путь!

— Позвольте вам заметить, — осадила его тётка Мила, — что волки встретятся завтра у Трёх Дубов. Мне-то по деревьям бежать туда часа три. А леммингу туда да обратно через буреломы — три дня пути.

— Тогда... Тогда... — растерялся Лемпа и посмотрел на тётку Милу.

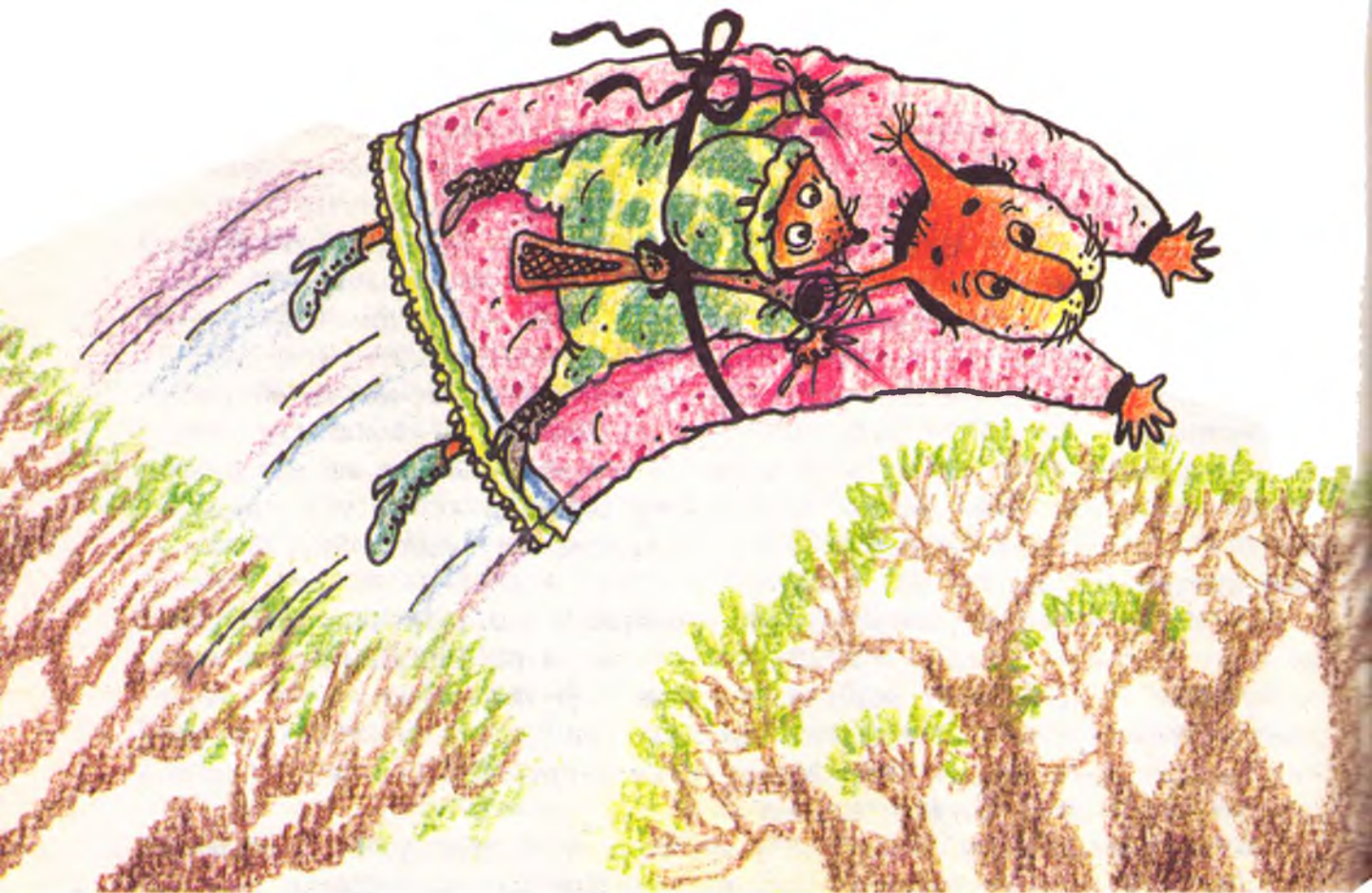
— Нет, — замахала лапами белка, и кончики кисточек на её ушах затряслись от страха, — только не я. Место показать — покажу, а дальше — увольте! Я и так чуть от ужаса тогда из дупла не свалилась на голову этим бандитам. Да мне ещё в лесу жить да жить, у меня дети есть... Во-от... И так, не дай Бог, кто из волков разузнает, что я Гранитный предупредила...

— Мама, ты только не волнуйся, — встрял в разговор Лемс, которого до этого не было не видно и не слышно, — но на разведку придётся идти мне. Тётка Мила возьмёт меня на закорки — я ведь лёгкий — и снесёт меня к Трём Дубам. Я и с дерева спускаться не буду — послушаю, о чём они говорят, — и назад к тётке Миле. А там придумаем, как меня обратно быстро доставить... Другого выхода нет.

Все уставились на Лемса — уже готового к походу: с ружбайсом за спиной и зелёным капюшоном, надвинутым на уши. После немного изумления Лемпа, растерянно теребя в руках остатки пыхтелла, устало признал:

— Да, сынок, другого выхода нет...

*ПЕСНЬ 6 (походная), в которой Лемсу
предстоит спрятаться от волков в
чистом поле*

Вверх-вниз, вниз-вверх — уже целый час, будто на огромных качелях, раскачивался Лемс. Тётка Мила, цепляясь своими острыми коготками за кору, взбегала вверх по дереву, потом семенила по самой большой ветке, растущей по направлению её пути, ловко отталкивалась от неё и, распушив хвост, на секунду-другую, перед тем как приземлиться, вернее, приветвиться, на следующую сосну или берёзу, словно зависала в воздухе.

Первый час пути до Трёх Дубов Лемс даже не мог как следует оглядеться. Сердце от быстрых прыжков белки, к которой лемминг был привязан крепкой верёвкой, то подкатывало к горлу, то быстро съезжало в пятки. Казалось, вот-вот тётка Мила не допрыгнет до очередного трамплина, и тогда уж от лемминга точно не останется ничего, кроме мокрого места и сломанного ружбайса.

Но деревья, одно за другим, оставались позади, а белка всё так же неугомонно перепархивала с ветки на ветку. Лемс, притерпевшись к тряске, качке и полётам, огляделся.

Лес уже давно очнулся от зимней спячки. Полосы нестаявшего снега в лощинках темнели, съёживались и усыхали с каждым часом. Кружево свежих, нежно-изумрудных побегов оживляло потрёпанные за зиму тёмно-зелёные куртки елей. Берёзы, украшенные пепельно-серыми витыми серёжками, закутывали свои белые стройные тела в ещё прозрачные, лёгкие, дымчатые ткани. Колючие горбы кочек тоже принарядились — зелёные перья травы придавали им гордый и воинственный характер. Прозрачные, словно ясное небо, лесные озерца талого снега поросли по краям крупными, сочными цветами мать-и-мачехи. Цветы качали своими головками в такт песенке, что насвистывал ветерок, весело пересмеивались и, как неисправимые модницы, никак не могли наглядеться на своё отражение в зеркале воды.

Тем временем Лемс, пригревшись на спине тётки Милы и убаюканный болтанкой в воздухе, сладко задремал.

Проснулся он оттого, что кто-то потерябил его за загривок и громко сказал:

— Ле-емс! Мы уже на месте!

Лемс покраснел до кончиков ушей — ему было стыдно, что он уснул в разведке, — и начал развязывать страховочную верёвку.

Тётка Мила отдышалась, поправила свой сбившийся передник и наказала Лемсу:

— Лемс, сиди тихо и ни в коем случае не спускайся вниз! Если волки соберутся здесь, под Тремя Дубами, ты и так всё прекрасно услышишь. Я пока сбегая домой — узнаю, что там и как, покормлю детей — и назад. Смотри же, с этой ветки — ни шагу!

Белка, как резиновый мячик, опять запрыгала по ветвям и быстро исчезла в чаще леса. Леме остался один.

Пока Лемс сидел на ветке и осматривал окрестности, ветер пригнал с севера стадо белых и синевато-чёрных облаков, напрочь закрывших солнце и пропускавших к земле какой-то невзрачный и безрадостный серый свет. Листья дуба, предчувствуя, что скоро на них обрушится холодный и тяжёлый дождь, мелко трепетали. Коротко рыкнул, как голодный зверь, гром, и птицы в лесу тут же испуганно притихли.

Из тёмного ельника неторопливой трусцой, след в след за Одноглазым, вышла волчья стая. Волки лениво развалились под дубом, в ветвях которого притаился Лемс, и повернули морды в сторону атамана.

Одноглазый зыркал кругом глазом, но начинать свою речь явно не торопился.

— А ну, встать! — вдруг рывкнул он, и волки, от неожиданности вздрогнув, тут же повскакали с земли. — Развалились тут, как хряки в грязной луже! Не расслабляться! Сегодня ночью у нас серьёзное дело!

Нужно всё как следует обмозговать и обсудить, что и как каждый из вас должен делать при нападении на Пухелин. Ни одна живая тварь не должна уйти оттуда — иначе нам может быть худо!

Как бы в подтверждение его слов, гром снова огрызнулся на кого-то в небе, и далеко на горизонте зарницей промелькнул отблеск молнии.

— М-молния, — тихо пролепетал один из разбойников, который, несмотря на свой страшный вид, был не храбрее пугливого зайца. — Говорят, что из молнии может родиться огонь...

При слове «огонь» в глазах трусливого волка с мрачной кличкой Душегуб промелькнула такая тоска и ужас, что и остальным его товарищам стало не по себе. Только Одноглазый криво усмехнулся — он один из всей шайки знал, что огонь можно приручить и заставить его отапливать жилище и подогревать пищу. И всё же Одноглазый озабоченно посмотрел на небо и процедил:

— Пожалуй, стоит отсюда отойти подальше на поляну. Молнии, они любят вдарить по отдельно стоящим деревьям. Пошли...

Одноглазый мотнул головой, и волки гуськом пошли прочь от Трёх Дубов. Лемс, ни секунды не раздумывая, стал спускаться с дерева.

Шайка остановилась близ невысоких лохматых кочек с реденькой шелвурой поседевшей прошлогодней травы.

— Слушайте все внимательно, — начал говорить Одноглазый, как только волки уселись в круг. — Когда наш маленький друг в хуторе Пухелине откроет ход, ты, Носопыр,хватишь за глотку корову. Ты, Седой, и ты, Угрюмый, надеюсь, справитесь с кобылой. Курятником займётся лис, так что туда не суйтесь — пусть без нас возится с самой хлопотливой работёнкой, а что с ним дальше делать, разберёмся на месте. Ты, Ноздря, ты, Когтистый, и ты, Зуб, пойдёте со мной убивать человекoв. Ты, Душегуб, будешь на стрёме. Вряд ли кто появится у Пухелина ночью, но осторожность не помешает...

Одноглазый, который за время своей речи несколько раз настороженно дёргал усами и поводил носом, вдруг уставился своим единственным, полыхающим злобой оком в какую-то точку слева от себя и прохрипел:

— А вот и наш маленький друг лемминг! Он, наверное, прослышал, что его большой приятель Одноглазый с утра ничего не ел, и решил стать его завтраком... Хватайте тушканчика! Вон он, за той кочкой!

Лемс, к сожалению, ещё не был опытным охотником. Он сумел бесшумно подобраться к стае, сумел подслушать всё, что сказал Одноглазый, но не учёл того, что спрятался с наветренной стороны. Ветер, который дул ему в спину, донёс до Одноглазого резкий запах масла и пороха от ружбайса, а ствол оружия, в котором отразился внезапно проскочивший сквозь тучи луч солнца, совсем выдал его.

Как только Лемс понял, что его заметили, он изо всех сил помчался к Трёх Дубам. Но до них, увы, было слишком далеко: ещё две-три секунды — и волки схватят отважного лемминга! Лемс, видя, что ему не уйти, сорвал с плеча ружбайс и, припав на одно колено, выстрелил в первого преследователя. Душегуб, который хотел показать свою силу на заведомо слабом противнике, получил порцию дробы в бок, взвизгнул, как поросёнок под ножом мясника, и стал от ужаса кататься по земле. Остальные волки, не обратив на него никакого внимания, перескочили через раненого и погнали лемминга к лощине, отсекая его от Трёх Дубов. Лемс, очертя голову, не разбирая дороги, бросился бежать, но тут что-то мягкое схватило его, скомкало, прижало коленки к подбородку, левую лапу вывернуло за спину, а правую занесло за затылок.

Вначале Лемс подумал, что он уже в пасти волка, и приготовился к смерти. Но страшные волчьи зубы почему-то не спешили перемалывать его вместе с ружбайсом, и Лемс попытался пальцами ощупать окружившую его мягкость.

— Не надо... хи-хи-хи... щекотно... — услышал он чей-то тоненький, но взрослый голосок.

— Где это я? — с недоумением спросил Лемс.

— А кто это «я»? — язвительно осведомился голосок. — Что-то не помню, чтобы мы с вами знакомились.

— Меня зовут Лемс, я лемминг. А вы меня это... проглотили, что ли?

— Отнюдь нет, — прыснул со смеху голосок, и Лемсу послышался звук, словно Некто внимательно что-то обнюхивал. — Если бы я вас про-

глотил, ваш ружбайс, который сейчас так неловко и больно упирается мне в нос, застрял бы у меня, как кость в горле. Я вас... как бы это точнее выразиться... обнял.

— Атаман, здесь он, — услышал Лемс чей-то глухой, словно говорящий сквозь подушку, голос. — Вот здесь он, в этом еже.

— Ишь, как свернулся, ровно колобок, — посетовал Угрюмый и поддал свернувшегося в клубок ежа лапой. — Ух ты, как колетса, гад! Эй, ёж, ты нам ни на кой не нужен. Лемминга отдай и топай себе дальше! Живо разворачивайся, а то хуже будет!

Но ёж, который мирно шёл по своим делам и в которого врезался маленький лемминг, давно уже отвык верить на слово волкам, лисицам и другим хитрым хищникам.

— В воду бы его бросить, живо бы небось на дно пошел! Да вот река далеко... — посетовал Ноздря.

— Эй, тушканчик, ты меня слышишь? — разобрал Лемс голос Одноглазого. — Я ведь всё равно вернусь и тебя оттуда выковырну. И тебе, ёж, не поздоровится! Эй, Душегуб, хватит скулить, как дворняжка. Рана не глубокая, не сдохнешь. Считай, что тебе повезло, на дело мы тебя не возьмём — будешь охранять этого лемминга, чтобы он не разболтал о наших планах. Вернёмся — придёт с нами говядинка. Но если упустишь тушканчика — я тебе горло лично перегрызу! А теперь быстро — к хутору Пухелину!

ПЕСНЬ 7 (ужасающая), в которой Лемс должен был погибнуть, но тем не менее остался в живых

Когда шайка ушла на дело, Душегуб, подрагивая всем телом — то ли от холода, то ли от непонятного, тягучего озноба, лёг на землю рядом с ежом, ошетилившимся во все стороны острыми колючками. Холодный циклон с севера продолжал нагонять лиловые, как перезревшие сливы, тучи, комкал их, толкал друг на друга, разбрасывал и снова собирал в стадо. На горизонте косыми струями перечёркнул небо ливень. Ветер метался между небом и землёй, то сердито обламывая сухие сучья в лесу, то зло и тоскливо завывая флейтами сухих былинки. Душегубу стало как-то не по себе — простреленный бок саднило, хотелось забиться куда-нибудь в сухую нору, в бурелом, подальше от пронизывающего ветра, неуютной поляны и зализать как следует свою неопасную, но болезненную рану. Однако холодный и острый, как бритва, голос Одноглазого приковал Душегуба к месту.

Ёж, которому Лемс шёпотом уже успел пересказать всю историю своего появления в лесу, исподтишка поглядывал на волка сквозь свои иглы, но ничего предпринять пока не мог. Лемс также находился в бездействии — его перекрученные лапы затекли и не слушались, ружбайс был разряжен, а чтобы заложить в него новый патрон, требовалось время. Единственное, что мог в этом положении делать Лемс, — так это говорить.

— А что, дядя ёж, — сказал он громким и таинственным шёпотом, — правда ли, что в этом лесу появился Леший, что сгоняет всех волков в стаю, а потом обдирает с них шкуры и сдаёт на пушную базу?

— Правда, — ответил хитрый ёж, — сегодня я в чаще дважды на него наткнулся — еле лапы унёс. Большой такой, лохматый, левый сапог на правой ноге, а правый — на левой. А в руках здоровущая такая и, видать, тяжеленная дубовая клюка. Как волка увидит — так этой дубиной прямо по хребтине и лупит...

Душегуб, слушая этот разговор, хмурился, с тревогой посматривал в чёрный омут леса и втягивал голову в плечи.

— Да леший-то что! — продолжал выдумывать Лемс, ободрённый испуганным молчанием волка. — Говорят, дядя ёж, что сегодня у Трёх Дубов ведьмы и ведьмаки шабаш устраивать будут. Слетится тут всякая нечисть и нежить — лягушек и пауков станут варить. А если кого рядом заметят — сразу в червяка превратят или во что-нибудь ещё похуже...

— Тише, Лемс, — с деланным испугом забормотал ёж, — а то, неровён час, накликаешь беду-то. Оно, знаешь ли, нельзя про нечистую силу говорить — она это слышит и вроде как к нам притянуться может...

— Ты это... лемминг... — стараясь не выдавать своего волнения, прохрипел Душегуб. — Молчал бы уж в самом деле... Болтаешь тут, как ...

Договорить Душегуб не успел. На небе, словно две огромные горы, столкнулись грозовые тучи, между ними мелькнула яркая искорка, и, яростно шипя, разбрасывая во все стороны мертвенно-бледные отблески, к земле тут же кинулась молния. Она ударила в крону одного из трёх дубов. Дерево вздрогнуло, почернело, его листья свернулись от невыносимого жара и, словно по команде грома, разорвавшего небо, дуб вспыхнул тысячами ярких свечей.

— Фссс!!! — метнулась к дубу вторая молния-змея. Пылающее дерево качнулось, зашаталось и, разбрасывая вокруг себя тучи испуганных искр-светлячков, рухнуло на землю. Сухая трава вокруг тут же вспыхнула, и на тёмных ликах елей затрепетали в дикой и страшной пляске отблески огня.

Душегуб, со вздыбленной шерстью и вытаращенными глазами, уже

мчался напролом через лес прочь от Трёх Дубов, совсем не думая ни о еже, ни о лемминге, ни о наказе сурового атамана.

Лемс и ёж тоже припустили что было сил прочь от опасного места. Остановиться и отдышаться им удалось только в болотистой и сырой лоцинке, где пламя догнать их уже не могло.

— Мне надо домой, очень быстро! — дёрнул за лапу ежа Лемс. — Не то волки разорят Пухелин и Гранитный! Надо что-нибудь придумать, что-нибудь найти!

— Немного тут в лесу найдётся охотников связываться с Одноглазым, — фыркнул ёж. — Птицы его боятся, белка твоя, небось, тоже в дупле сидит, носа наружу не кажет. Есть тут, правда, один старик, который давно мечтает с Одноглазым разделаться. Не знаю уж только — хватит ли у него теперь силёнок... Ну, да попытаться стоит. Побежали тогда, что ли...

Лемс, перепрыгивая через корни деревьев и стараясь уклониться от хлёстких ветвей кустарника, засеменял за шустрым ежом, быстро пробиравшимся вперед по тайной, только ему известной тропинке. Пот противными холодными ручейками заливал Лемсу глаза, всё тело зудело, капюшон давно сбился набок, а ружбайс больно бил по нижним лапам. Но Лемс упорно бежал вприпрыжку глубже и глубже в лес. Наконец, ёж остановился у заросшей мхом пещеры и, осмотревшись, юркнул в какой-то не приметный ход.

Лемс сел на траву и огляделся. В лесной глуши, куда завёл его ёж, казалось, царил глубокая ночь. У Лемса возникло такое ощущение, что с тех пор, как он подслушал разговор волков, прошло очень много времени, и хутор Пухелин, и хутор Гранитный уже наверняка разграблены жестокими и безжалостными бандитами Одноглазого.

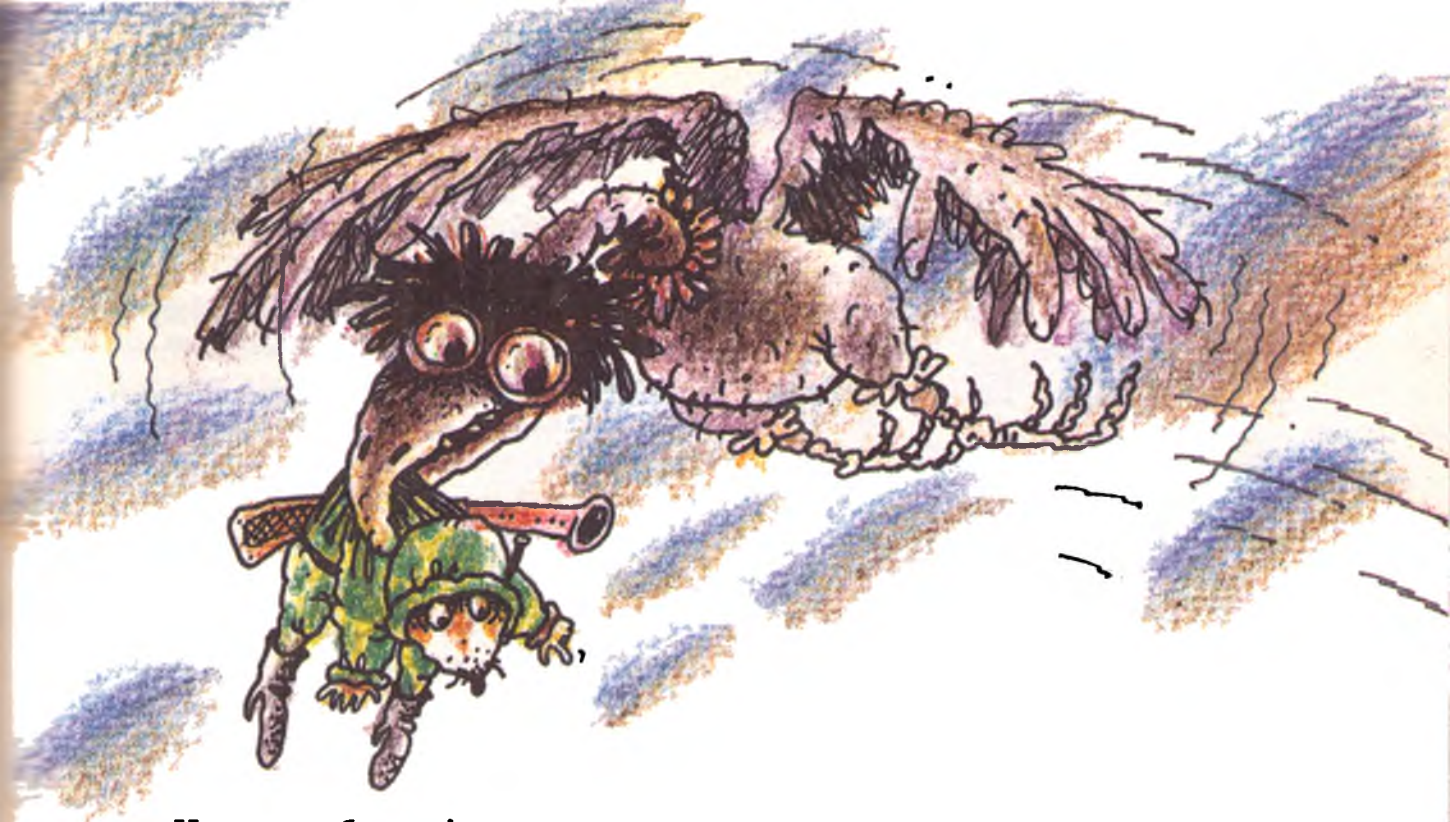
— Опоздал! Опоздал! Опоздал! — как заведённый, повторял Лемс и в отчаянии сжимал приклад ружбайса в лапах.

— Вот этот парнишка? — вдруг услышал он сиплый и жесткий, как металл, голос.

Рядом с ним стояли ёж и старый, поседевший, но ещё молодцеватый, как боевой генерал в отставке, лесной коршун. Лемс от испуга вздрогнул и отпрянул — сколько историй рассказывала ему мама о коршунах, охотящихся на леммингов!

— Малыш, а ты ничего не путаешь насчёт Одноглазого? — склонился над Лемсом хищный клюв коршуна — главы некогда могущественного клана Грифонов.

— Я всё сам слышал собственными ушами, — заверил Грифона ёж. — И видел Одноглазого своими глазами. Думаю, это тот самый разбойник, что забавы ради убил однажды всех твоих внуков...

— Не надо об этом! — сверкнули острым стеклом глаза коршуна. — Летим, малыш! Только запомни — вы можете уничтожить всю шайку, но Одноглазого оставьте мне! Мне!

Лемс не успел ещё ничего ответить, как в его ушах засвистел ветер. Грифон небожно, но крепко сжимал его в своих когтистых лапах и всё набирал и набирал скорость.

Лететь оказалось куда страшнее, чем даже прыгать с белкой Милой с ветки на ветку. Но и куда как быстрее! Лемс только начал привыкать к новому для него способу передвижения, как разглядел вдали крытую красной черепицей крышу хутора Пухелин. И тут же, на лесной просеке, заметил волков, о чем-то совещавшихся с лисом Чернохвостом.

— Осторожно! Волки! — пискнул Лемс, и Грифон тут же его понял. Коршун сделал крутой вираж в сторону и полетел низко, почти над самой землёй, напрямик к валуну, в котором прятался хутор Гранитный.

— Я подожду здесь. Не мешкайте, — коротко, словно отдавал приказание, бросил Грифон, приземляясь у валуна.

Лемс, ещё не пришедший в себя от резкой посадки, чуть ли не на четвереньках заспешил к дому.

Он ввалился в кухню через подземный потайной ход. Лемма и тётка Мила, вся ободранная и почти чёрная от дыма и копоти лесного пожара, закричали — вначале от испуга и тут же — от радости.

— Лемс, сыночек мой! — схватила Лемса в охапку мама.

— Ну вот и хорошо, вот и хорошо, — приговаривала тётка Мила,

ощупывая Лемса. — Кажись, цел, голубок. А я уж подумала, что ты сторел, сторел дотла на том проклятом дубе, где я тебе приказала сидеть!

— Видите, как хорошо иногда не слушаться взрослых! — подмигнул ей Лемс, в родных стенах живо воспрянувший духом. — Нет, мама, — решительно отодвинул он чашку травницы, уже подсунутой ему Леммой. — Волки совсем рядом! Они могут напасть с минуты на минуту!

— Ладно, — решительно сказала Лемма. — Сейчас, действительно, не до еды. Папа заваливает последний подземный ход в наш дом, и мы перебираемся на хутор Пухелин. Или мы победим вместе с людьми или вместе погибнем...

ПЕСНЬ 8 (тревожная), в которой лемминги готовятся к обороне хутора Пухелин

Лемминги вывели тётку Милу к лесу, попрощались с ней и пошли в хутор Пухелин.

Солнце, так и не выглянувшее во время заката, видимо, уже опустилось за лес, потому что сумерки стремительно скрадывали очертания хутора и его окрестностей. Деревья в лесу словно сгрудились, прижались друг к другу, стали стеной. Кусты глубокими провалами чернели на фоне тёмно-зелёной травы. Беззвёздное и безлунное небо быстро густело, наливаясь мрачными красками ночи.

Хутор Пухелин, ничего не подозревая о нависшей опасности, медленно отходил ко сну. Привалившись боком к охапке сена, устало дожёвывала свою жвачку корова Вейле. Рядом с ней, уткнувшись влажным носом в тёплое вымя, примостился телёнок Эрик. Кобыла Эни, широко расставив копыта, дремала стоя. В доме, раскинув во все стороны руки и ноги, словно он кого-то ловил, спал мальчик Юри. Его родители тоже укладывались набоковую. В деревне, чтобы подоить корову, успеть до света накормить всю скотину и почистить хлев, встают рано, часов в пять утра. Ну и ложатся поэтому вместе с сумерками.

Зато леммингам было не до сна. Они держали военный совет.

— Волки нападут ночью, — убеждал Лемпа, — когда все заснут.

— Неясно только до сих пор, как они собираются проникнуть в дом и в хлев и кто им в этом поможет? Эни? Вейле? Эрик? — От напряжённых размышлений у Лемса даже разболелась голова. Он потёр лапами виски и огорчённо признался. — У меня аж мозги кругом идут — ну, кто в хуторе Пухелин может помогать волкам? Надо по крайней мере поскорее разбудить Иохана и рассказать ему всё...

— Разбудить-то мы его разбудим, — покачал головой Лемпа, — а вот насчёт рассказать — это большой вопрос. Видишь ли, Лемс, Главная Заповедь Великой Летописи Леммингов строжайше запрещает нам показываться на глаза взрослым людям. Если это правило нарушим мы или кто-нибудь из наших сородичей, произойдёт страшная вещь. В 1461 году, когда лемминги и люди сбросили с утёсов в море злобную рать викингов Синеуса, глава войска леммингов и его боевые товарищи были приглашены на пир в честь победы над врагом. Поскольку предложение исходило от короля Олилла Мудрого — кстати, предка здешних Олилла, Лем-воитель счёл неудобным отказаться. Всю ночь лемминги веселились в замке, а наутро произошла ужасная трагедия. Сотни тысяч леммингов со всей Лемландии покинули свои жилища и, повинаясь какой-то загадочной силе, побежали к океану. Они бросались в холодные волны целыми семьями и посёлками и тонули, не в силах противостоять могучему магическому зову. Зелёные воды фиордов стали тогда серыми от утонувших леммингов, и спастись удалось очень немногим... С тех пор прошло много лет, и теперь эта история воспринимается как сказка. Но никогда с тех пор ни один лемминг не смел показаться на глаза взрослому человеку и даже ребёнку, который начал ходить в школу. Пойдёт Юри учиться, и тебе, Лемс, придётся расстаться с ним. Слишком велика опасность. С собой мы могли бы рисковать, но всем народом леммингов — никогда! Есть ещё один путь — постараться тебе, Лемс, растолковать всё о нападении волков Юри. Но, боюсь, родители ему не поверят. Почему-то взрослым всегда кажется, что у детей чересчур буйная фантазия.

Как обычно, Лемпа, увлечшись историческими событиями, забыл о времени. Он слишком любил возвышенные речи, проникнутые заботой о великом народе леммингов и великом народе людей. А тем временем и Иохан, и Анна, и тем более Юри заснули здоровым глубоким сном, который крепко овладевает человеком, много и тяжело работающим на свежем воздухе.

— Нельзя давать им спать, — инструктировал свою семью Лемпа, — пусть пока коршун Грифон спрячется за трубой на крыше, пусть потихоньку стукнет по оцинкованному водосточному желобу клювом, когда волки покажутся из леса. А нам пока хватит работы и в доме...

ПЕСНЬ 9 (колыбельная), которая не нужна людям, не знающим, что такое бессонница

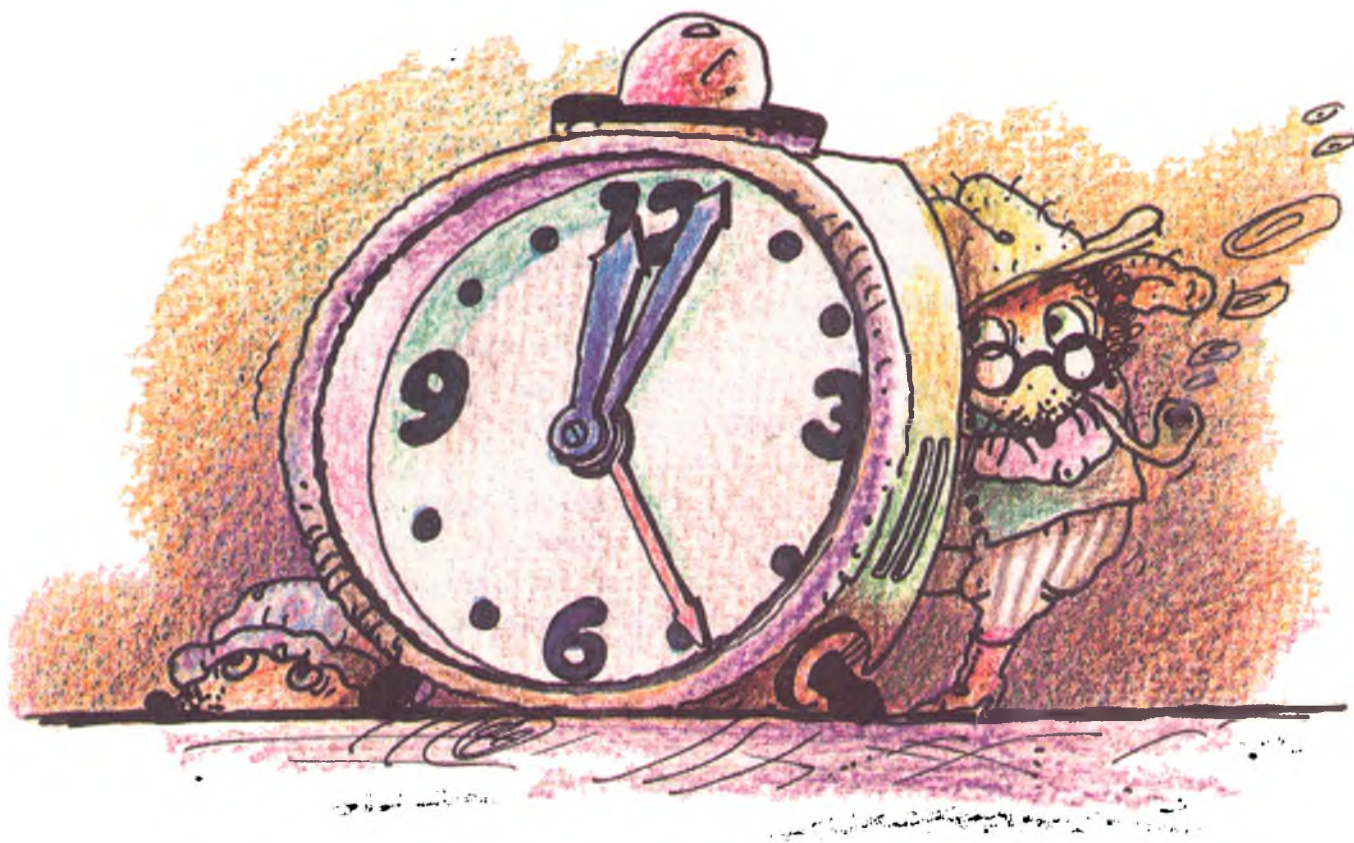
Иохан проснулся от громкого трезвона будильника, сел на кровати и, не открывая глаз, на ощупь прихлопнул рукой кнопку, останавливающую звонок. Невнятно бормоча что-то насчёт того, что «кто-то готовит всё время ужин за полночь, а ты потом встаёшь утром, как разбитая калоша», Иохан начал натягивать брюки. Анне, которая должна была подниматься после того, как Иохан накормит корову, устроилась поудобнее на кровати, чтобы провести последние, самые сладкие минуты сна в полном комфорте.

Иохан впотьмах никак не мог найти свой левый ботинок и потому нашарил на столе спички и зажёл керосиновую лампу. Тут он посмотрел на будильник и с удивлением увидел, что стрелки на циферблате показывают всего лишь полночь.

— Вот, растяпа, забыл будильник проверить, — ругнул себя вполголоса Иохан и перевёл стрелку, указывающую звонку, в котором часу звонить, на пять часов утра. — Наверное, Юри опять без спросу часы брал. Вот оттреплю его утром за уши — будет знать!

С этими словами Иохан опять быстро разделся и через минуту захрапел так, будто и не вставал.

Озадаченный Лемпа выглянул из-за будильника и пожал плечами. Честно говоря, он рассчитывал, что Иохан поднимется окончательно, зажжёт большой свет на кухне и этим отпугнет волков.

Пришлось начать всю операцию сначала.

Поднатужившись, Лемпа навалился на рычажок, переводящий стрелки часов, и сдвинул их с места. Минутная стрелка двинулась по кругу, внутри будильника что-то щёлкнуло раз, другой, третий, и тут же он залился весёлым звоном, похожим на безудержный лай молодого щенка, впервые пробующего свой голос.

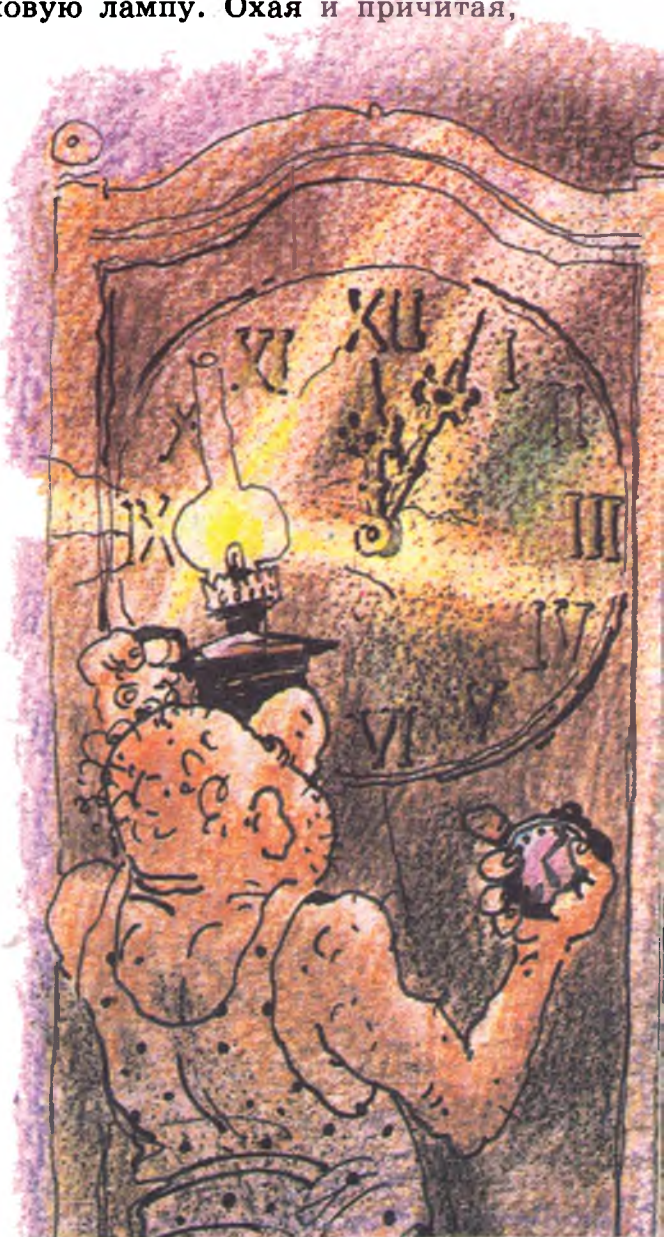
Иохан сел на кровати и, не открывая глаз, на ощупь нашёл рукой будильник и прихлопнул рукой кнопку, останавливающую звонок. Невнятно бормоча что-то насчёт того, что «кто-то всегда возится со своим вязанием до полуночи, а ты потом встаёшь рано утром, как дряхлый мерин», Иохан начал натягивать брюки. Анне сладко причмокнула губами, предвкушая самые лучшие минуты сна, когда один человек уже встаёт, а другой ещё имеет возможность чуточку поваляться.

Иохан впотьмах никак не мог найти свой левый ботинок и потому напарил на столе спички и зажёл керосиновую лампу. Охая и причитая, он пошел на кухню, чтобы запалить огонь в печи. Проходя мимо гостиной, он случайно взглянул на циферблат больших напольных часов с маятником и в недоумении остановился. Стрелки этих старинных часов, которые вот уже два века шли минута в минуту, показывали пять минут первого! А будильник в это время отстукивал начало шестого утра! Иохан раздражённо зевнул и, решив, что будильник надо будет отвезти часовому мастеру, остановил его ход и пошёл спать, справедливо полагая, что всё равно проснется вовремя по многолетней сложившейся привычке.

В десять минут первого Иохан уже выводил носом потрясающие рулады, свидетельствующие о том, что он крепко спит.

Лемпа с досадой плюнул, спустился со стола и о чём-то пошумукался с Леммой.

Через десять минут Анне, которой снился чудесный сон о новом, неописуемо красивом и модном фасоне юбки, вдруг

насторожилась. Рюшечки, фестончики и вставочки вдруг покинули её сон, и, приподнявшись на локте, она стала внимательно прислушиваться.

— Хрум, хрум, хрум, — донеслись до неё из шкаффинга звуки чьей-то осторожной трапезы. — Хрум. Хрум, хрум...

— Иохан, вставай немедленно! — толкнула Анне храпящего мужа в плечо. — Мышь забралась в шкаффинг! И чего-то там уже грызёт! Надеюсь, не твой выходной костюм... Ну же, прогони её скорее! Да что ты возишься, как медведь после спячки! Там же внизу, на дне, мои пуховые платки!

Иохан, мало что соображая, сел на кровати и, не открывая глаз, прихлопнул рукой кнопку будильника. Невнятно бормоча что-то насчёт того, что «кто-то пьёт по ночам, ломая глаза у керосиновой лампы, а ты потом встаёшь утром с головой размером с курятник», Иохан начал натягивать брюки. Потом он впотьмах никак не мог напарить свой левый ботинок, а потому стал разыскивать коробок спичек, чтобы зажечь керосиновую лампу.

— Да скорей же, Иохан! — причитала Анне. — Они же всё там сожрут, пока ты встанешь!

С раздражением почёсывая затылок, Иохан подошёл к шкаффингу и открыл дверцу. Лемма, которая пряталась там, потирая друг о друга две щечки, чтобы создать иллюзию присутствия мышей, тут же юркнула в подземный ход.

— Нет тут никого, — буркнул Иохан, вороша одежду, — приснилось тебе...

— Нет, ты внимательней, внимательней посмотри, — настаивала Анне, которая сидела на кровати, поджав ноги, потому что ужасно боялась мышей. — Вон в том углу! И там вон — на полочке!

— Ну хватит! Говорю — нет тут никого, значит, нет! — разозлился Иохан и грохнул дверцами шкаффинга так громко, что от поднявшейся пыли Лемма громко чихнула.

— Нет, ты слышал? Ты слышал, Иохан? — снова завелась Анне. — Надо будет завтра насыпать туда мышьиной отравы! Да побольше!

Пока лемминг-мама и лемминг-папа возились со старшими Олилла, Лемс прокрался в детскую, где спал Юри. По свесившемуся уголку одеяла он забрался на грудь мальчику и в задумчивости огляделся. Привалившись друг к другу, на полке мирно стояли книги. В ящике для игрушек, словно по команде «Морская фигура, на месте замри», застыла куча-мала из клоунов, лошадок, кубиков и всякой ломаной дребедени. На подоконнике, зарывшись корнями в землю, дремала в горшке герань. Взвод оловянных солдатиков под предводительством braveго капитана стоял не смыкая глаз, охраняя боевое знамя и большой военный барабан. Всё в комнате было покойно и тихо, лишь негромко посапывал Юри, да из гостиной доносился

мерный стук маятника, неторопливо шагающего по ступенькам бесконечно длинной лестницы Времени.

«Никто из взрослых обитателей хутора Пухелин, находясь в здравом уме и рассудке, не мог по своей воле пустить в дом волков и подвергнуть всё кругом смерти и запустению, — думал Лемс, внимательно глядя на спящего Юри. — Таковую глупость может совершить только несмышлёныш, ребёнок. Но Юри вот спит и, видимо, знать не знает ни о какой шайке разбойников. Кто же ещё может по своей наивности или тупости полезть волкам прямо в пасть?»

И тут Лемс догадался! Он даже привстал с места и схватился лапами за уши, чтобы от прихлынувшей к ним горячей крови они не загорелись. Помнится, прощаясь с Душегубом на поляне у Трёх Дубов, Одноглазый сказал трусливому стражу: «Вернёмся — придёт с нами говядинка!» Выходит, этим глупым, несмышлёным ребёнком является не кто иной, как телёнок Эрик!

Лемс сорвался с места и, еле успев разминуться с полусонным Иоханом, который в очередной раз с будильником в руке стоял перед большими напольными часами, юркнул в подземный ход.

Совершенно бесшумно, как бесплотное привидение, Лемс пробрался в хлев. Как он и ожидал, кобыла Эни и корова Вейле уже смотрели первый сон. А вот Эрик не спал — он привалился к воротам хлева и, выставив вперёд уши, к чему-то напряжённо прислушивался. Лемс подбежал к нему, пребольно дёрнул за хвост и тут же оказался у морды испуганного телёнка.

— Лемс?! — попятился Эрик. — Ты чего?!

— А ну живо рассказывай, дуралей, где ты хочешь пропустить волков?

— Ка-аких волко-ов?.. — сделал глаза блюдцами Эрик. — Лемс, ты что — спятил?

— Это ты спятил, телёнок несчастный! Я своими ушами, — тут Лемс для наглядности похлопал себя по своим мохнатым ушам, — слышал, как эти разбойники собирались поджарить тебя на костре! А знаешь, что они хотели сделать с твоей мамой? Загрызть на месте! И всех убить! Понял, дубина стоеросовая, с кем связался? — всё больше распалялся Лемс. — Что они тебе там наплели?

— Я вав-ва-валков не ви-идел, — стал заикаться телёнок от испуга. — Ка-ка мне лис прихо-хо-ходил, вот ... Ска-ка-казал, што хо-хо-хочит к себе в шай-ай-айку миня взять. Си-си-сигодня ночью! Я ха-ха-хател разбойником стать...

— Котлетой бы ты стал, а не разбойником, — рассердился Лемс, — кабы не тётка Мила.

— Да-а, — всхлипнул Эрик, — ты-ы-ы у нас ге-ге-герой... А мими-миня все за мале-ле-ленького держут... А лис сказал мне пи-пистолет в шайке дадут...

— По шее тебе сейчас дадут, — расвирипел Лемс, — если тотчас же не скажешь, как к тебе лис сюда пролазит!

— Та-ам в углу ба-ба-балка подгнила, — потупился Эрик. — На-на-надо только мне ка-ка-карзину с авсом атадвинуть...

— Стой! — остановил его Лемс. — Теперь будешь делать всё только по моей команде! Буди пока маму и тётку Эни. Я сейчас вернусь!

Лемс бросился обратно в детскую, схватил барабанные палочки и забил тревогу. Солдаты на полке тут же встали по стойке «смирно», герань на окне очнулась и встряхнула головой, а Юри, машинально, как лунатик, но ни секунды не мешкая, оделся и схватил со стены свою жестяную саблю.

В это время донельзя усталые Лемма и Лемпа всё пытались разбудить Иохана и Анне. Но хозяева Пухелина уже не реагировали ни на будильник, ни на шум в шкаффинге, ни на падающие со стола и разбивающиеся вдребезги стаканы, а спали таким крепким сном, который не без оснований называют мертвецким.

Лемс вместе с Юри уже растолковывали ситуацию кобыле и корове. К счастью, и Эни, и Вейле прониклись к тому времени определённой долей уважения к мнению малолетнего лемминга и беспрекословно согласились выполнить его план обороны Пухелина.

ПЕСНЬ 10 (маршевая), в которой волки пытаются штурмом взять хутор Пухелин

Одноглазый с лисом Чернохвостом и своей разномастной шайкой залёг в высокой траве на самом краю лесного клина, близко подходящего к хутору Пухелин. Хутор, едва различимый по контуру крыши на фоне неба, стоял чёрной и страшной громадиной. Несколько раз Одноглазый порывался поднять свою шайку с холодной и мокрой травы, уже начавшей набирать росу, как в одном из окон дома, по непонятной причине на несколько секунд вдруг загорался огонёк и по такой же непонятной причине тут же гас. Наконец огонёк перестал освещать окно, зато где-то вдали, глухо и едва различимо затрещало нечто, похожее на барабан.

Одноглазый повернул свою морду к лису.

— Дятел в лесу шурует, — равнодушно пояснил лис, — а эхо от дома отдаётся.

На улице стало зябко. Одноглазый понял, что ждать больше нельзя, и поднялся со своего места.

Шайка гуськом стала пересекать поляну, оставляя в росистой траве изогнутый тёмный след. Ещё какой-то подозрительный звук, похожий на звякнувший о цинковое ведро камешек, нарушил спокойствие ночи, и вокруг стало тихо, как на дне заброшенного пруда.

Волки и лис неслышным шагом профессиональных убийц подкрались к бревенчатой стене хлева. Оттуда не было слышно ни звука.

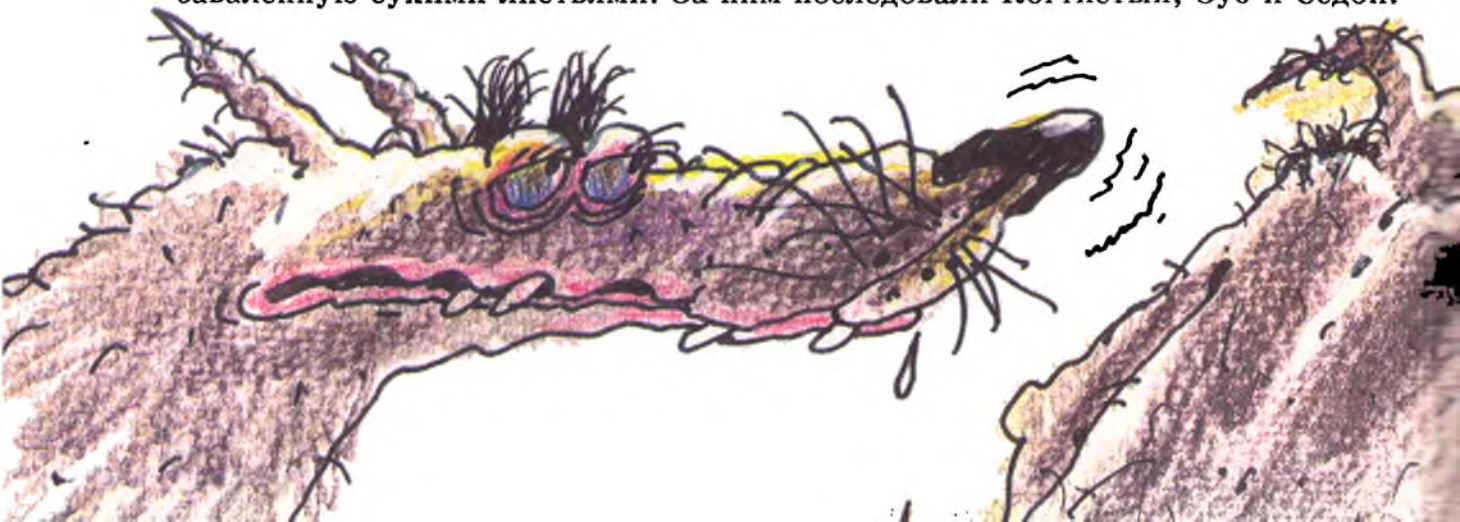
— Эрик! Эрик! — сиплым шёпотом позвал телёнка лис Чернохвост. — Ты не спишь? Это я — твой друг из разбойничьей шайки.

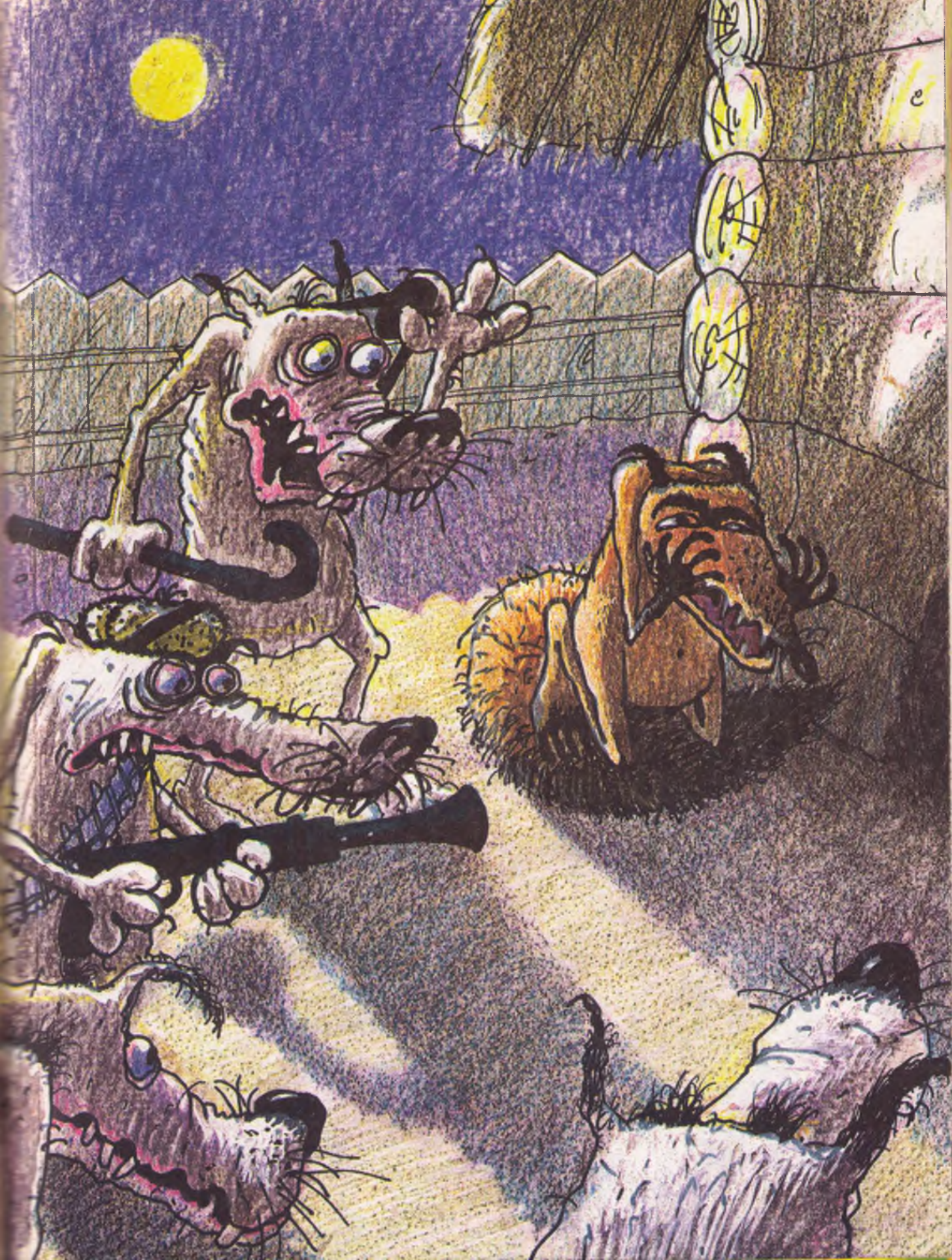
— Ага! — отозвался телёнок, которого Лемс тычком в бок вывел из состояния глубокого испуга. — Сичас, только карзину атадвину...

За стеной послышалось пыхтение Эрика и шорох.

— Готова! — шепнул Эрик. — А вы пистолет принесли?

— Принёс-принёс, мой мальчик, — усмехнулся лис и галантно показал Угрюмому на лаз в хлев. Угрюмый прижал уши и нырнул в чёрную дыру, заваленную сухими листьями. За ним последовали Когтистый, Зуб и Седой.

Когда в хлев полез Носопыр, с той стороны стены донёсся глухой удар и чей-то сдавленный хрип. Одноглазый криво ухмыльнулся, — его разбойники уже начали действовать, — и, посмотрев на лиса Чернохвоста, кивнул мордой в сторону лаза.

— Только после вас, уважаемый лис!

— Может, не стоит? — заюлил лис. — Вы здесь хозяин, а я привык уступать дорогу...

— Пошёл! — рыкнул на него Одноглазый, показав в ухмылке свои жёлтые клыки. — некогда тут препираться!

Лис залез в дыру под стеной, но не до конца.

Беспокойно дёргающийся кончик его хвоста то исчезал в тёмном провале, то появлялся снова. Вдруг он, словно укушенный,

вылетел задом из дыры, заорал: «Засада!» и ринулся

прочь. Одноглазый остолбенел, сунулся было к дыре,

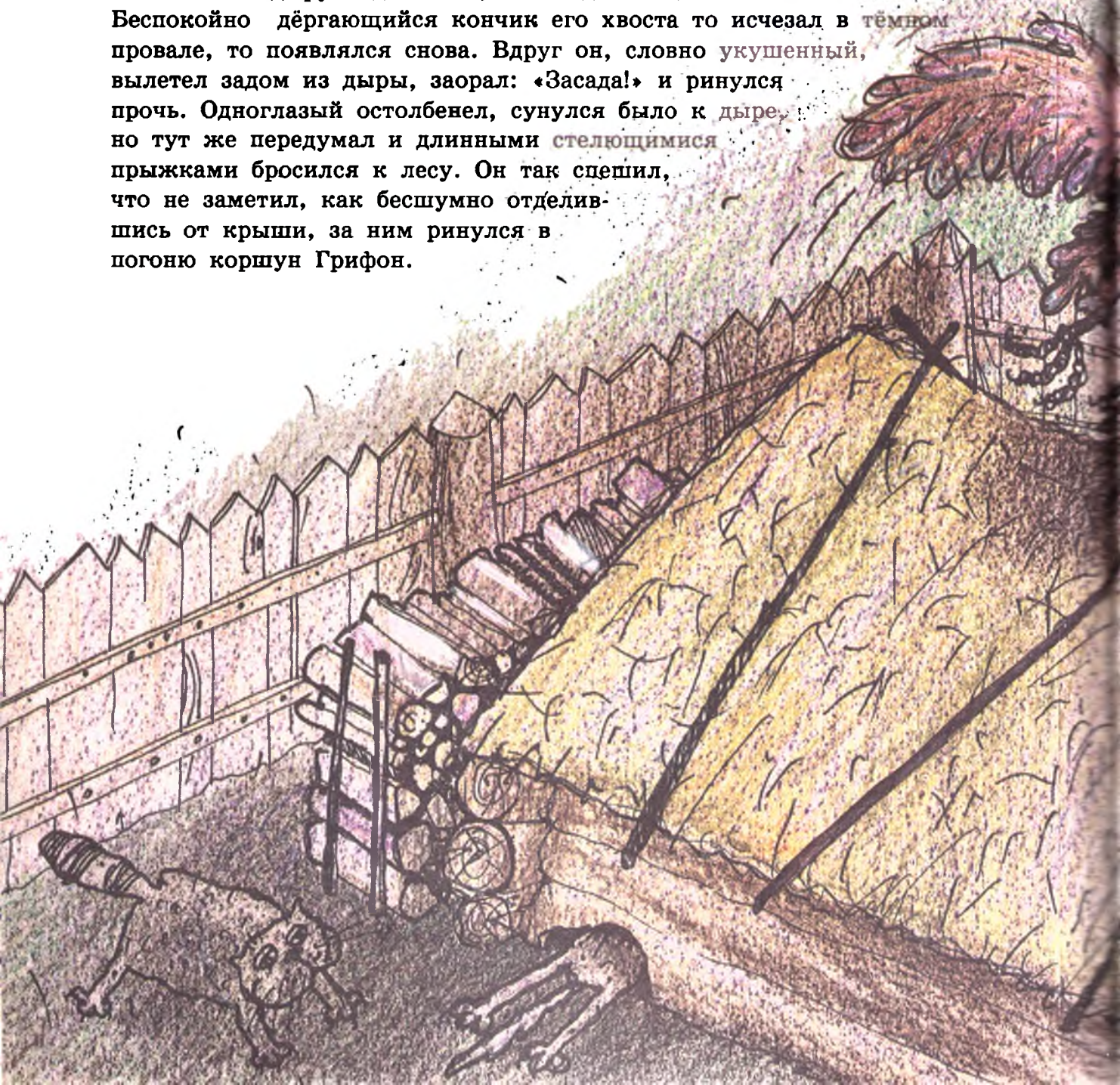
но тут же передумал и длинными стелющимися

прыжками бросился к лесу. Он так спешил,

что не заметил, как бесшумно отделив-

шись от крыши, за ним ринулся в

погоню коршун Грифон.

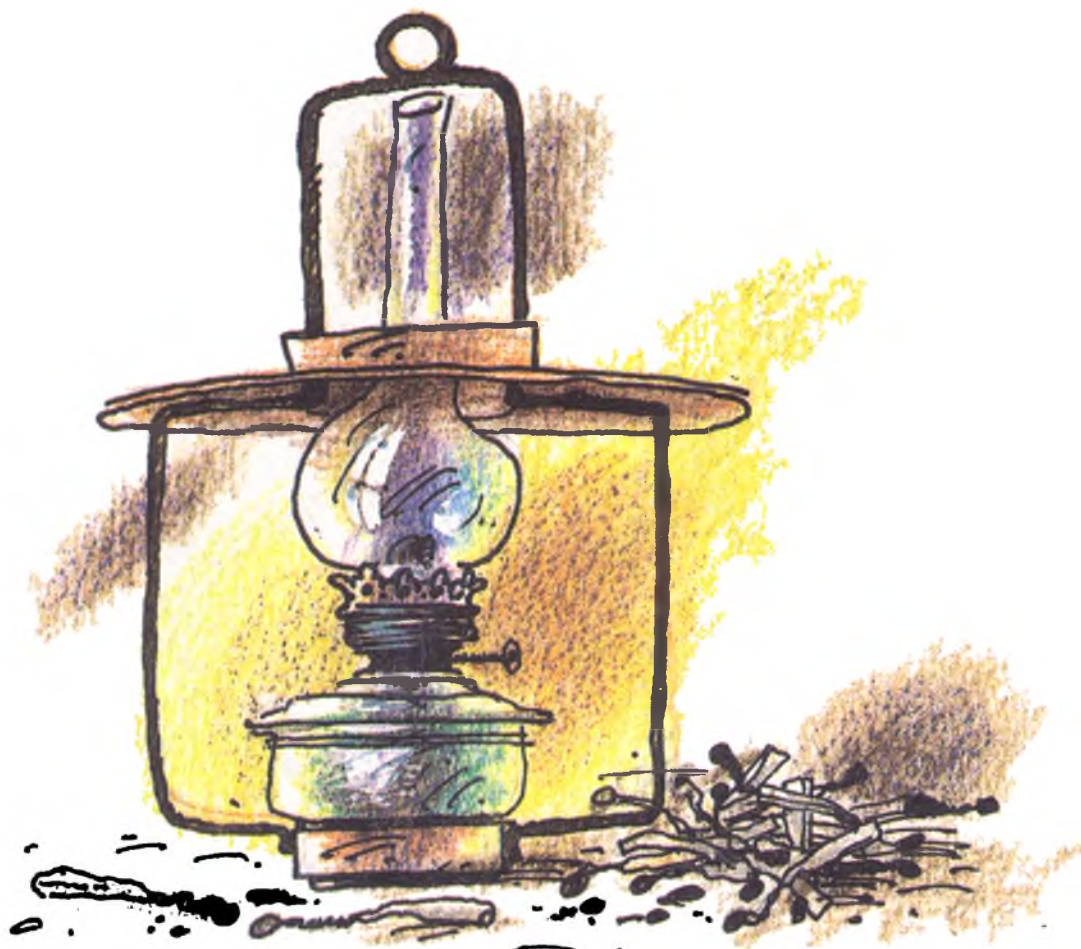

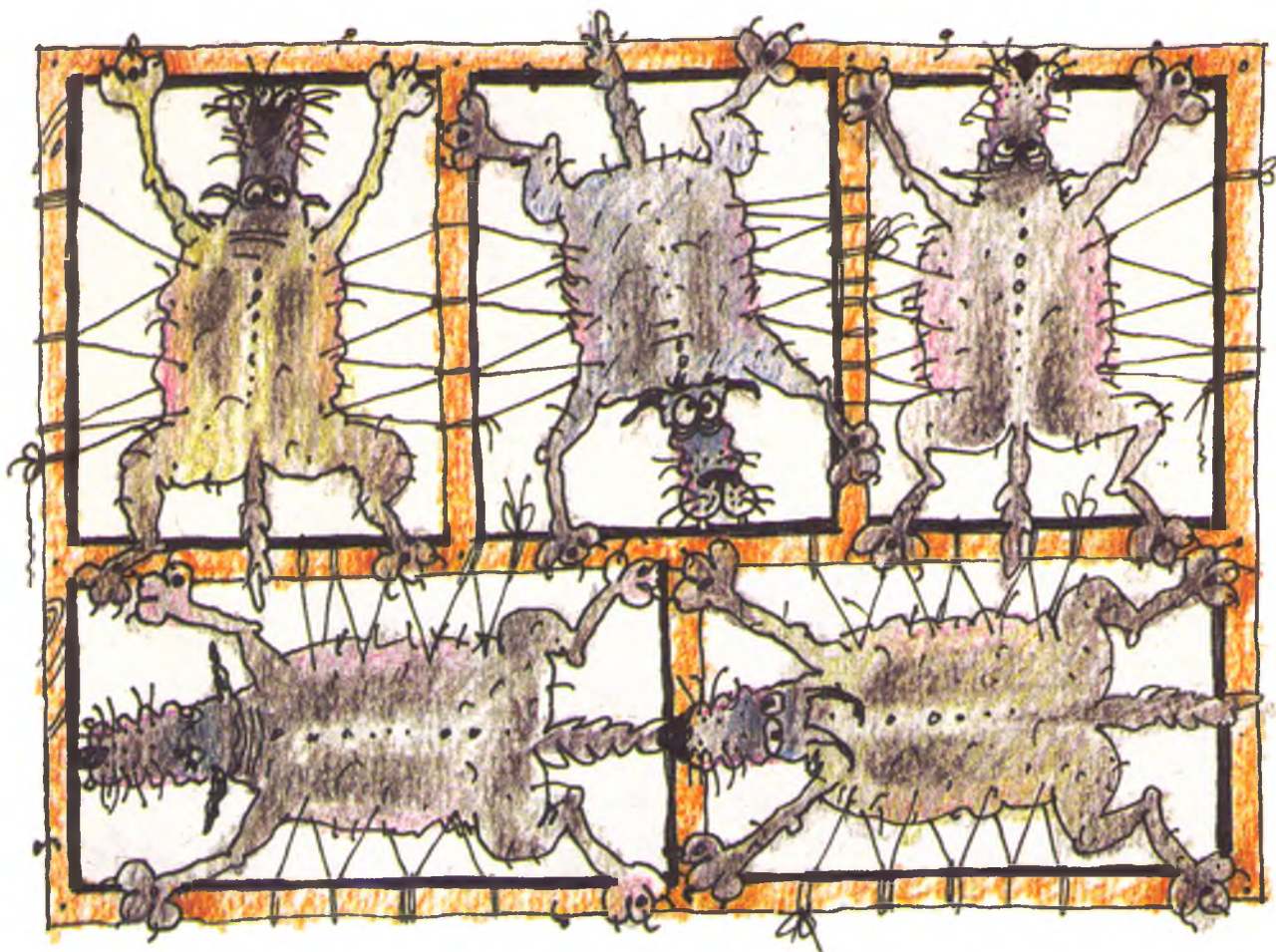
ПЕСНЬ 11 (триумфальная), в которой Иохан наконец-то просыпается

В пять часов утра Иохан сел на кровати и по привычке прихлопнул рукой кнопку будильника. Невнятно бормоча что-то насчёт того, что «кто-то возится со своими шкаффингами до третьих петухов, а ты потом вставай утром ни свет ни заря», Иохан начал натягивать брюки и с удивлением обнаружил, что они уже на нём надеты. Правый ботинок был тоже на месте, а вот левый куда-то запропастился. Иохан нашарил спички на столе и хотел зажечь керосиновую лампу, но фитиль, только занявшись жидким огоньком, тут же угас. Иохан встряхнул лампу и с изумлением убедился, что она пуста.

— Клянусь своим аккордеоном, — пробормотал Иохан. — Я же вчера вечером наполнял её до краёв!

Тут он заметил горку ломаных и горелых спичек на столе и смутно начал припоминать подробности этой сумасшедшей ночи: взбесившийся будильник, мышь в шкаффинге, летающие стаканы и другие явления, которые никак не должны были вмешиваться в жизнь трезвого труженика, привыкшего спать беспробудным сном человека с чистой совестью.

Однако ещё большее потрясение Иохан испытал, когда, затопив печь, вошел через тёплый зимний переход из дома в хлев. На полу, усыпанном соломой, в разных причудливых позах валялись пять матёрых волков с проломленными копытами головами. Корова, лошадь и телёнок как ни в чём не бывало жевали сено и спокойно глядели на обалдевшего хозяина.

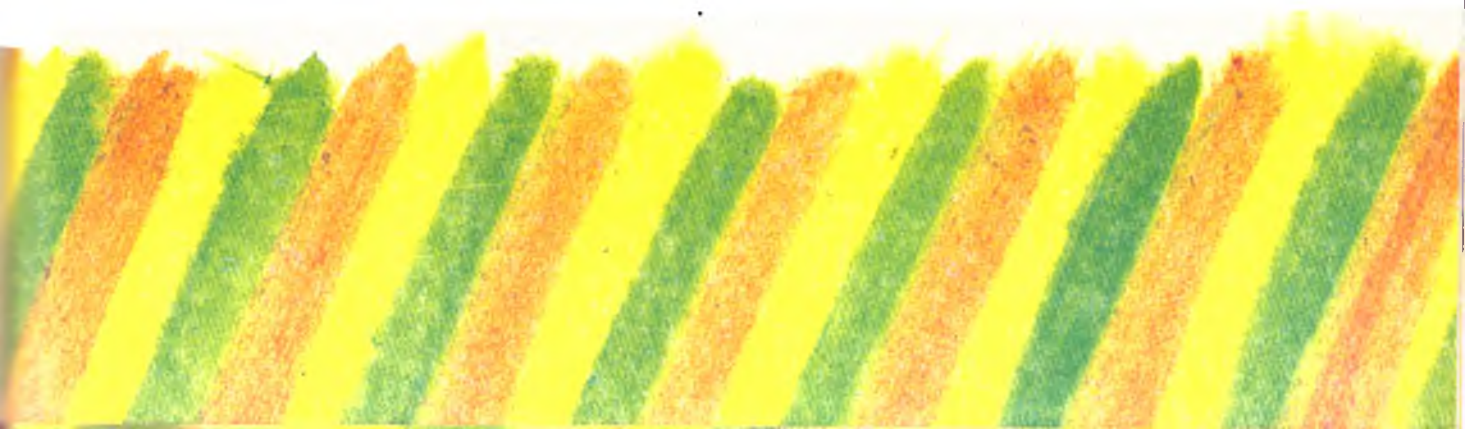
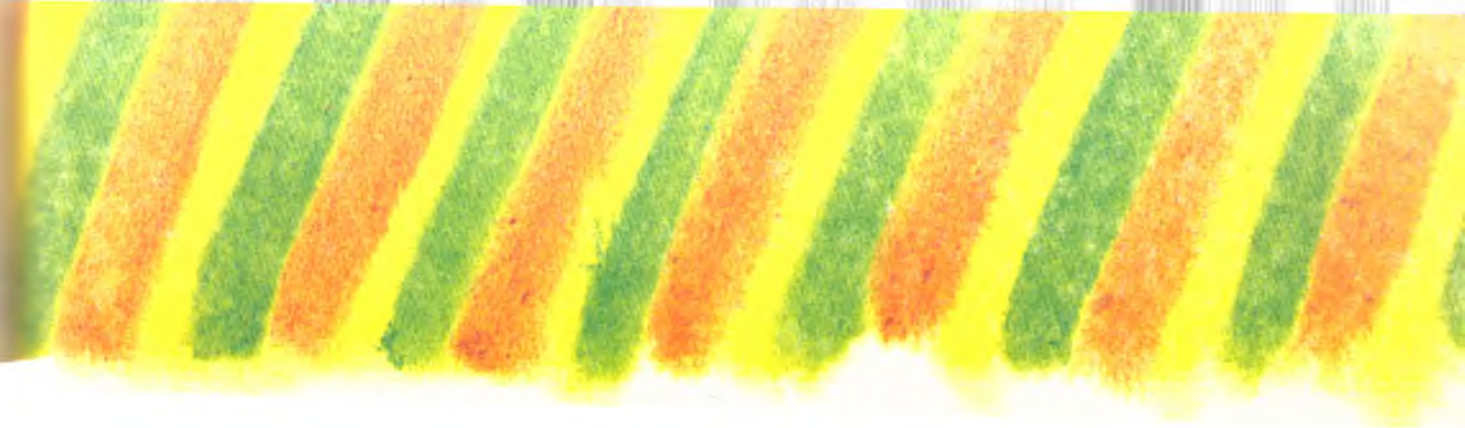
— Эни, ласточка моя! — бросился к лошади Иохан. — Ай-да кобылка, клянусь своим аккордеоном! А я, старый пень, подумывал в этом году тебя на ярмарке продать! А ты, оказывается, ещё ого-го!

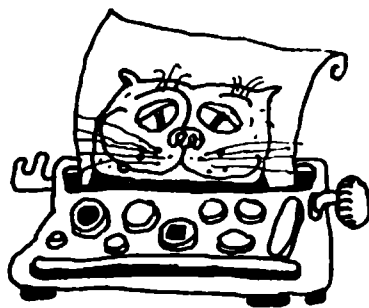
— Ле-е-емминги! — заржала лошадь, пытаясь объяснить хозяину все перипетии прошедшей ночи. Она могла бы рассказать о страшной морде Угрюмого, первым испытавшего на себе крепость копыт коровы и лошади; о смелом Юри, что оттаскивал очередного поверженного врага от дыры, освобождая путь следующим; о маленьком, но чрезвычайно храбром лемминге, который, собственно говоря, и спас хутор Пухелин от разорения, а его обитателей от смерти.

Но хозяин, естественно, лошадиного языка принять не мог. Он поглаживал разволновавшуюся лошадь по гриве и прикидывал, сможет ли скорняк скроить из пяти старых волчьих шкур одну новую шубу.

А маленький Лемс в это время, по старой привычке подобрав под себя лапы и хвост и спихнув одеяло на пол, мирно сопел в своей кровати. Лемминг-мама и лемминг-папа, приводя дом в порядок после осадного положения, мимо его комнаты проходили на цыпочках. Их сыночку необходимо было как следует выспаться. Ведь не приходилось сомневаться, что днём у взрослого не по годам Лемса опять начнутся опасности и приключения. Впрочем, на то он и лемминг.

Самые лучшие люди на свете — это дети. Поэтому, когда я почувствовал, что могу написать что-то стоящее, я принялся писать, как помечают иногда в аннотациях, «книгу для лиц младшего и среднего возраста». Рукописи я носил на просмотр маститым писателям, и когда они давали лестные отзывы о Хрюки Мауси, детективе из Чаппареля, о хрюшах, о леммингах, я ужасно радовался и был горд за себя. Но ещё больше я радовался, когда читал книгу тем, для кого она, собственно, и предназначалась. И если дети смеялись над похождениями незадачливого Тилёпы или над забавными приключениями лемминга Лемса, мне хотелось писать

для них ещё и ещё. Тем более, что самые лучшие друзья детских писателей — малыши и малышки — сами по себе яркие прототипы новых смешных героев и ситуаций. Я вот, например, лично имею честь быть знакомым с Тилёпой и Лемсом, тем более, что в паспорте они значатся как мои собственные дети.

А теперь о тех, без которых эта книга не стала бы известной великому детскому народу:

— о моих родителях, которые снисходительно относились в своё время ко всем моим художествам, чем и позволили развиваться моей индивидуальности;

— о моей жене, которая долгие годы терпит шныряющих по дому хрюшей, леммингов и прочую сказочную братию;

— о друзьях, которые откладывая свои Очень Важные Дела, приезжали ко мне (или я вламывался в дом к ним), чтобы послушать свежую, только что из-под пера, главу;

— о программистах, которым я долгие годы активно засорял память их компьютеров;

— об издателях, которые нашли меня (а я их);

— о коте Федоте, большом друге молодых писателей;

— о художнике, который, не жалея красок, нарисовал героев книги;

— о наборщиках;

— о печатниках;

— о продавцах...

В ОБЩЕМ, О ВСЕХ ТЕХ, КТО...

А теперь слово за вами, читатель. Если вам понравилась (или не понравилась) эта книга, вы ее можете похвалить (поругать), написав по адресу издательства. Если письмо вам поможет составить мама, папа или бабушка, я буду только рад. А если вы сами поможете маме, папе или бабушке (например, помыть посуду), я буду рад вдвойне. Так что пишите! И в особенности о том, что смешного, удивительного и замечательного происходит в вашей жизни.

Ваш Андрей ТРУ
(он же Трушкин Андрей Анатольевич,
он же Доктор Ковбасюк, эсквайр)

СОДЕРЖАНИЕ

*ХРЮКИ МАУСИ,
ДЕТЕКТИВ ИЗ ЧАППАРЕЛЯ*

7

*ПРИКЛЮЧЕНИЯ
маленького ПОРОСЕНКА
ИНВЕНТАРНЫЙ НУМЕР 17819,*

41

*КАЗЯ-БАЗЯ, ТИЛЕПА
И ДРУГИЕ ХРЮШИ*

97

САГА О ЛЕММИНГАХ

155

ОТ АВТОРА

211

Кит Федот

АНДРЕЙ ТРУ
(Трушкин Андрей Анатольевич)

**ХРЮКИ МАУСИ —
ДЕТЕКТИВ ИЗ ЧАППАРЕЛЯ**

Редактор *Н. Д. Шадуров*
Художник *Н. В. Кошкин*
Технический и художественный редактор
Л. В. Прыткова
Корректор *Л. Е. Новожилова*

ЛР № 060583 от 23.01.92

Сдано в набор 11.01.94. Подписано в печать 7.02.94. Формат 84 × 108/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Усл. п. л. 22,68.
Уч.-изд. л. 8,05+11,79. Заказ 792. Тираж 200 000 экз. 1-й завод (1—70000).

Творческое объединение «Нюанс»
Издательство «Нюанс»
150014, г. Ярославль, ул. Свободы, 56.

АООТ «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

